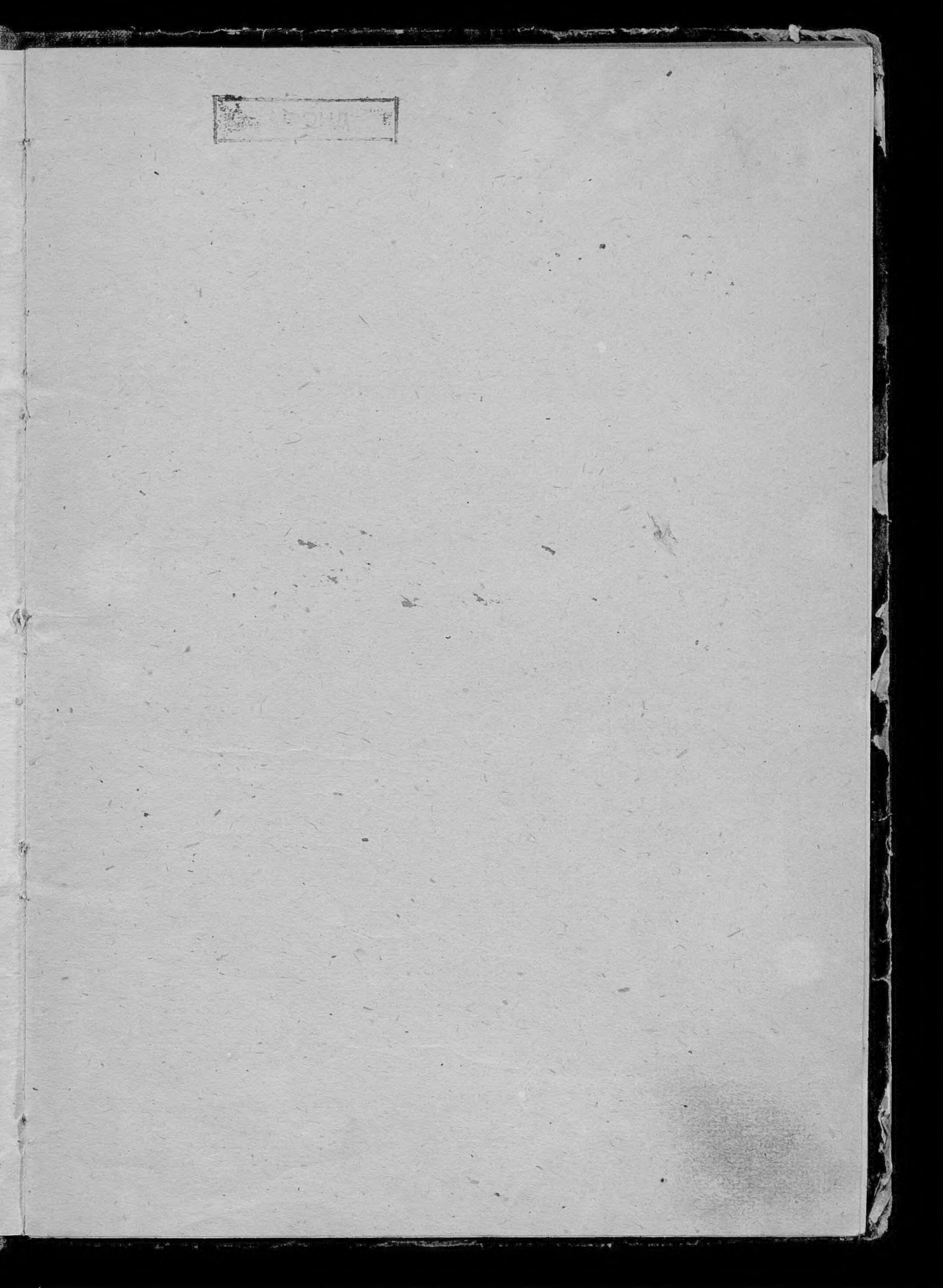
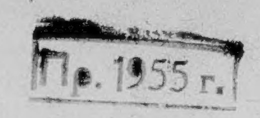

296830
М 319

Масонъ.

Секретныя записки о Россіи

и въ частности о концѣ царствованія Екатерины II и правленіи Павла I.

Томъ I.

Переводъ со 2-го изданія

Н. На-го.

МОСКВА —1918 г.

Изданіе И. И. КАЗАНОВА.

Типографія „КУЛЬТУРА".
А. К. МІЕСЕРОВОЙ.
Никитскія ворота, Мерзляковскій пер., д. 7.
Телефонъ 3-15-01.

Нѣсколько словъ отъ издателей русскаго перевода „Секретныхъ записокъ о Россіи“ Масона.

Секретные мемуары о Россіи на самой грани XVIII и XIX вѣка, принадлежащіе перу Карла Масона, памятникъ, давно уже извѣстный на западѣ Европы и у насъ, на родинѣ, болѣе или менѣе узкому кружку спеціалистовъ. Авторъ ихъ, французъ по происхожденію, родился въ Женевѣ въ 1762 году. Юные годы свои Масонъ провелъ однако же за предѣлами родины и своимъ образованіемъ обязанъ, главнымъ образомъ, Германіи. Но и здѣсь живой французъ не могъ или не пожелалъ найти практическаго примѣненія своимъ силамъ и, пытаясь вступить на поприще самостоятельной жизни и дѣятельности, исколесилъ сначала равнины и города суровой Ливоніи. Наконецъ, въ 1786 году, судьба забросила его въ мало вѣдомую тогда для иностранцевъ, загадочную, но гостепріимную Россію. Въ общемъ приливѣ иноземцевъ, пытавшихся здѣсь обосноваться и охотнѣе всего бравшихся за педагогику, Масонъ былъ однимъ изъ немногихъ сравнительно искателей карьеры и фортуны, соединявшихъ въ своемъ лицѣ житейскіе расчеты съ развитымъ умомъ, знаніями и способностями. Артиллерійско-инженерный кадетскій корпусъ открылъ передъ нимъ свои двери и въ его стѣнахъ онъ началъ свою службу въ Петербургѣ въ качествѣ преподавателя. Въ недалекомъ времени Масонъ былъ замѣченъ и вліятельный тогда при дворѣ генералъ-аншефъ и главный воспитатель великихъ князей, Александра и Константина Павловичей, Николай Ивановичъ Салтыковъ, удостоилъ его высокой чести, поручивъ ему дѣло обученія своихъ сыновей. Послѣдніе нерѣдко занимались совмѣстно съ внуками Екатерины II и, такимъ образомъ, Масону суждено было принять нѣкоторое участіе и въ воспитаніи юныхъ отпрысковъ царской семьи. Завязавъ многочисленныя связи и знакомства и постепенно продвигаясь въ чинахъ и матеріальномъ благосостояніи, Масонъ въ 1795 году назначенъ былъ секретаремъ старшаго внука Екатерины, великаго князя Александра, котораго престарѣлая императрица намѣревалась объявить прямымъ наслѣдникомъ своего престола, минуя его отца. Внезапная смерть не позволила осуществиться планамъ государыни, и на русскій тронъ вступилъ капризный и взбалмошный Павелъ. Въ самый же годъ своего

воцаренія (1796 г.) новый императоръ, опаляясь и награждая направо и налѣво, не миновалъ своимъ вниманіемъ и Масона. Безъ суда и слѣдствія бывшій секретарь наслѣдника престола неожиданно былъ удаленъ изъ Россіи съ запрещеніемъ въѣзда сюда. Масонъ направился въ Германію, а отсюда во Францію и потомъ поступилъ на службу въ войска гельветической республики. Умеръ онъ въ 1807 году въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Уже въ первые годы послѣ своего невольнаго удаленія изъ Россіи Масонъ посвятилъ свой досугъ литературному труду, посвященному сѣверной державѣ и задуманному еще въ ея границахъ. Онъ тщательно собиралъ для него матеріалы, пользуясь не только личными наблюденіями, но и сообщеніями и разсказами своихъ русскихъ знакомцевъ. Многое изъ такихъ записей Масона погибло, но часть ихъ сохранилась и она-то и легла въ основу прогремѣвшихъ въ свое время „Секретныхъ мемуаровъ о Россіи“ и въ частности о концѣ царствованія Екатерины II и о царствованіи Павла I“.

Впечатлѣнія отъ русской имперіи, ея верховнаго правительства, ея учрежденій, нравовъ, обычаевъ и населенія были еще свѣжи у изгнанника-мемуариста, если принять во вниманіе, что первое изданіе его воспоминаній появилось въ свѣтъ въ 1799—1800 году. Въ 1802 г. понадобилось уже второе ихъ изданіе, дополненное и исправленное, вышедшее на этотъ разъ, благодаря внѣшнимъ препятствіямъ, въ Лондонѣ, а въ 1803 г. и третье, отпечатанное въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ мемуары Масона, вызвавъ своего рода сенсацію, широко распространились по Европѣ, получили тамъ громкую извѣстность и были переиздаваемы, между прочимъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Что касается Россіи, то сюда эти мемуары могли проникнуть лишь съ трудомъ и только въ руки немногихъ избранныхъ. Ученые ихъ, разумѣется, знали, пользовались ими и ссылались на нихъ въ своихъ трудахъ по русской исторіи XVIII вѣка. Широкая же публика могла знать ихъ только въ отрывкахъ, если случайно не имѣла въ своихъ рукахъ французскаго оригинала.

Катастрофа, разыгравшаяся надъ авторомъ этого произведенія въ Россіи, гдѣ до поры до времени оставалась его ошеломленная семья, конечно, должна была раздражить его. Это раздраженіе невольно отразилось и на трудѣ Масона, гдѣ прорываются рѣзкости, гдѣ чувствуются сарказмъ, негодованіе и озлобленіе, гдѣ замѣтенъ подчасъ тенденціозный подборъ фактовъ и совершенно превратное ихъ освѣщеніе. Съ другой стороны, разница въ психологіи, контрастъ въ бытѣ, отчужденность въ нравахъ, понятіяхъ и навыкахъ—все это сплошь и рядомъ мѣшало Масону вполнѣ правильно понять и оцѣнить лица и событія чужой страны, находившейся въ то время въ натянутыхъ отношеніяхъ и даже въ войнѣ съ его родиной. Страсть же людей XVXII вѣка къ игривымъ сценамъ и картинамъ нѣкоторая разнузданность воображенія и вкусовъ, общая всѣмъ современникамъ Масона, окрасила нѣсколько и его изложеніе, гдѣ попадаются мѣста и страницы, эпизоды и замѣчанія, не совсѣмъ уживающіеся съ скромностью и цѣломудріемъ. При всемъ томъ авторъ мемуаровъ, несомнѣнно, старался быть по возможности правдивымъ и искреннимъ. Онъ былъ наблюдателенъ, остроуменъ, начитанъ, обладалъ литературной

сноровкой и бойкимъ языкомъ. Кругъ его интересовъ былъ широкъ и разнообразенъ, число освѣдомленныхъ собесѣдниковъ, дѣлившихся съ нимъ своими достовѣрными свѣдѣніями, довольно значительно. Онъ стоялъ поблизости отъ кормила правленія, собственными глазами видѣлъ многое и многихъ изъ примѣчательнаго, дѣла и дѣятелей, тронъ и его знатнѣйшихъ слугъ. Все это помогло ему собрать много интереснаго, уловить иногда типическое и зарисовать въ краскахъ и образахъ, дышащихъ экспрессіей жизни, мѣстности и эпохи. Недаромъ даже такой великій знатокъ русской исторіи, какъ покойный профессоръ Московскаго университета Василій Осиповичъ Ключевскій, въ личной бесѣдѣ съ переводчикомъ отзывался о мемуарахъ Масона далеко не скептически. Онъ находилъ въ нихъ много „чрезвычайно характернаго". Только поэтому издательство и взяло на себя трудъ въ наше неблагопріятное время отпечатать и обнародовать эти старинныя записки, доселѣ недоступныя широкимъ слоямъ русскаго общества и не существовавшія въ русскомъ переводѣ Нами руководило стремленіе заполнить этотъ существенный пробѣлъ въ мемуарной литературѣ и осуществить, наконецъ, надежды автора, работавшаго, по его собственнымъ словамъ, для пользы русскаго народа. Воспитанный на освободительныхъ принципахъ великой французской революціи, Масонъ съ отвращеніемъ отнесся къ самодурству и произволу самодержавнаго русскаго деспотизма. Онъ его возненавидѣлъ, несмотря на ясное сознаніе ошибокъ и крайностей французскихъ республиканскихъ властей. Онъ боялся, что ошибки эти сыграютъ въ руку реакціи и возвратятъ во Франціи поверженные кумиры. Такая опасность не устранена и для насъ, русскихъ гражданъ, переживающихъ вулканическій моментъ соціальнаго переворота. Въ новомъ многое пугаетъ и отталкиваетъ и старое грозитъ возродиться съ прежней силой и въ прежнемъ мракѣ. Книга Масона можетъ и должна напомнить всѣмъ, кто имѣетъ очи, сколь постыденъ ликъ пережитаго прошлаго. Желательно въ текущіе моменты, чтобы она проникла поглубже и пошире въ различные круги русскихъ читателей и удержала отъ соблазна тѣхъ, кто, можетъ быть, уже поддается очарованію рухнувшаго самодержавнаго строя. Въ расчетѣ на малоподготовленнаго читателя къ переводу и сдѣланы нѣкоторыя поясненія и примѣчанія, отсутствующія въ подлинникѣ. И давно покойный авторъ, поклонникъ свободы и философіи, и его русскіе переводчики и издатели, преданные той же мечтѣ, одинаково будутъ удовлетворены и вознаграждены, если достигнутъ своей цѣли—хотя нѣсколько ослабить надвигающуюся въ нашемъ отечествѣ мрачную реакцію умовъ и сердецъ.

Предисловіе

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ КНИГИ.

Въ моментъ, когда Франція только что восторжествовала надъ бѣшенствомъ своихъ враговъ и даже надъ преступленіями своихъ защитниковъ; въ моментъ, когда начала нравственнаго возрожденія и политическаго усовершенствованія, наконецъ, возобладали, но когда заблужденія и излишества, учиненныя ими, угрожаютъ сдѣлать ихъ навсегда ненавистными, было важно показать, какъ деспотизмъ, окопавшійся въ пустыняхъ Сѣвера, ограждаетъ себя всѣми средневѣковыми предразсудками и всѣми религіозными глупостями, какъ онъ укрѣпляетъ себя всѣми обветшалыми учрежденіями вѣковъ невѣжества и суевѣрія, обломки которыхъ онъ подбираетъ.

Противопоставить униженіе, нищету и безнравственность народа закабаленнаго и еще варварскаго, но интереснаго по своимъ качествамъ и по своему характеру, соціальной дезорганизаціи, въ которой упрекаютъ націю, только-что освободившуюся; показать эксцессы, противорѣчія и нелѣпости самодержавной власти рядомъ съ ошибками и несообразностями республиканскаго правленія, — это значило бы содѣйствовать пріостановкѣ той ужасной реакціи, которая приближается и послѣдствіемъ которой было бы погруженіе Европы въ варварство и рабство. Такова была политическая цѣль автора „Мемуаровъ о Россіи“. Можно ли было лучше ее достигнуть, чѣмъ путемъ откровенной обрисовки двора, управленія, нравовъ и лицъ, представляющихъ, изъ принциповъ совершенно противоположныхъ, примѣры эксцессовъ, болѣе возмутительныхъ, нежели всѣ тѣ, которыми кичатся противники свободы и философіи? Было бы слишкомъ опасно для величественнаго дѣла человѣчества безъ конца собирать преступленія революціи и забывать тѣхъ, кто ее произвелъ и кто будетъ всегда ее оправдывать въ глазахъ народовъ и мудрецовъ.

Правда, что авторъ въ то время, какъ писалъ эти записки, только-что былъ оторванъ произвольнымъ приказомъ отъ своей опечаленной семьи и отъ состоянія, пріобрѣтеннаго двѣнадцатью лѣтами службы, и сосланъ, какъ преступникъ, въ пустыню, не зная даже

того, въ чемъ его обвиняютъ. Когда, немного спустя, онъ позволилъ себѣ опубликованіе части этого сочиненія, тотъ же самый государь, который его изгналъ безъ всякаго опредѣленнаго мотива, послалъ за восемьсотъ льё новаго Атиллу *), во главѣ 80000 человѣкъ, опустошить и поработить его родину, разрушить медленную и трудную работу вѣковъ, цивилизацію и надежду всего человѣчества.

Если бы онъ имѣлъ подъ своимъ командованіемъ сотню тысячъ людей, онъ заставилъ бы ихъ тогда отправиться въ походъ противъ своего угнетателя, который объявилъ себя таковымъ же по отношенію ко всему человѣческому роду. Но у него было только перо и онъ воспользовался имъ съ умѣренностью. Въ эти моменты негодованія и жажды мести онъ разрѣшился только крикомъ истины. Онъ имѣлъ даже добросовѣстность предупредить своихъ читателей, что, такъ какъ его сердце было уязвлено, у него вырвались выраженія рѣзкія, но самые вещи и факты не были искажены **).

Теперь, когда онъ соединился со своимъ семействомъ и когда спокойствіе снова снизошло въ его душу; теперь, когда ему остается только сожалѣніе о своей юности, загубленной въ Россіи, о своей сомнительной фортунѣ и почестяхъ, которыхъ онъ никогда не домогался; теперь, когда онъ попытался взглянуть на несправедливость, жертвой которой онъ былъ, какъ на благодѣяніе Павла, возвратившаго ему родину и, можетъ быть, счастье; въ тотъ самый моментъ, когда императоръ Россіи, измѣнивъ систему, отзываетъ свои опустошительныя арміи отъ нашихъ границъ и самъ, повидимому, готовъ уважать великаго человѣка ***) послѣ того, какъ столь недостойно третировалъ тѣхъ, вина которыхъ состояла лишь въ выраженіи подобнаго чувства при его дворѣ; въ этотъ моментъ, говорю я, авторъ перечиталъ свое сочиненіе и тѣ критическія замѣчанія, которыя на него были сдѣланы: онъ находитъ, что въ книгѣ этой нечего выпускать, даже тѣ самые вырвавшіеся изъ сердца эпитеты, о которыхъ онъ предупредилъ публику.

Найдутся, безъ сомнѣнія, лица, которыя не почувствуютъ довѣрія, заслуживаемаго этимъ признаніемъ, которыя не пожелаютъ даже его понять. Согласно съ ихъ воззрѣніемъ, разъ обижены правительствомъ, слѣдуетъ открыть о немъ всевозможную гадость, а если получили отъ него какое-либо особенное благодѣяніе, обязаны говорить о немъ только добро. Таково сужденіе низменнаго эгоизма нашихъ дней. Совѣсть писателя, истина, вѣчный источникъ всего того, что можетъ быть полезно человѣчеству, для него всегда безразличны.

*) Рѣчь идетъ о Суворовѣ.

**) До какихъ поръ тѣ, которые убиваютъ или заставляютъ убивать тысячи людей изъ интереса или изъ тщеславія будутъ находить, дурнымъ, что ихъ осуждаютъ, что ихъ обвиняютъ, что ихъ проклинаютъ? Въ моментъ, когда 20000 нашихъ соотечественниковъ погибли въ Италіи отъ меча Суворова, въ Парижѣ утверждали, что Павелъ былъ государь миролюбивый, а Суворовъ гуманный генералъ; политика жестокая, болѣе опасная, нежели удары убійцы. Слуги тирановъ такъ низки, что они упрекаютъ свою жертву за тѣ крики, которые она испускаетъ, и за ту кровь, которую она проливаетъ; она ихъ обвиняетъ, записывая ихъ преступленіе на землѣ. (Примѣч. автора).

***) Т. е. Бонапарта.

Вотъ почему человѣкъ, который возмущается и негодуетъ при видѣ несправедливости, и который осмѣливается рисовать предметы въ натуральныхъ краскахъ, будетъ признанъ человѣкомъ мстительнымъ, слушающимся только своего личнаго чувства. Низость дойдетъ даже до упрековъ ему за неискусное пользованіе своими средствами. Такимъ-то вотъ образомъ продажный писатель раскрываетъ, самъ того не подозрѣвая, гнусность своего сердца; для него имѣть мужество въ защитѣ истины — только простая глупость. Должно быть низкимъ и лживымъ, чтобы не запугать лицемѣра; должно быть холоднымъ, какъ порокъ, чтобы не огорчить преступленія *).

Другіе станутъ утверждать еще, что тотъ, кто игралъ какую-нибудь роль въ событіяхъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, не можетъ сдѣлать этого безпристрастно. Увы! авторъ мемуаровъ почти не игралъ другой роли въ Россіи, кромѣ роли наблюдателя и жертвы. Но кто же соберетъ достойные для исторіи матеріалы, если не тѣ, которые были свидѣтелями фактовъ и которые знали лица и мѣстности? Будутъ ли это парижскіе журналисты, занятые опубликованіемъ того, что соотвѣтствуетъ моменту, въ который они пишутъ, безъ всякаго беспокойства о томъ, правда ли написанное или ложь, и всегда готовые на постыдное разоблаченіе себя самихъ, если обстоятельства измѣняются, или если они сдѣлали глупость? То, что скажутъ писатели, жившіе при дворахъ и съ людьми, о которыхъ они говорятъ, всегда будетъ запечатлѣно духомъ времени, характеромъ лицъ и мѣстнымъ колоритомъ; самыя ихъ пристрастія будутъ только лишнимъ штрихомъ для истины. Они для подлиннаго историка то же самое, что для великаго живописца снабжающій его красками во всей ихъ разительной живости; дѣло артиста ихъ нюансировать, ихъ смѣшать, ихъ выбрать, чтобы скомпановать съ ихъ помощью свою картину. Если у историка нѣтъ матеріаловъ изъ первыхъ рукъ, то его работа не будетъ имѣть ни истины, ни силы, ни физіономіи; она не будетъ носить ни печати вѣка, ни характера народа, и исторія будетъ только тѣмъ, чѣмъ она часто бываетъ — политической системой человѣка, который ее написалъ, и результатомъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ писалъ. Писатель будетъ походить тогда на живописца, который, за недостаткомъ модели, даетъ намъ свою физіономію, скопированную

---

*) „Mercure de France“, похваливъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ номеровъ, правдивость Мемуаровъ о Россіи въ томъ, что относится къ шведскому королю, говоритъ затѣмъ, разсуждая объ Исторіи Левека, что этотъ почитаемый авторъ весьма остерегался подражать этимъ очень мало секретнымъ мемуарамъ, которые продиктованы, кажется, любовью къ скандалу и которые никакое національное чувство никогда не можетъ оправдать. Такимъ образомъ, по системѣ этихъ господъ, составляющихъ литературную партію, во главѣ которой стоитъ, повидимому, Меркурій, а журналъ оппозиціи въ хвостѣ, не слѣдуетъ въ историческомъ трудѣ говорить истину, исключая случаевъ, когда она не задѣваетъ друзей развращенныхъ дворовъ. Не значитъ ли это, что постыдно раскрывать преступленіе, но не постыдно его совершать? Не забавно ли видѣть Меркурія и Журналъ оппозиціи скандализованными нѣсколькими анекдотами двора Екатерины II, чистоту и добродѣтели котораго они знаютъ. Э! что бы сказали эти господа, если бы авторъ былъ непристоенъ? Если бы эти суровые парижане знали его нравы и его сердце, они не дерзнули бы упрекать его въ неприличіи. Онъ имѣлъ бы право повторить по ихъ адресу послѣдніе стихи одного посланія: „А вы часто ходите туда, куда я не хожу никогда“. (Примѣч. автора).

при помощи зеркала, взамѣнъ физіономій лицъ, которыя онъ желаетъ воспроизвести.

Находили поводъ къ сомнѣнію въ правдивости этихъ записокъ какъ разъ въ томъ, что должно послужить къ ея доказательству,— именно въ противорѣчіи, замѣченномъ въ нѣкоторыхъ дѣяніяхъ и нѣкоторыхъ характерахъ. Ничто лучше не рисуетъ духа нашихъ дней и не показываетъ въ большей степени, насколько геній исторіи испаряется среди насъ. Неужели желали бы того, чтобы историческіе характеры были правильны, какъ характеры плохого романа, или выдержаны, какъ характеры трагедіи? Всегда ли люди послѣдовательны? и ихъ дѣянія всегда ли бываютъ результатомъ способа ихъ мышленія? Не измѣняются ли они отъ утра до вечера и отъ свѣта до ночи? Ахъ, господа, посмотрите-же на то, что вокругъ васъ происходитъ! и, если вамъ это болѣе нравится, вы увидите Павла I, предпринимающаго ужасную войну для разрушенія всѣхъ республикъ и заканчивающаго самоличнымъ республиканизированіемъ греческихъ острововъ.

Но я спрашиваю по совѣсти у читателя: кто долженъ заслуживать у публики большаго довѣрія—свободный ли человѣкъ, который отдается ненависти къ власть имущимъ и къ преслѣдованіямъ ихъ лакеевъ, или же человѣкъ ловкій, который вычисляетъ, не выгоднѣе ли для него будетъ обманываться самому и вводить въ обманъ другихъ; тотъ ли, который домогается пріобрѣсти пенсію, или тотъ который подвергается опасности быть настигнутымъ длинными руками деспотизма? *).

Одно драгоцѣнное преимущество друзья человѣчества и освободительныхъ идей надѣются увидать выплывшимъ по волнамъ крови и слезъ, которыхъ стоила революція, а именно, что она навсегда будетъ ужаснымъ и спасительнымъ урокомъ для народовъ и царей. Они надѣются, что у націи, съ давнихъ поръ привыкшей воздавать хулу и славу, отнынѣ будетъ достаточно свободы, чтобы осмѣлиться говорить открыто, не взирая на лица; что здѣсь засіяетъ на всѣ времена нѣчто въ родѣ маяка, зажженнаго разумомъ, чтобы освѣщать весь міръ, и что здѣсь утвердится трибуналъ, куда всѣ государи, при ихъ жизни, (такъ какъ къ чему послужитъ это послѣ ихъ смерти?) могли бы быть призваны на судъ общественнаго мнѣнія и всего человѣчества. Желаютъ еще и до сего дня отнять у философіи этотъ тріумфъ, столь дорогою цѣною купленный. Желаютъ отобрать у свободы ея одежды славы, чтобы оставить ей только окровавленныя ру-

---

*) На мѣстѣ автора многіе были бы болѣе благоразумны. Они нашли бы средство примирить свое чувство съ своимъ интересомъ, предлагая какимъ-либо агентамъ свою рукопись за сумму, которая вознаградила бы ихъ за выстраданную несправедливость. Самъ Рюльеръ не отказался отъ этого низкаго средства примиренія съ императрицей Екатериной. Но не трудно быть болѣе щепетильнымъ, чѣмъ министръ, и, несмотря на предложенія. сдѣланныя автору, онъ не поддался этому искушенію. Если полезно говорить истину государямъ, то лишь при ихъ жизни. До тѣхъ поръ, пока они считаютъ себя образомъ божіимъ, котораго преступленіе запятнать не можетъ, или существами, неприкосновенными и непогрѣшимыми, народы будутъ несчастны. Секретныя записки о Россія могли произвести только спасительное дѣйствіе на сердце Павла, въ сущности прямое и честное. И, можетъ быть, имъ нужно приписать нѣкоторые политическіе поступки, совершенно противоположные тѣмъ, за которые онѣ его упрекаютъ. (Прим. автора.)

бища, въ которыя облекли ее враги. Десять лѣтъ спустя послѣ напечатанія секретныхъ писемъ Мирабо о Берлинскомъ дворѣ*), послѣ Мемуаровъ Ришелье, Сенъ Симона и болѣе недавнихъ еще записокъ Горани о дворахъ Италіи, можно ли было ожидать, что записки о Россіи во Франціи объявятъ сочиненіемъ неприличнымъ и скандальнымъ? Правда, что это случилось въ печальную эпоху реакціи моральной, политической и литературной. Насъ снова отъ эпохи Бастиліи хотѣли возвратить къ тому, чтобъ смѣть писать лишь то, что печаталось въ Парижѣ и читалось въ Версали. То ли это тѣ же самые люди, которые недавно апплодировали убійцѣ слабаго и добродушнаго короля, а теперь негодуютъ на то, что имѣютъ смѣлость откровенно говорить о странномъ государѣ и преступной императрицѣ? То ли это придворные, спасшіеся при разгромѣ двора, самаго развращеннаго во вселенной, которые еще трепещутъ при видѣ себя вновь во всей своей гнусности?

Честный гражданинъ найдетъ, безъ сомнѣнія, что эти записки составлены честнымъ человѣкомъ: только политическое или религіозное ханжество можетъ огорчиться ими, и въ этомъ верхъ ироніи—попытаться сдѣлать ихъ подозрительными при мудромъ и республиканскомъ правительствѣ.

Не могъ ли бы авторъ въ свою очередь, позволяя себѣ пользоваться тѣмъ же самымъ оружіемъ, обвинить своихъ публичныхъ обличителей въ неблагоразуміи или въ вѣроломствѣ? То правительство, которое имъ покровительствуетъ или, скорѣе, которое ихъ терпитъ, не основано ли всесовершенно на вѣчныхъ принципахъ свободы равенства и верховенства націи? Усиливаться подрывать и ослаблять эти принципы со всѣхъ доступныхъ сторонъ—не значитъ ли злоумышлять противъ нихъ? Конечно, съ ихъ стороны это—неловкость, неблагодарность или вѣроломство.

Нѣкоторые критики находили также некрасивымъ, что авторъ не назвалъ себя; ехидно замѣчая, что они его узнали и догадались объ его мотивахъ. Конечно, если они ихъ отгадали, они ихъ оцѣнятъ тѣмъ болѣе. Пусть они впрочемъ не даютъ себѣ труда его разъяснить: онъ извѣстенъ тѣмъ, кого онъ могъ оскорбить. Онъ уважаетъ себя за свою книгу, онъ признается въ этомъ передъ тѣми, кому онъ могъ бы дать за нее отчетъ.

Но въ моментъ печатанія онъ былъ еще бродягой, безъ крова и родины, и его семья находилась подъ властью утѣснителя.

Имя автора, впрочемъ столь негромкое, ниже имени императора и автократа. Самъ Вольтеръ не поставилъ свего въ своей исторіи Англійскаго Парламента, а у Вольтера не было межъ тѣмъ ни жены, ни дѣтей, ни брата подъ властью палаты лордовъ. Мирабо не поста-

*) Авторъ этихъ записокъ находился въ Берлинѣ, когда появились эти знаменитыя письма. Они заключали въ себѣ только вещи, столь доказанныя и столь извѣстныя при этомъ дворѣ, что здѣсь сильно были удивлены скандаломъ и сенсаціей, которые они произвели въ другихъ мѣстахъ, То же и съ этими записками. Всѣ русскіе, которымъ о нихъ говорили, которые знаютъ Петербургъ и которые могли отвѣтить по совѣсти, находятъ ихъ столь же сдержанными, сколь и правдивыми. Нѣкоторые даже предлагали доставить анекдоты болѣе недавніе и болѣе пикантные; но боязно слишкомъ скандализировать этихъ господъ и этихъ дамъ французскаго двора. (Примѣч. автора).

вилъ своего въ своихъ секретныхъ письмахъ, а Мирабо межъ тѣмъ опубликовалъ ихъ подъ егидой министра, которому они были адресованы. Когда авторъ былъ подъ защитой законовъ своей страны и могъ назваться французскимъ гражданиномъ, то зависѣло это не отъ него, что его имя не появилось. Но напиши онъ его въ данное время—это было бы не больше, какъ безполезная бравада, которую запрещаетъ ему столько же долгъ, сколько характеръ. Впрочемъ, если бы записки о Россіи критиковали только со стороны литературной, отвѣтомъ было бы лишь усовершенствованіе ихъ въ этомъ отношеніи. Но противъ этого сочиненія въ журналахъ, открытыхъ въ эту эпоху англійской контръ-полиціи, ожесточились партійная ненависть, политическое шарлатанство*). Книгу осудили, не прочитавъ ее, а автора, не узнавъ его. Было бы впрочемъ излишне отвѣчать письменно кропателямъ грубыхъ статеекъ или невѣждамъ, которые безъ всякаго достовѣрнаго знанія о вещахъ, о какихъ идетъ вопросъ, скажутъ вамъ вполнѣ единодушно, что вы лжете и что обманываете и публику.

---

*). Критическія письма одного путешественника (который, какъ это остроумно замѣтилъ одинъ изъ его соотечественниковъ, часто перебѣгалъ съ улицы Св. Отцовъ на улицу Монаховъ) отмѣтили однако, что записки наполнены страницами дурного вкуса и германизмами Быть можетъ. Но отрывокъ, приводимый путешественникомъ въ примѣръ недостатковъ перваго рода, недоказателенъ, какъ онъ ни трудился его изуродовать. Что касается второго, то некрасиво упрекать за нѣсколько нѣмецкихъ оборотовъ, въ то время когда пользуются англицизмами, столь непозволительными, какъ слѣдующій, соединяющій въ себѣ, кажется оба недостатка, вмѣняемые въ вину автору: „Екатерина II обладала великими качествами государыни". Конечно, въ какомъ-либо смыслѣ, въ которомъ угодно принимать это единственное выраженіе, авторъ никогда не говорилъ противоположнаго. Впрочемъ цитата приводится только для того, чтобы лучше показать англійскій и меркантильный отпечатокъ, который носитъ на себѣ грубая критика. Журналы были тогда добычею англійской развѣдки. Было важно, чтобы не придали никакой вѣры разоблаченіямъ на Сѣверѣ въ тотъ моментъ, когда 14000 русскихъ, собранныхъ въ Шуанѣ, готовились выступать въ походъ на Парижъ. Полуоффиціальныя газеты позволяли себѣ даже печатать статьи, гдѣ отваживались доносить на автора правительству и намекать на выдачу французскаго гражданина, какъ будто бы правительство было отвѣтственно передъ враждебной державой за то, что частное лицо могло думать и писать, какъ будто бы французскій гражданинъ не имѣлъ права говорить о Турціи, о Китаѣ и о Россіи и какъ будто бы власти, отъ конца до конца вселенной, имѣли права отдѣлываться отъ писателей, имъ неугодныхъ!

Двадцать лѣтъ тому назадъ, покраснѣли бы отъ такихъ нелѣпыхъ и инквизиторскихъ максимъ; онѣ возмутили бы публику и даже дворъ. А на восьмой годъ республики, въ консульство Бонапарта, осмѣлились ихъ напечатать во Франціи. Но онъ наложилъ узду на эту наглую реакцію, злоупотреблявшую снисходительностью и даже сожалѣніемъ.

Предисловіе къ первому изданію.

Книга, которую я пишу, не путешествіе, но результатъ долгаго пребыванія въ Россіи. Пусть не ищутъ однако въ этомъ сочиненіи ни географическихъ описаній, болѣе или менѣе точныхъ и уже тысячу разъ повторенныхъ, ни приключеній въ дорогѣ и по гостиницамъ. Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы передать публикѣ наиболѣе интересныя наблюденія и анекдоты о странѣ и о націи, заслуживающихъ знакомства и достойныхъ лучшаго правительства. Я хочу сообщить свои наблюденія надъ этой громадной державой философу и моралисту, избравъ центромъ дворъ, гдѣ я вращался, и главной эпохой смерть Екатерины и вступленіе на царство ея сына. Я надѣюсь оставить историку нѣсколько матеріаловъ о самомъ блестящемъ царствованіи послѣднихъ вѣковъ и о характерѣ самой могущественной и самой знаменитой женщины, какая только занимала тронъ со времени Семирамиды. То, что я скажу о странномъ человѣкѣ, который ей наслѣдовалъ, и о лицахъ, которыя фигурировали или фигурируютъ еще на ступенькахъ этого самаго трона, навѣрное, не будетъ наименѣе пикантной частью этихъ записокъ. Я опишу только то, что я видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ или испытывалъ лично самъ, и если истина носитъ неподражаемый характеръ, я смѣю думать, что ее узнаютъ въ моемъ сочиненіи *).

Выступая съ такимъ проектомъ, весьма справедливо вызвать къ себѣ довѣріе, которымъ слѣдуетъ заручиться. Я не могу достигнуть этого лучшимъ способомъ, какъ ставя самого читателя судьею того, былъ ли у меня случай собрать факты и записать наблюденія, заслуживающіе вѣры. Знакомясь съ авторомъ, можно лучше оцѣнить его произведеніе и судить о томъ, могъ ли я въ достаточной мѣрѣ знать то, что сказалъ, иной разъ столь немногое.

Я уже напечаталъ нѣсколько небольшихъ работъ, не называя своего имени, потому что онѣ были чисто литературныя и льстили только моему тщеславію. Но теперь, когда я дерзаю говорить со смѣлостью и откровенностью о великой націи, о пышномъ дворѣ, о почти

---

*) Все, что я излагаю о времени болѣе позднемъ, послѣдовавшемъ за моимъ изгнаніемъ изъ Россіи, не можетъ имѣть той же достовѣрности, но я имѣю причину считать все также правдивымъ. (Примѣчаніе автора).

обоготворенной государынѣ и въ особенности о тиранѣ, столь же мстительномъ, сколь и могущественномъ, я познакомлю съ собою читателя. Я намѣреваюсь писать полезныя записки, а не сатиру или панегирикъ *); я долженъ считаться съ вещами, о которыхъ говорю, и съ сужденіями, которыя выражаю столько же, сколько съ послѣдствіями, которыя это можетъ имѣть. Не читайте дальше — тѣ, кто желаетъ видѣть вокругъ царскаго трона только рабовъ и прихвостней; опустите ваше холопское чело и закройте эту книгу: здѣсь лишь истина!

Не преслѣдованіе, жертвой котораго я былъ въ Россіи, внушило мнѣ эти записки, но, быть можетъ, негодованіе придаетъ мнѣ мужества ихъ обнародовать. Изъ другого мѣста будетъ видно, что мои родственники и мои друзья въ Россіи потребовали этого во имя чувства чести и для моего оправданія. Ахъ! не свойственно ли негодованію раскрывать то, о чемъ преступная благодарность обязываваетъ смолчать? Нужно только наиболѣе справедливое чувство, чтобы придать мнѣ смѣлости повѣствовать, какъ я это и дѣлаю, о послѣднихъ событіяхъ, которыя увидала Россія въ то время, когда я еще блуждаю безъ родины и безъ пріюта.

Деспоты имѣютъ столь же острые уши, какъ долгія руки. Я знаю и чувствую, что они слышатъ и досягаютъ издалека. Нужды нѣтъ! я скажу. Они могутъ заковывать въ цѣпи и умерщвлять, я — я могу думать и писать. Я постараюсь воспользоваться этимъ невиннымъ правомъ съ большею осторожностью, нежели та, съ какою они примѣняютъ свою власть.

Я началъ эти замѣтки съ давнихъ поръ, въ царскомъ дворцѣ, и въ эпоху, когда меня одушевляло менѣе раздраженное чувство. Я собиралъ въ уединеніи сырые матеріалы, которые надѣялся въ одинъ прекрасный день обнародовать, но катастрофа, меня ожидавшая, вынудила меня, какъ увидятъ, бросить ихъ въ огонь. У меня остается изъ нихъ только нѣсколько отрывковъ, которые я имѣлъ случай оставить въ Германіи. Истина не пострадаетъ отъ этого неудобства, но число фактовъ и анекдотовъ сильно сократится, и сочиненіе сдѣлается, можетъ быть, менѣе пикантнымъ. Я не смогу больше придать ему даже правильной формы своего первоначальнаго плана, найдутся въ немъ пробѣлы, которые я больше не въ состояніи заполнить, потому что хрупкая память въ этотъ моментъ единственный источникъ, который у меня въ этомъ отношеніи остается.

Въ этотъ послѣдній періодъ много писали о Россіи: французы дѣлали это очень поверхностно; англичане, какъ путешественники отмѣчающіе все то, что встрѣчается имъ по дорогѣ; нѣмцы, какъ льстецы **).

---

*) Прося снисхожденія къ неровностямъ и шероховатостямъ стиля, который, быть можетъ, найдутъ усѣяннымъ германизмами и славянизмами, очень простительными впрочемъ для француза, съ дѣтства выселившагося изъ родины, я не выпрашиваю его для нѣкоторыхъ особенностей, которыя, повидимому, безразличны. Тотчасъ же почувствуется, что, льстя себя гордостью заинтересовать своихъ соотечественниковъ, я ставлю себѣ цѣлью писать также для русскихъ, которые, какъ я надѣюсь, когда нибудь прочтутъ и поймутъ меня. (Примѣчаніе автора).

**) Нужно исключить наблюденія графа Штернберга и нѣсколько болѣе позднихъ хорошихъ работъ, которыя только что просвѣтили Германію. (Примѣч. автора)

Я чувствую себя самимъ собою. Я признаюсь въ великомъ предубѣжденіи въ пользу русскихъ. Оно мнѣ внушено ихъ хорошими качествами, гостепріимствомъ, уваженіемъ и дружбой, какія они мнѣ оказывали въ теченіе десяти лѣтъ. Но предубѣжденіе, какое я имѣю противъ ихъ правительства, послужитъ мнѣ средствомъ уравновѣсить первое. Оно основано на ужасахъ, которые я видѣлъ или испыталъ.

Я надѣюсь однако соблюсти истинное равновѣсіе между благодарностью, которымъ обязанъ націи, и негодованіемъ, которымъ обязанъ ея правительству, между удивленіемъ, вызываемымъ блестящими дѣяніями, и презрѣніемъ, внушаемымъ тѣми, кто претендуетъ присвоить себѣ ихъ славу. Впрочемъ разница въ этихъ чувствахъ никогда не окажетъ вліяніе на существо вещей: ее почувствуютъ всего. скорѣе изъ эпитета, болѣе мягкаго или болѣе рѣзкаго, вырвавшагося изъ моего сердца.

Я не буду подражать тѣмъ писателямъ, которые, подъ предлогомъ сообщенія записокъ и анекдотовъ о странѣ, объѣханной ими, вмѣшиваются въ частныя дѣла и снимаютъ завѣсу съ семейныхъ сценъ, мало интересныхъ для иностранца. Было бы весьма худой признательностью за гостепріимство, которымъ я пользовался въ странѣ, если бы я сталъ унижать ея обитателей. Согласно съ такими принципами, я воздержусь касаться подробностей, иногда очень пикантныхъ, объ интимной жизни многихъ домовъ, гдѣ встрѣчаются нравы и обычаи другого міра и другого вѣка. Но я заявляю, что смотрю на нравы, на дѣйствія и на репутацію всякаго общественнаго дѣятеля, какъ на общественное достояніе. Къ какому иному трибуналу привлечь ихъ, этихъ должностныхъ лицъ, которыя уважаютъ только своего тирана, которыя считаютъ возможнымъ афишировать пороки и не бояться современниковъ, этихъ сильныхъ людей, которыхъ осмѣливаются называть только въ разглагольствованіяхъ, самыхъ приторныхъ и самыхъ льстивыхъ? Они походятъ на тѣ аптекарскіе товары, которые внушаютъ отвращеніе въ чистомъ видѣ и которые можно предлагать только завернутыми въ золото или серебро.

Отъ меня далека однако эта низменная осторожность, которая помѣшала бы мнѣ говорить о тиранахъ при ихъ жизни. Для нихъ существуетъ всецѣло только эта жизнь. Есть ли какая либо другая для злодѣевъ? есть ли потомство для пошляковъ? Послѣ меня хоть потопъ, говорятъ они. Пусть же ненависть и отвращеніе шествуютъ по крайней мѣрѣ рядомъ съ ними! Вотъ тѣ лица, которыхъ я постараюсь привлечь и принести въ жертву на алтарѣ разума. Пусть тѣ строки, которыми я осмѣливаюсь изображать ихъ въ своемъ убѣжищѣ, дойдутъ до нихъ и ихъ смутятъ. Буду вѣрить впрочемъ въ свою большую заслугу передъ русской націей, пользуясь своей свободой для того, чтобы отомстить за нее, сколько только я могу, имѣя мужество опубликовать то, что думаютъ честные люди, и обрекая на негодованіе Европы тѣхъ, кто является бичомъ и позоромъ человѣческаго рода.

Впрочемъ, я предполагаю познакомить съ собою не по имени только, но черезъ исторію, изложенную въ этихъ запискахъ. Что скажетъ мое имя тѣмъ, которые меня не знаютъ? Другіе сумѣютъ разгадать меня по моему разсказу—и вотъ ихъ именно я и беру въ свидѣтели его правдивости.

Отъ издателей французскаго текста.

Мы очень опечалены, что соображенія крайней важности и экстраординарныя обстоятельства вынуждаютъ насъ помѣстить въ другомъ мѣстѣ интересный разсказъ, который слѣдовалъ за этимъ вступленіемъ. Читая его, убѣдились бы, что различныя должности, которыя авторъ этихъ записокъ занималъ въ Россіи, его интимныя отношенія со всѣмъ, что есть при петербургскомъ дворѣ высокопоставленнаго и вліятельнаго, наконецъ время его пребыванія среди этого двора придаютъ этому сочиненію всю достовѣрность, какую только могъ бы пожелать самый строгій судья.

Читатель узналъ бы характеръ, принципы и жизнь писателя, и это знакомство гарантировало бы первому правдивость послѣдняго. Впрочемъ, намъ кажется, что одного чтенія этихъ записокъ достаточно, чтобы убѣдится въ ихъ точности: мы вѣримъ, какъ авторъ, что во всякой строчкѣ, какую онъ написалъ, узнаютъ неподражаемыя черты истины. Общество не будетъ однако же лишено столь существенной части этого сочиненія. Послѣ опубликованія, во второмъ и третьемъ томѣ, продолженія этихъ записокъ, содержащихъ большое число фактовъ историческихъ, политическихъ и военныхъ, частію очень недавнихъ, обстоятельства, быть можетъ, намъ позволятъ дать нашимъ читателямъ разсказъ, который мы принуждены были выпустить.

ГЛАВА I.

Пребываніе шведскаго короля въ Петербургѣ.

Подробности и анекдоты, касающіеся предполагаемаго его брака съ великой княжной Александрой. Его портретъ. Портретъ этой молодой принцессы. Замѣчанія объ этомъ несостоявшемся бракѣ. Германскія принцессы, вызванныя въ Россію. Браки великихъ князей, подробности объ ихъ супругахъ и пышность двора въ эту эпоху.

Послѣ заключенія Верельскаго мира *) Екатериной и Густавомъ, между ними тотчасъ же воцарились добрыя отношенія и внимательность, до странности противорѣчившія той ненависти и тѣмъ поношеніямъ, которыя они расточали по отношенію другъ къ другу въ теченіе войны. Офицеры обѣихъ націй одинаково спѣшили засвидѣтельствовать уваженіе, которое они взаимно внушили другъ другу, потому что, за исключеніемъ козачества Денисова **), эта война, въ способахъ ея веденія, отличалась отъ тѣхъ, какія русскіе обычно ведутъ. Въ шведахъ они нашли враговъ, у которыхъ учтивость равнялась храбрости, а хорошо воспитанный русскій, кичащійся этими качествами самъ, отличаетъ ихъ въ другихъ.

Графъ Штакельбергъ, прославленный по своему посольству или, вѣрнѣе, по своему царствованію въ Польшѣ, былъ отправленъ въ Швецію ***), и Екатерина, которая не могла жить въ мирѣ со своими

---

*) Въ 1790 г.

**) Козацкій генералъ, который отличился своимъ варварствомъ и опустошеніями въ войнѣ съ Финляндіей. Его племянникъ командуетъ въ настоящее время донскимъ козачьимъ корпусомъ, который направляется въ Германію. Дядя—невѣжда, но храбрый солдатъ и заядлый игрокъ.

***) Отто Магнусъ Штакельбергъ род. въ 1737 г., умеръ въ 1800 г. Былъ русскимъ посланникомъ при испанскомъ и польскомъ дворахъ. Въ 1772 г. вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ онъ представилъ варшавскому правительству объявленіе о раздѣлѣ Польши и послѣ, руководя переговорами о немъ, добился утвержденія относившагося къ нему договора. Кромѣ того, онъ помогъ королю въ борьбѣ противъ оппозиціи, во главѣ которой стояли Браницкій и Чарторыйскій, чѣмъ навлекъ на себя ненависть поляковъ и поставилъ короля въ полную зависимость отъ Россіи. Впослѣдствіи онъ очень много содѣйствовалъ сближенію Россіи съ Германіей. за что и былъ пожалованъ императоромъ Іосифомъ II имперскимъ графствомъ (1775 г.). Впрочемъ Потемкинъ находилъ, что въ Варшавѣ Штакельбергъ принесъ мало пользы Россіи, и графъ былъ отозванъ изъ Польши въ 1790 г. Въ концѣ царствованія Екатерины II онъ служилъ по разнымъ дипломатическимъ порученіямъ, а при вступленіи на престолъ императора Павла подалъ въ отставку. (Примѣч. переводчика).

сосѣдями, если только они не были ей покорны или преданы, снова изыскивала средства водворить тамъ свое вліяніе, уничтоженное талантами и твердостью Густава. Выдать замужъ одну изъ юныхъ великихъ княженъ за королевскаго принца—сдѣлалось съ тѣхъ поръ ея излюбленнымъ проектомъ. Утверждаютъ даже, что этотъ бракъ составлялъ тайную статью мирнаго договора. Несомнѣнно только то, что великая княжна Александра была воспитана и выросла въ надеждѣ быть со временемъ королевой Швеціи. Все, что ее окружало, утверждало ее въ этой идеѣ и вело съ нею бесѣды о рано созрѣвшихъ достоинствахъ и качествахъ молодого Густава. Сама императрица часто говорила ей о немъ съ улыбкой. Однажды она открыла портфель, гдѣ находились портреты многихъ принцевъ брачнаго возраста и положенія, и велѣла принцессѣ обозначить, кого бы она выбрала себѣ въ мужья; внучка, покраснѣвъ, показала на того, о комъ ей разсказывали столько прекраснаго и который былъ уже возлюбленнымъ ея нарождающагося воображенія. Добрая бабушка, не обращая вниманія на то, что ея внучка умѣла читать и узнала шведскаго принца по его имени подъ портретомъ, убѣдила себя, будто выборъ въ его пользу рѣшила симпатія, и съ новымъ удовольствіемъ принялась за преслѣдованіе своего плана.

Извѣстно, что многія лица изъ приближенныхъ молодого Густава стремились породить тѣ же чувства въ его сердцѣ. Но я не знаю, согласился ли бы, въ концѣ-концовъ, король, его отецъ, такой упрямый и такой деспотическій самъ по себѣ, на этотъ союзъ, столь же приличный между двумя молодыми любовниками, сколь его мало между двумя государствами.

Какъ бы тамъ ни было, печальная и внезапная смерть Густава *) разстроили планы Екатерины. Они состояли ничуть не меньше, какъ въ томъ, чтобы отправить его, во главѣ шведовъ, играть во Франціи роль, какую нѣкогда играли въ Германіи и Польшѣ Густавъ Адольфъ **) и Карлъ XII ***), въ надеждѣ, что онъ найдетъ тамъ тотъ же самый конецъ, тогда какъ она приготовлялась играть въ Швеціи роль регентши малолѣтняго сироты-короля, взявъ его вмѣстѣ съ королевствомъ подъ свое материнское попеченіе.

Но герцогъ зюдерманландскій, захвативъ бразды государственнаго правленія во время малолѣтства своего племянника, оказался въ рѣшительной оппозиціи къ русской политикѣ. Менѣе галантный рыцарь, чѣмъ его братъ, онъ не былъ расположенъ жертвовать своей страной ради дамъ. Онъ платилъ Екатеринѣ той же ненавистью, какую она почувствовала къ нему въ теченіе войны, когда громъ его канонадъ отдавался до самаго царскаго дворца. Эта морская война, которую

---

*) Густавъ III палъ жертвой личной мести. Онъ былъ убитъ на придворномъ балу 16 марта 1792 г. (Примѣч. переводчика).

**) Густавъ Адольфъ II, сынъ Карла IX и Христины Голштинской, знаменитый король Швеціи. Онъ родился въ 1594 г., вступилъ на престолъ въ 1611 г. и убитъ въ сраженіи съ Валленштейномъ у Люцена въ 1632 г. Талантливый полководецъ, онъ былъ не менѣе блестящимъ администраторомъ, великимъ политикомъ и бойцомъ за религіозную свободу. Швеція была поставлена имъ на ряду съ первоклассными державами Европы. (Примѣч. переводчика).

***) Король шведскій (1697—1718), родившійся въ 1682 г., знаменитый противникъ Петра Великаго и Августа польскаго.

онъ велъ, впрочемъ, довольно несчастливо, ожесточила его противъ русскихъ, и онъ не былъ въ невѣдѣніи о шутовской роли, въ какую его старались нарядить при петербургскомъ дворѣ: въ Эрмитажѣ даже играли комедіи, гдѣ онъ былъ высмѣянъ *).

Подкупъ, наиболѣе презрѣнный, интриги, самыя низкія и недостойныя, были противъ него пущены тогда въ ходъ. Европа еще разъ, съ новымъ ужасомъ, увидала ту, которая претендовала на роль земного бога, прославляемаго на тронѣ, самолично разжигающей мятежъ въ королевствѣ, подкупающей предателей и платящей убійцамъ. Погубить регента, подмѣнить его совѣтникомъ изъ своихъ креатуръ, привязать къ своей колесницѣ Швецію рядомъ съ Польшей—вотъ цѣль, которую она себѣ предположила и которую она усиливалась достичь всѣми средствами, какія только можно вообразить. Штакельбергъ, умъ и воспитанность котораго очаровали короля **) и который, по его собственному выраженію, нашелъ въ этомъ принцѣ истиннаго рыцаря, достойнаго его безсмертной государыни, просилъ объ отзывѣ. Его величіе не могло спуститься до незначительной довольно роли у регента молодого короля Швеціи, послѣ того, какъ онъ самъ столь долгое время былъ регентомъ стараго короля Польши. Его замѣстилъ г. Романцовъ, братъ того, который очень извѣстенъ и уважаемъ въ Германіи, но, несмотря на весь его умъ, его инструкціи были слишкомъ вѣроломны и слишкомъ щекотливы, чтобы онъ могъ завоевать себѣ въ Швеціи то же расположеніе: заговоры, козни, на которые жаловался регентъ, потребовали скораго его отозванія ***).

Кто не былъ скандализованъ при видѣ того безстыдства, съ которымъ Россія подстрекала, покровительствовала и защищала Арм-

---

*) Рѣчь идетъ о братѣ короля Густава III, впослѣдствіи занимавшемъ королевскій престолъ въ Швеціи съ именемъ Карла XIII. Онъ родился въ 1748 г., корону получилъ въ 1809 г. и умеръ въ 1818 г. (Примѣчаніе переводчика).

**) Изъ всѣхъ министровъ Екатерины Штакельбергъ самый умный и наиболѣе исполненъ величія. Онъ обнаружилъ его въ особенности въ Польшѣ. М-г де-Тюгю, посланный туда императоромъ, былъ въ день своей ауеденціи у ничтожнаго Понятовскаго введенъ въ залу, гдѣ, видя человѣка, важно возсѣдающаго и окруженнаго почтительно стоявшими польскими вельможами, принялъ его за короля и началъ свое привѣтствіе. Это былъ Штакельбергъ, который не поторопился вывести его изъ заблужденія. Тюгю, узнавшій объ ошибкѣ, былъ пристыженъ и уколотъ. Вечеромъ, играя партію съ королемъ и Понятовскимъ, онъ ходитъ картой со словами: „король трефъ". „Вы ошибаетесь, говорятъ ему: это валетъ". Австріецъ, ошибшійся притворно, вскричалъ, ударяя себя по лбу. „Ахъ! государь, извините! вотъ уже второй разъ сегодня мнѣ приходится принять валета за короля". Штакельбергъ, какъ онъ ни былъ находчивъ на остроты, могъ только закусить себѣ губы. Послѣ своего возвращенія изъ Швеціи онъ влачилъ свою жизнь въ передниxъ Зубова, но онъ всегда былъ въ числѣ немногихъ избранныхъ въ интимномъ обществѣ Екатерины и умѣлъ ее забавлять послѣ того, какъ ей послужилъ. Самымъ великимъ униженіемъ для него было, безъ сомнѣнія, видѣть себя назначеннымъ при Павлѣ въ качествѣ камергера на службѣ у того самаго польскаго короля, который часто бывалъ въ передней его варшавскаго отеля. Въ этой шалости императора есть что-то тонкое и благородное, что дѣлаетъ ему честь. (Примѣч. автора).

***) Здѣсь несомнѣнная опечатка. Рѣчь идетъ, конечно, объ одномъ изъ двухъ братьевъ Румянцевыхъ, сыновей знаменитаго побѣдителя турокъ—графа Задунайскаго. Оба они—старшій Николай Петровичъ и младшій—Сергѣй Петровичъ были дипломатами и въ частности въ Германіи. Во время изданія записокъ Масона полномочнымъ посломъ при германскомъ дворѣ состоялъ Николай Петровичъ. Младшій Сергѣй Румянцевъ долгое время занималъ постъ посланника въ Берлинѣ, откуда отозванъ въ 1785 г. Онъ то и былъ въ Швеціи. (Примѣч. переводчика).

фельда, несмотря на достовѣрныя доказательства его преступныхъ покушеній, несмотря на самые сильные протесты? Въ то самое время, какъ всѣ государи Европы сообща травили и дружно преслѣдовали всякаго человѣка, котораго лишь коснулось одно подозрѣніе въ заговорѣ, регентъ Швеціи тщетно протестовалъ, отъ двора къ двору, противъ человѣка, злоумышлявшаго на его жизнь, и противъ правительства своей страны, желавшаго ее продать и предать иностранной державѣ. Изъ двора во дворъ отъ его протестовъ увертывались насмѣшливымъ образомъ, и Армфельдъ, наконецъ, прибылъ, пренебрегая ими, въ Россію, гдѣ онъ былъ принятъ, награжденъ пенсіей и находился въ одно и то же время съ королемъ и регентомъ *).

Я не буду изслѣдовать, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, этотъ заговоръ, который столь долгое время волновалъ шведскій дворъ, я не буду называть всѣхъ агентовъ, взявшихъ на себя обузу его продолжать. Но Екатерина не отказывалась отъ мысли тамъ господствовать, играть тамъ роль покровительницы молодого короля и представить регента въ видѣ тирана, который злоупотреблялъ малолѣтствомъ своего племянника, или въ видѣ якобинца, желавшаго подражать герцогу Орлеанскому **). Она даже приказала пригласить короля прибыть и отдаться подъ ея покровительство или по крайней мѣрѣ совершить къ ней путешествіе. Все было пущено въ ходъ, чтобы привлечь его въ Петербургъ безъ его дяди. Удивительно, что регентъ не былъ доведенъ до крайности: въ бумагахъ о казняхъ Армфельда найдены были многія страницы, которыя унизили бы Екатерину въ глазахъ цѣлой Европы; онъ ихъ не велѣлъ опубликовать. Изъ страха ли, изъ слабости, или изъ скромности произошло это?

Между тѣмъ онъ былъ наготовѣ заключить союзъ съ Франціей,

---

*) Густавъ Морицъ, графъ Армфельдъ, любимецъ шведскаго короля Густава III, родившійся въ 1757 г. Онъ былъ талантливъ, но пронырливъ и честолюбивъ. Во время войны съ Россіей (1788—1790 г.) онъ два раза спасалъ жизнь своего монарха, а затѣмъ разбилъ датчанъ въ Далекарліи и двинулъ войска къ Стокгольму. Вліяніе его на шведскія дѣла при Густавѣ III было рѣшительнымъ. Мирный договоръ въ Верелѣ былъ подписанъ именно имъ. Герцогъ Карлъ зюдерманландскій однако ненавидѣлъ Армфельда и лично и по политическимъ причинамъ за заговоръ противъ герцогскаго любимца Рейтерхольма и за сношенія съ русскими Армфельдъ заочно былъ приговоренъ къ смерти по обвиненію въ государственной измѣнѣ, имущество его было конфисковано, а самъ онъ успѣлъ бѣжать въ Россію и поселенъ на жительство въ Калугѣ. При Густавѣ IV онъ былъ возвращенъ въ Швецію и назначенъ посломъ въ Вѣну и потомъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи и Норвегіи. Въ 1810 г. подалъ въ отставку, а въ 1811 г. уѣхалъ навсегда въ Петербургъ, гдѣ пользовался вліяніемъ на Александра I. Умеръ скоропостижно въ 1814 г. (Примѣч. переводчика).

Въ 1798 г. онъ находился въ Карлебадѣ, подавленный болѣзнями и презрѣніемъ всѣхъ тѣхъ, кто его зналъ. (Примѣч. автора).

**) Жозефъ Филиппъ, прозванный за свои гражданскія добродѣтели парижскою коммунною Эгалитэ. Онъ родился въ 1747 г. и былъ двоюроднымъ братомъ казненнаго короля Франціи Людовика XVI, подписавъ свое имя на смертномъ приговорѣ. Его дворецъ Пале-Рояль былъ любимымъ мѣстомъ народныхъ сборищъ, столь частыхъ въ первые годы революціи. Онъ былъ избранъ въ конвентъ, засѣдалъ и вотировалъ здѣсь съ монтаньярами и считался крайнимъ изъ крайнихъ. Все это его не спасло. Въ 1793 г. онъ былъ преданъ суду по обвиненію въ стремленіи къ коронѣ и въ измѣнѣ отечеству. Несмотря на отсутствіе уличающихъ фактовъ, революціонный трибуналъ вынесъ обвинительный приговоръ, и Филиппъ Эгалитэ былъ гильотинированъ 6-го ноября того же года.

которая будетъ оставаться самой полезной союзницей Швеціи до тѣхъ поръ, пока жестокая политика, непомѣрное честолюбіе и безпринципное управленіе не позволятъ власти видѣть своихъ лучшихъ друзей въ ближайшихъ сосѣдяхъ. Но передъ наступленіемъ этой счастливой и отдаленной эпохи личныя симпатіи или преходящіе интересы, которые могли бы связать союзомъ Швецію съ Россіей, всегда будутъ печальны для первой: подъ узурпаторской рукой ея мощной соперницы ничто не можетъ гарантировать ея существованія, кромѣ Франціи. Пруссіи и Турціи.

Чтобы уничтожить въ самомъ зародышѣ надежды Екатерины, регентъ сдѣлалъ другой шагъ, еще болѣе рѣшительный. Онъ попросилъ для своего юнаго воспитанника руки принцессы мекленбургской, которая была торжественно съ нимъ обручена, и велѣлъ объявить объ этомъ брачномъ союзѣ передъ всѣми дворами. Графъ Шверинъ *), который уже былъ въ Россіи, гдѣ его красивая наружность снискала ему много пріятельницъ, поспѣшилъ въ Петербургъ съ тѣмъ же порученіемъ, но онъ нашелъ въ Вибургѣ приказъ императрицы, запрещавшій ему предстать передъ ней: поступокъ, конечно, странный, въ которомъ обнаруживается скорѣе досада задѣтой за живое женщины, чѣмъ осторожность государыни. Какъ! потому только, что король Швеціи женится на другой принцессѣ, а не на ея внучкѣ, она не пожелала принять извѣщенія согласно утвержденному обычаю! Все это могла бы позволить себѣ обманутая любовница, которая не знала бы ни приличій, ни истинной гордости. Уваженіе, которымъ она обязана была по отношенію къ себѣ самой, къ своему полу и въ особенности къ своей прекрасной внучкѣ, должно бы было спасти ее по крайней мѣрѣ отъ взрыва этой унизительной досады. Она перестала въ этотъ моментъ играть роль Великой Екатерины **).

Чтобы мотивировать такое поведеніе, столь же оскорбительное, сколь мало деликатное, она велѣла своему стокгольмскому довѣренному въ дѣлахъ, или вѣрнѣе, въ интригахъ вручить регенту ту удивительную ноту, которую можно прочитать въ нѣкоторыхъ изданныхъ для публики бумагахъ.

Здѣсь она не только вмѣняла Герцогу зюдерманландскому отношенья, поддерживаемыя имъ съ Франціей, въ преступленіе по оскорбленію царскаго величества, но, кажется, еще намекала на то, что онъ былъ за одно съ убійцами короля—его брата, месть за котораго она присвоивала себѣ. Досада Екатерины и безразсудство ея министровъ пошли еще далѣе. Все предсказывало, что съ королемъ Швеціи поступятъ по методу Сганареля ***) и заставятъ его, при помощи пушекъ, разорвать свою помолвку съ принцессой мекленбургской, а

---

*) Мекленбургскій государственный дѣятель, сынъ знаменитаго Отто Курта графа Шверина, прусскаго генералъ-фельдмаршала эпохи Фридриха II. (Прим. пер.).

**) Русскіе возвеличили даже самое ея имя. Они произносятъ на своемъ языкѣ Екатерина, что можно перевести только посредствомъ Arehi-Catherine. (Примѣчаніе автора).

***) Имя многихъ героевъ въ комедіяхъ Мольера обычно плутоватыхъ слугъ. Здѣсь разумѣется главное дѣйствующее лицо комедіи: „Бракъ поневолѣ“.

Масонъ хочетъ сказать, что съ королемъ Швеціи хотѣли сыграть шутку, насильно окрутивъ его бракомъ. (Примѣч. перевод.).

жениться на великой княжнѣ Александрѣ*). Эта милая княжна гораздо болѣе заслуживала того, чтобы юный принцъ добивался получить ее, чѣмъ того, чтобы отъ нея отказываться. Распространялись также слухи, что молодой король былъ уже влюбленъ въ нее, что дядя дѣлалъ надъ нимъ насиліе, и что онъ только и помышлялъ увернуться отъ брака съ принцессой Мекленбургской, чтобы, вмѣстѣ съ совершенолѣтіемъ, объявить себя въ пользу другой претендентки.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе шведы, закупленные какъ обѣщаніями Екатерины, такъ и построенными ими самими на щедрости этой великолѣпной Государыни, старались вдохнуть эти рѣшенія въ молодого короля и возбудить въ его сердцѣ ту же страсть, какую сумѣли породить въ сердцѣ прелестной Александры. Существовала даже переписка довольно продолжительная, между Шверин'ымъ, Стенбок'омъ и приближенными къ великимъ княжнамъ лицами. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были показаны императрицѣ при посредничествѣ мадамъ Ливенъ**), главной воспитательницы принцессъ.

Послѣ столь насильственныхъ поступковъ противъ регента, кто могъ бы ожидать, что онъ уступитъ и покорится. Онъ однако сдѣлалъ это. По крайней мѣрѣ, онъ дозволилъ запугать себя или закупить***). Г. Будбергъ****), который только что объѣхалъ Германію,

*) Тогда велѣно было, съ великимъ трескомъ и громомъ, положить нѣсколько досокъ на льду Невы (довольно крѣпкомъ въ этомъ моментъ и способномъ выдержать башни), чтобы, говорили, привѣтствовать прибытіе—артиллеріи, которую направятъ въ Финляндію. Министры и генералы громко разговаривали объ этой близкой войнѣ—доказательство, что это не было простою игрою, и я не знаю, былъ ли бы мосье Штедингъ одураченъ такою уловкою. Князь Георгій Долгорукій, генералъ, слишкомъ честный и слишкомъ не придворный для того, чтобы получить назначеніе отъ фаворитовъ, былъ даже посланъ на границы въ качествѣ пугала. (Примѣчаніе автора).

**) Шарлотта Карловна, урожденная баронесса Гаугребенъ (1742—1828), была не только воспитательницей великихъ княженъ, но впослѣдствіи и великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ 1794 г. она получила званіе статсъ-дамы, въ 1796 г. графское, а въ 1828 г. княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости.

Упоминаемые Масономъ въ примѣчаніи 5-мъ Стедингъ Болеславъ-Людвигъ Христофоръ (1746—1836), шведскій фельдмаршалъ, былъ послѣ войны съ Россіей шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а кн. Долгоруковъ, Юрій Владиміровичъ, (1740—1830) генераломъ русской службы, прославившимся въ эпоху семилѣтней войны, въ сраженіи при Чесмѣ, въ войнахъ съ Турціей подъ начальствомъ Румянцева и частыми опалами изъ-за ссоры съ Зубовымъ и капризовъ Павла I. Онъ оставилъ свою автобіографію.

***) Одинъ женевецъ, по имени, Христинъ передъ тѣмъ секретарь и писака г-на Калоннъ (Шарль Александръ де-Калоннъ, французскій государств. дѣятель родился въ 1734 г., умеръ 1802 г., пр перевод.), будучи въ Стокгольмѣ, втерся къ регенту благодаря баснѣ, сложенной въ похвалу ему. Такъ какъ онъ бывалъ въ Петербургѣ, то многое разсказывалъ регенту объ Екатеринѣ, объ юныхъ княжнахъ, объ уваженіи, которое къ нему питали, о выгодахъ союза съ Россіей посредствомъ женитьбы короля на великой княжнѣ. Убѣдившись изъ отвѣтовъ герцога, что послѣдній не столь былъ далекъ отъ примиренія съ Екатериной, онъ предупредилъ объ этомъ Юсъ, любовницу Моркова (графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, (1747—1827) извѣстный дипломатъ, правая рука Безбородки и Зубова. Бывалъ при посольствѣ въ Гагѣ, посломъ въ Стокгольмѣ и Парижѣ. Примѣч. переводч.), и на этомъ основаніи возобновили уже прерванные переговоры: Христинъ прибылъ въ Петербургъ пожинать плоды своей ловкости, но смерть императрицы лишила его награды, которой онъ ожидалъ. (Примѣч. автора).

****) Баронъ Будбергъ Андрей Эбергардъ (1750—1812) родился близъ Риги, молодымъ человѣкомъ поступилъ на русскую военную службу, съ 1783 г. служилъ по дипломатической части, а въ 1806 г. былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, занимая этотъ постъ до 1808 г. (Примѣч. перевод.).

въ поискахъ за женою великому князю Константину, привезя принцессу кобургскую съ тремя ея дочерьми, былъ признанъ способнымъ преодолѣть препятствія, какія приходилось испытывать, чтобы найти мужа юной великой княжнѣ. Онъ былъ сначала отправленъ въ Мекленбургъ, чтобы переговорить объ отреченіи, а отсюда въ качествѣ посланника въ Стокгольмъ.

Деньги, угрозы, обѣщанія наконецъ восторжествовали. Екатерина добилась того, чтобы король женился лишь послѣ совершеннолѣтія, и регентъ, желая, безъ сомнѣнія, показать, что его воспитанникъ свободенъ въ своемъ выборѣ и въ своихъ поступкахъ, согласился наконецъ на его путешествіе въ Петербургъ, куда онъ былъ такъ благосклонно приглашенъ. Вопроса о свадьбѣ, истиннаго мотива этого приглашенія, коснулись только слегка, сентиментально. „Если, какъ объ этомъ говорили, двое этихъ дѣтей уже любятъ одинъ другого, если, при личномъ свиданіи, они еще понравятся другъ другу, то о средствахъ устроить ихъ взаимное счастье будетъ обдумано“ — таковъ былъ языкъ императрицы. Заручить короля къ своему двору было для нея уже выигрышемъ партіи. Екатерина разсчитывала на чары принцессы и на милости, какія она сама возьметъ на себя расточать королю, регенту и ихъ свитѣ. Она не сомнѣвалась, что юный Густавъ увидавъ ту, отъ которой онъ дерзнулъ отказаться изъ видовъ государственныхъ, отдалъ бы королевство и славу Карла XII за, то чтобы ею обладать.

Онъ прибылъ въ Петербургъ со своимъ дядей и довольно многочисленной свитой 14/25 августа 1796 г. и остановился у М. Стединга, своего посла. Весь городъ былъ въ движеніи, чтобы видѣть молодого монарха. Императрица, которая находилась въ Таврическомъ дворцѣ*), перешла въ Эрмитажный дворецъ, чтобы принять его и дать въ честь его празднества. Съ первой своей встрѣчи съ нимъ она казалась очарованной „и почти влюбленной, сама она“ **). Онъ хотѣлъ поцѣловать ей руку, она этому воспротивилась: „нѣтъ, сказала она, я не забуду, что графъ гаагскій ***)—король“. „Если ваше величество не хочетъ позволить мнѣ этого. какъ императрица, отвѣтилъ онъ, то пусть позволитъ по крайней мѣрѣ, какъ дама, по отношенію къ которой я обязанъ столькимъ уваженіемъ и восхищеніемъ“.

Встрѣча съ великой княжной была еще болѣе интересна. Оба были чрезвычайно смущены, и глаза всего двора, жадно на нихъ устремленные, еще болѣе увеличивали ихъ замѣшательство. Они находили другъ друга—и тотъ и другая, безъ сомнѣнія, достойными тѣхъ чувствъ, которыя питали съ своего дѣтства. И слѣдуатъ думать, что если государственныя соображенія короля Швеціи или прихоти теперешняго императора помѣшали заключенію этого брака, то самая прелестная принцесса сдѣлалась также самой несчастной.

---

*) Императрица купила главный дворецъ Потемкина Таврическаго и, чтобы почтить память этого знаменитаго фаворита, о которомъ она долго сожалѣла, дала его прозвище этому дворцу, гдѣ проживала осенью и весною. Онъ находится въ Петербургѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Зимняго дворца и тоже на берегу Невы. Въ этихъ именно пышныхъ палатахъ Потемкинъ далъ въ 1791 году своей великолѣпный и столь прославленный праздникъ своей государынѣ. (Примѣч. автора).

**) Это были собственныя ея слова.

***) Это имя принялъ молодой монархъ; регентъ назвалъ себя графомъ Ваза.

Никакая другая, однако, не имѣла больше правъ на счастье, чѣмъ Александра Павловна. Въ четырнадцать лѣтъ она была уже взрослой и сформировавшейся. Станъ у нея былъ благородный и величественный, смягченный всѣми прелестями ея возраста и пола, черты лица правильны, цвѣтъ ослѣпительный, лобъ, гдѣ ясность, чистота и невиность наложили божественный отпечатокъ. Бѣлокурые, вьющіеся волосы, которые всегда казались убранными рукою фей, обрамляли эту прекрасную головку. Сверхъ того, ея умъ, ея таланты, и ея сердце вполнѣ соотвѣтствовали этому внѣшнему очарованію. Mademoisselle Вилламова, ея личная гувернантка, насадила въ ея душѣ чувства самыя благородныя и самыя чистыя. Разумъ, разсудительность, утонченная чувствительность характеризовали ее съ самаго дѣтства и плѣняли возхищеніемъ тѣхъ, кто къ ней приближался.

Трудно было увидать, не скажу короля, но молодого человѣка, болѣе интереснаго, лучше воспитаннаго и подающаго столько лестныхъ надеждъ, какъ король шведскій. Ему было семнадцать лѣтъ, фигуру онъ имѣлъ высокую и стройную, лицо благородное, умное и мягкое, нѣсколько однако величавое и гордое, что заставляло его уважать, несмотря на его возрастъ, и всю грацію юности безъ обычной неловкости. Онъ былъ непринужденно вѣжливъ, обязателенъ; все, что онъ говорилъ, было обдумано, къ серьезнымъ вещамъ онъ относился съ вниманіемъ, котораго нельзя было ожидать отъ юности, онъ обнаруживалъ познанія, которыя свидѣтельствовали о весьма тщательномъ воспитаніи, и извѣстная важность, которая напоминала объ его санѣ, не покидала его. Вся пышность Русской имперіи, которую домогались выставить передъ его глазами, повидимому, не ослѣпила его. Среди этого блестящаго и многочисленнаго двора онъ скоро оказался менѣе принужденнымъ, чѣмъ сами великіе князья, не умѣвшіе ни съ кѣмъ разговаривать. Такимъ образомъ дворъ и городъ дѣлали лестныя сравненія въ пользу иностраннаго принца. Сама императрица не скрывала, что она со скорбью замѣчаетъ разницу между нимъ и вторымъ ея внукомъ, грубости и шалопайства, котораго раздражали ее до такой степени, что она разъ или два, въ теченіе пребыванія шведскаго короля, приказывала посадить Константина подъ арестъ *).

---

*) Во многихъ случаяхъ, когда король появлялся съ великими князьями, общество было шокировано и добродушные русскіе унижены этой разницей. При упражненіяхъ кадетовъ артиллерійскаго корпуса, гдѣ юный Густавъ оказывалъ вниманіе тому, что было наиболѣе достойно примѣчанія, и разговаривалъ съ генералами, окружавшими его и великаго князя Александра, которому не легко удавалось поддержать честь имперіи, Константинъ бѣгалъ и кричалъ позади солдатъ, пересмѣивалъ ихъ путемъ подражанія, угрожалъ имъ и даже надѣлялъ ихъ нѣсколькими ударами прикладомъ, которые стоили ему выговоровъ. Худо, что этотъ молодой князь совершенно преданъ теперь этимъ капралскимъ вкусамъ, дѣлающимъ его несчастьемъ и посмѣшищемъ для бабки и отца, Эти мелочи поглощаютъ драгоцѣнное время юности и довершаютъ искаженіе его ума и сердца. (Прим. автора).

Характеристика Густава IV (1778—1837), сдѣланная Масономъ, требуетъ поправки Русскіе ошибались, вынеся о шведскомъ королѣ восторженное впечатлѣніе, раздѣляемое авторомъ, секретныхъ записокъ. Густавъ IV не обнаружилъ дарованій, но отличался скрытностью, упрямствомъ и высокомѣріемъ. Сначала онъ былъ бережливъ, справедливъ и правленіе его обѣщало быть счастливымъ. Но вскорѣ стремленія къ абсолютизму стали чрезмѣрны. По пріѣздѣ изъ Петрограда онъ ввелъ въ

Всѣ вельможи государства наперебой спѣшили раздѣлить радость Екатерины, которая лично указывала тѣхъ, кто въ отдѣльности обязанъ былъ давать празднества въ честь ея юнаго гостя, и установляла ихъ дни. Графы: Строгановъ *), Остерманъ **), Безбородко ***), Самойловъ ****) отличились издержками, какія затратили, и великолѣпіемъ, какое развернули передъ глазами гостей и столицы. Придворные старались превзойти другъ друга богатствомъ своихъ костюмовъ, а генералы военными зрѣлищами, которыя прилагали усилія показать королю. Старый генералъ Мелиссино *****) въ особенности отличился маневрами и фейерверками, выполненными по его приказанію. Густавъ былъ въ непрестанномъ очарованіи. Между тѣмъ онъ мудро употреблялъ свои утренніе часы, гуляя пѣшкомъ по городу и осматривая вмѣстѣ съ регентомъ то, что было для него интереснаго и поучительнаго. Повсюду онъ предлагалъ вопросы или давалъ отвѣты, которые обнаруживали сразу и его умъ, и его воспитаніе. Регентъ, который, повидимому, наслаждался своимъ твореніемъ, видя общія похвалы, какія получалъ его воспитанникъ,—человѣкъ небольшого роста. Его манеры ловки и вѣжливы, лицо наблюдательное и тонкое. Его глаза

арміи русскіе мундиры и сталъ безпощадно преслѣдовать всякое уклоненіе отъ формы. Вражда къ Наполеону вовлекла его подъ вліяніемъ эмигрантовъ въ войну, результатомъ которой была потеря всей Финляндіи. Въ 1809 г. онъ навсегда покинулъ Швецію, въ слѣдующемъ году развелся съ своей супругой, Фредерикой Вильгельминой Доротеей баденской, а проживалъ, подъ именемъ полковника Густавсона, сначала въ Германіи, потомъ Швеціи. (Прим. перев.).

*) Александръ Сергѣевичъ (1733—1811), извѣстный меценатъ, покровитель писателей и художниковъ, собиратель рѣдкихъ коллекцій по эстампамъ, монетамъ, медалямъ, камнямъ, равно какъ обширной галлереи картинъ. Въ его домѣ собирались депутаты комиссіи по составленію проекта новаго уложенія. Побывалъ дипломатомъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ, назначенный сенаторомъ, состоялъ президентомъ Академіи художествъ и директоромъ Публичной библіотеки, наконецъ членомъ главнаго правленія училищъ и государственнаго совѣта. Средства его были колоссальны. (Прим. перев.).

**) Второй сынъ знаменитаго дипломата до Елизаветинскихъ временъ Андрея Ивановича, Иванъ Андреевичъ (1725—1804), сначала служилъ въ рядахъ русскихъ войскъ потомъ по дипломатической части. Въ описываемое время былъ вицеканцлеромъ, а при Павлѣ I канцлеромъ, рѣчь о немъ впереди. Старшій братъ его Өедоръ Андреевичъ (1723—1811), былъ Московскимъ губернаторомъ, сенаторомъ, любителемъ наукъ (Прим. переводч.).

***) Александръ Андреевичъ, канцлеръ и свѣтлѣйшій князь (1746—1799). Онъ отличался блестящими способностями, въ молодости служилъ у гр. Румянцева-Задунайскаго, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ войнахъ съ Турціей, а съ 1775 г. перешелъ на гражданскую службу, состая сначала при государынѣ для пріема прошеній, постоянно подвигаясь въ чинахъ и заслуживъ безграничное довѣріе Екатерины. Онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ, получалъ безчисленные подарки деревнями, деньгами и вещами. Въ частной жизни былъ развратенъ. Рѣчь о немъ впереди. (Прим. переводч.).

****) Графъ Александръ Николаевичъ (1744-1814) государственный дѣятель. Начавъ службу рядовымъ, онъ отличился въ первую и вторую турецкія войны, командовалъ потомъ таврическимъ егерскимъ корпусомъ. Въ 1792 г. назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ и государственнымъ казначеемъ. Съ воцареніемъ Павла совершенно исчезъ съ горизонта. Рѣчь о немъ впереди. (Прим. переводч.).

*****) Петръ Ивановичъ (1730—1797), генералъ отъ артиллеріи. Въ 1798 г. назначенъ былъ директоромъ корпусовъ артиллерійскаго и инженернаго. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины былъ старшимъ членомъ артиллерійской экспедиціи государственной военной коллегіи и первоприсутствующимъ въ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи. Павелъ въ 1796 г. назначилъ его начальникомъ всей артиллеріей Россіи, но уже въ слѣдующемъ году онъ вышелъ въ отставку.

Примѣч. переводч.

блестятъ сильнымъ огнемъ. Все, что онъ говоритъ, обнаруживаетъ въ немъ умнаго человѣка и заставляетъ размышлять тѣхъ, кто его слушаетъ.

Легко себѣ представить, что въ теченіе праздниковъ, которые слѣдовали другъ за другомъ, оба молодыхъ влюбленныхъ часто имѣли случай видѣться, танцовать, говорить между собою; они сближались и казались очарованными одинъ другимъ. Старушка Екатерина помолодѣла; въ продолженіе долгаго времени она столько отдавалась движенію и удовольствіямъ. Близкая свадьба не была больше тайной: она была злобою дня, императрица говорила уже съ юнымъ королемъ и съ своей внучкой, какъ съ нареченными, и поощряла ихъ взаимную любовь. Однажды даже, въ своемъ присутствіи, она заставила ихъ дать другъ другу первый поцѣлуй любви—первый, безъ сомнѣнія, который получили дѣвственныя уста юной княжны и который могъ оставить на нихъ это впечатлѣніе, столь сладкое и столь дорогое, что оно сдѣлало ее на долго несчастной.

Тѣмъ временемъ работали надъ тѣмъ, чтобы заключить наконецъ этотъ желанный союзъ. Единственной статьею, представлявшей нѣкоторое затрудненіе, былъ вопросъ о религіи. Екатерина предчувствовала относительно этого настроенія своего двора и даже совѣщалась съ архіепископомъ, чтобы знать, можетъ ли ея внучка отречься отъ православія. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить ей, какъ она надѣялась, онъ удовлетворился словами: „Ваше величество всемогущи“. Великій патріархъ Россіи, не видя поддержки въ мнѣніи своего клирика, которое она считала болѣе легкимъ, она захотѣла тогда показаться болѣе русской, чѣмъ сами русскіе, и гораздо болѣе изъ-за того, чтобы польстить національной гордости, чѣмъ изъ уваженія къ греческой религіи, она рѣшилась оставить королеву Швеціи въ этой религіи. Чѣмъ вещь казалась ей неожиданнѣй и унизительнѣй для шведской націи и правительства, тѣмъ больше она льстила тщеславію ея и ея министровъ. Сверхъ того, попы, духовники и другія лица, которыхъ она отправила бы съ молодою княжною, были бы люди вѣрные и способные поддерживать эту великую княжну въ интересахъ Россіи. Король былъ влюбленъ, ослѣпленъ; регентъ казался совершенно закупленнымъ—какая же существовала вѣроятность, чтобы они отказались, послѣ поступковъ столь рѣшительныхъ, отъ этой сдѣлки? Въ частныхъ разговорахъ только слегка касались деликатнаго пункта, Почти не ожидали найти Екатерину щепетильной, и король далъ понять, что изъ уваженія къ предразсудкамъ и русской націи, принцесса не будетъ обязана сдѣлать формальное отреченіе. Екатерина, убѣжденная, что дѣло не можетъ болѣе попятиться назадъ, предоставила своимъ любимымъ министрамъ Зубову *) и Моркову уладить контрактъ по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны шведскій посланникъ просилъ великую княжну о согласіи на бракъ въ аудіенціи, которую ему дали, чтобы сдѣлать это формальное предложеніе. И день и часъ свадьбы были установлены на вечеръ 10/21 сентября.

Этотъ день былъ днемъ величайшаго огорченія, которое когда-либо испытала счастливая, высокомѣрная Екатерина. Весь дворъ

*) Князь Платонъ Александровичъ (1769—1822), послѣдній изъ фаворитовъ Екатерины. Рѣчь о немъ впереди. (Прим. переводч.).

получилъ приказъ собраться на торжество въ тронномъ залѣ. Юная великая княжна, въ подвѣнечномъ уборѣ, въ сопровожденіи своихъ юныхъ сестеръ, великихъ князей и ихъ супругъ, всѣхъ дамъ, всѣхъ кавалеровъ и великаго князя-отца вмѣстѣ съ великой княгиней *) прибывшихъ изъ Гатчины на свадьбу своей дочери, собрались съ семи часовъ вечера. Сама императрица прибыла во всей пышности. Недоставало только юнаго жениха, неторопливость котораго сперво-начала же удивила. Частые появленія и выходы князя Зубова и нетерпѣніе, въ которомъ видѣли императрицу, возбудили вскорѣ любопытство и шушуканье дамъ. Что случилось? Не захворалъ ли король? По меньшей мѣрѣ онъ не галантенъ... Какъ осмѣлился онъ заставить ждать такимъ образомъ государыню въ ея тронномъ залѣ и собравшійся дворъ! Между тѣмъ этотъ король, ожидаемый, какъ супругъ одиннадцати тысячъ дамъ, не появлялся.

Вотъ что вызвало это странное запозданіе. Король долженъ былъ отправиться ко двору въ семь часовъ вечера. Въ шесть дипломатъ Морковъ привезъ ему контрактъ съ брачными условіями, который онъ только что оформилъ вмѣстѣ съ Зубовымъ. Густавъ, прочитавъ его, казался очень удивленнымъ, найдя тамъ вещи, о которыхъ онъ не условливался съ Екатериной, и спросилъ, отъ нея ли исходитъ то, что ему предлагали подписать **).

На утвердительный отвѣтъ Моркова онъ возразилъ, что это вещь невозможная. Онъ замѣтилъ, что не желалъ стѣснять совѣсти великой княжны, что она могла въ частной жизни исповѣдывать свою религію, но что онъ не могъ допустить ни часовни, ни клира для нея въ королевскомъ дворцѣ и что публично и во всѣхъ внѣшнихъ церемоніяхъ она должна была, напротивъ, исповѣдывать религію страны. Пусть представятъ себѣ удивленіе и замѣшательство жалкаго Моркова: онъ былъ вынужденъ забрать свои бумаги и донести Зубову, что король отказывается ихъ подписать. Онъ вскорѣ возвратился, въ величайшемъ волненіи, сказать, что императрица уже была въ тронномъ залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ, что не было уже возможности съ нею говорить, что она ожидаетъ принца и что надѣются на то, что онъ не пожелаетъ сдѣлать выходки, которая была бы несказаннымъ оскорбленіемъ для Ея величества, для юной великой княжны и для цѣлой націи, Безбородко и многіе другіе прибывали послѣдовательно, увѣщевая, убѣждая, умоляя короля ѣхать. Всѣ шведы, которыхъ опрашивали, склонялись къ уступкѣ. Регентъ довольствовался словами, что это зависитъ отъ короля. Онъ отвелъ его въ сторону, повидимому, самъ убѣждалъ его, говоря ему на ухо. Король громко отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, я нехочу! я не могу! я не под-

*) Марія Ѳеодоровна, урожд. Софія Доротея, Августа Луиза принцесса вюртембергская (1759—1828). Рѣчь о ней впереди. (Прим. переводч.).

**) Этими условіями были обязательство, чтобы принцесса имѣла свою часовню и свой собственный клиръ въ королевскомъ дворцѣ, и извѣстныя обязательства противъ Франціи, которыя держали въ большомъ секретѣ. Обязательства, еще болѣе секретныя, съ директоріей удерживали регента. Можно заподозрить, что четыре милліона, обѣщанныхъ и уже частью полученныхъ, много повліяли на отвращеніе, какое онъ обнаружилъ къ дѣйствіямъ противъ Франціи. Онъ имѣлъ манеру выставлять впередъ свою шляпу, держа ее въ рукѣ, что давало придворнымъ поводъ къ самымъ язвительнымъ замѣчаніямъ. (Прим. автора).

пишу!“. Онъ сопротивлялся всѣмъ увѣщаніямъ, всѣмъ надоѣданіямъ русскихъ министровъ и, раздосадованный наконецъ этими приставаніями, удалился въ свою комнату и заперъ дверь, возобновивъ ясно и опредѣленно выраженный отказъ подписать что-либо противное законамъ своей страны. Русскіе министры пребывали въ остолбенѣніи отъ смѣлости короля-дитяти, который дерзнулъ такимъ образомъ противиться ихъ государынѣ, и стали договариваться о способѣ, посредствомъ котораго можно бы было объявить ей объ этой катастрофѣ.

Если бы твердость, которую обнаружилъ молодой Густавъ въ этомъ случаѣ, была его личной, если бы настоянія, которыя, какъ казалось, дѣлали ему его совѣтники, не были притворными, она обѣщала бы его націи самый великій характеръ.

И нельзя бы было слишкомъ дивиться въ молодомъ семнадцатилѣтнемъ принцѣ тому, что лишь одна любовь должна бы была его очаровать. Слѣдуетъ думать однако, къ чести регента, что настоянія, какія онъ, повидимому, дѣлалъ своему племяннику, были притворны, и что онъ желалъ только свалить на упрямство короля сопротивленіе, быть можетъ, вызванное у него прямой ненавистью къ Екатеринѣ. Большая часть шведовъ, которые сопровождали Густава, были въ самомъ дѣлѣ плѣнены и очарованы. Это были молодые придворные, которые въ ихъ путешествіи считали за очень крупную величину свадебные подарки и которые, были убиты тѣмъ, что свадьба не состоялась. Посолъ Стедингъ игралъ довольно трудную роль, но гр. Флеммингъ *) высказался открыто, что онъ никогда не посовѣтуетъ королю дѣйствовать противъ законовъ королевства.

Эти споры между русскими министрами и королемъ продолжались до десяти часовъ. Екатерина и ея дворъ еще ожидали. Нужно было наконецъ ей доложить, что все было разорвано. Князь Зубовъ таинственно подошелъ къ ней и говорилъ съ нею на ухо. Она поднялась, залепетала что-то, почувствовала себя дурно и даже ощутила легкій ударъ, предтечу того, который нѣсколько недѣль спустя свелъ ее въ могилу. Императрица удалилась и дворъ былъ распущенъ подъ предлогомъ внезапнаго недомоганія короля. Однако истинные мотивы вскорѣ распространились. Одни были возмущены дерзостью малолѣтняго короля Швеціи, другіе неблагоразуміемъ мудрой Екатерины, которая столь легко подвергалась подобной сценѣ; въ особенности возмущались самонадѣянностью Зубова и Моркова, которые хитростью предполагали обмануть шведовъ и воображали, что заставятъ ихъ экспромптомъ подписать брачный контрактъ.

Наиболѣе интересной жертвой этой глупой хитрости и жестокой надменности была прелестная Александра. Едва она имѣла силу уйти въ свои аппартаменты и тамъ, не смогши болѣе сдержать своихъ слезъ, предалась передъ своими гувернантками и фрейлинами скорби, которая умилила приближенныхъ и которая сдѣлала ее на самомъ дѣлѣ больной. На послѣзавтра послѣ этого непредвидѣннаго событія

---

*) Класъ Адольфъ (1771—1831), камеръ юнкеръ короля Густава IV и почти его сверстникъ. Въ политической жизни принималъ участіе только съ 1809 г. Въ 1818 г. возведенъ въ графское достоинство. (Прим. переводч.).

приходились именины великой княгини Анны Θеодоровны *). Придворный этикетъ требовалъ бала. Никто не хотѣлъ на немъ танцовать. Король однако прибылъ сюда. Императрица тоже показалась на мгновеніе и ничего съ нимъ не сказала. Даже Зубовъ, очевидно, дулся на короля Швеціи. Смущеніе было читаемо на всѣхъ лицахъ. Король танцовалъ съ другими великими княжнами, побесѣдовалъ минуту съ великимъ княземъ Александромъ и вскорѣ уѣхалъ, привѣтствуя всѣхъ еще вѣжливѣе, чѣмъ обыкновенно. Это было послѣднее появленіе его при дворѣ. Эти дни торжествъ, пышности и празднествъ смѣнились внезапно днями уединенія и скуки, и никогда король, при иностранномъ дворѣ, не проводилъ столь печальныхъ и столь непріятныхъ.

Всѣ были больны или дѣлали видъ, что больны. Интересъ, котораго заслуживалъ Густавъ и который внушала Александра, всѣхъ располагалъ въ ихъ пользу. Ее сожалѣли, какъ жертву тщеславія и глупости, его за то, что онъ вынужденъ былъ принести жертву, которая столь дорого должна была стоить его сердцу. **) Совершенно открыто проклинали Зубова и Моркова; не понимали ничего въ поведеніи императрицы; сама она предавалась самой страшной досадѣ. Утверждаютъ, что ея униженные фавориты осмѣлились внушать ей прибѣгнуть къ насилію надъ молодымъ принцемъ, который былъ въ ея власти. Она замыкалась, по цѣлымъ днямъ и почти одна, въ своемъ Таврическомъ дворцѣ подъ предлогомъ отпраздновать здѣсь основаніе своей церкви, но въ дѣйствительности, чтобы скрыть отъ глазъ двора страданіе, которое ее пожирало, и чтобы еще побесѣдовать съ своимъ клиромъ и съ своими фаворитами о затруднительномъ положеніи, въ какомъ она считала себя очутившейся.

Попытались немного уладить дѣло. Король частнымъ образомъ еще видѣлся съ ней, а министры нѣсколько разъ засѣдали на конференціяхъ. Густавъ наконецъ извернулся, объявивъ, что, не имѣя возможности, по шведскимъ законамъ, согласиться на то, чего желала императрица, онъ посовѣтуется по этому поводу съ штатами, которые будутъ собраны въ его совершеннолѣтіе, и что если штаты согласятся имѣть королеву греческаго закона, онъ пришлетъ тогда сватать великую княжну. Русскій деспотизмъ, въ негодованіи на то, что слышитъ такую рѣчь отъ короля, тщетно желалъ подстрекнуть его пренебречь штатами и предлагалъ ему необходимыя силы для ихъ

---

*) Супруга великаго князя Константина, урожденная принцесса саксенъ-кобургская. (Прим. автора).

**) Онъ женился потомъ на принцессѣ Фредирикѣ баденской сестрѣ великой княгини Елизаветы (жены в. кн. Александра Павловича), Несмотря на чары молодой своей супруги онъ, какъ извѣстно; не наслаждался счастьемъ, повидимому обѣщаемымъ столь прекрасными узами. Слѣдуетъ опасаться, что Александра, которая, говорятъ, должна выйти замужъ за великаго герцога австрійскаго, будетъ не болѣе счастливой. Увы! предчувствіе автора сбылось слишкомъ скоро. Эта прелестная великая княжна, которую въ дѣйствительности, выдали замужъ за великаго герцога Палатина венгерскаго только что умерла въ семнадцати лѣтнемъ возрастѣ:

И, роза, прожила она тотъ срокъ, что розы. Никогда сюжетъ, болѣе прекрасный и болѣе трогательный, не могъ бы представиться перу Лафайет'а, чтобы сдѣлать изъ исторіи, Александры русской достойную пару къ исторіи принцессы де Клевъ. прим. автора).

наказанія въ случаѣ ихъ бунта. Но невозможно было добиться отъ короля другого средства къ примиренію.

Таковъ былъ результатъ этого путешествія, о которомъ оффиціальные документы едва осмѣливались говорить. Король уѣхалъ въ тотъ самый день, когда праздновали рожденіе великаго князя Павла *), восемь дней спустя послѣ разрыва. Онъ оставилъ много раздраженія и досады у императрицы, много скорби и любви въ сердцѣ великой княжны, которая осталась больной и меланхоличной, и сожалѣніе вмѣстѣ съ общимъ уваженіемъ къ нему. Несмотря на непредвидѣнную катастрофу, чтобы не слишкомъ соблазнять публику, сдѣлали обмѣнъ взаимными подарками, и русскіе были тѣмъ болѣе удивлены богатствомъ и изящнымъ вкусомъ подарковъ шведскаго короля, что его стремились представить въ видѣ бѣднаго маленькаго мальчика (pauvre petit garçon).

Если во всей этой исторіи такъ мало говорилось о великомъ князѣ Павлѣ, то это потому, что о немъ не было больше вопроса какъ въ отношеніи того, что касалось до его дѣтей, такъ въ отношеніи того, что касалось государства. Онъ былъ въ своемъ дворцѣ въ Гатчинѣ и въ теченіе всего пребыванія шведскаго короля, которое длилось около шести недѣль, его видѣли въ Петербургѣ только одинъ или два раза. Великая княгиня, его жена, напротивъ, три или четыре раза въ недѣлю совершала это скучное и утомительное путешествіе, чтобы присутствовать на праздникахъ и требовать возвращенія, по крайней мѣрѣ по внѣшности, своихъ материнскихъ правъ и обязанностей. Эта добрая великая княгиня говорила: „Если всѣ мои дочери, при выходѣ замужъ, будутъ стоить мнѣ столько же мученій, какъ эта, я умру на дорогѣ“.

Король былъ для формы по разу въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Павелъ и регентъ казались существовали слишкомъ разнородными для того, чтобы сойтись. И въ этомъ случаѣ съ перваго раза было видно, что онъ одного мнѣнія съ своей матерью и даже превосходитъ ее въ своей строгости и преданности къ православному греческому исповѣданію. Вѣроятно впрочемъ, что странности Павла поставили бы столько же препятствій для счастья его дочери, сколько тщеславіе Екатерины и неспособность ея министровъ: *) костюма шведовъ, ихъ

*) Теперешняго императора. 20 сентября по старому стилю или 7 октября по новому. (Прим. автора).

*) Нѣсколько дней спустя послѣ своего вступленія на тронъ, Павелъ, придя въ аппартаменты своихъ дочерей, сталъ шутить надъ одной изъ ихъ фрейлинъ по поводу скораго ея брака. „Что касается моей дочери Александры, прибавилъ онъ, то ее нельзя выдать замужъ, потому что ея нареченный не умѣетъ еще писать“. Онъ только что получилъ письмо отъ короля шведскаго, секретарь котораго пропустилъ въ адресѣ нѣсколько титуловъ самодержца и между прочимъ совершенно новый титулъ герцога курляндскаго и проч. Чтобы въ будущемъ ни у кого не было случая сдѣлать такой преступный пропускъ, Павелъ издалъ указъ, въ которомъ пространно приказывалъ титуловать его такъ какъ онъ желалъ. И какъ будто бы громадная русская имперія нуждалась въ испанскихъ амплификаціяхъ, чтобы казаться великой и могущественной, онъ принимаетъ титулы всѣхъ древнихъ княжествъ. Они составляютъ добрую страницу, и онъ желаетъ, чтобы ихъ давали ему даже въ молитвахъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ царь является достойнымъ одного изъ своихъ предшественниковъ, который объявилъ войну Польшѣ, приводя одинъ лишь тотъ мотивъ, что его не именовали согласно со всѣми его титулами. Впрочемъ извѣстно,

короткой одежды, ихъ шинелей, ихъ лентъ и ихъ круглыхъ шляпъ было достаточно для того, чтобы внушить ему неисцѣльное отвращеніе. Этотъ сорвавшійся бракъ противъ воли поистинѣ покрылъ позорищемъ русскихъ дипломатовъ, а для старой императрицы должно было быть очень унизительнымъ позволеніе употреблять столь жалкія средства. Не было ли также гораздо ниже достоинства русской державы оказаться въ такомъ затруднительномъ положеніи при устройствѣ своихъ милыхъ великихъ княженъ и примѣнять столько большихъ и малыхъ плутней для того, чтобы выдать ихъ замужъ. Правда, что безмѣрное честолюбіе Екатерины, казалось, поставило своей задачей сдѣлать ихъ браки трудными: она, какъ нѣкогда мадемуазель де Монпансье, *) убила ихъ мужей—пальбой изъ пушекъ. Король Польскій, герцогъ Курляндскій, даже господарь молдавскій — вотъ подходящіе супруги, которыхъ она могла бы имъ предоставить.

Впрочемъ, какая бы судьба ни предстояла великимъ княжнамъ, онѣ, безъ сомнѣнія будутъ счастливѣе, чѣмъ нѣмецкія принцессы, вышедшія замужъ въ Россіи, участь которыхъ у всѣхъ самая жалкая. Извѣстна ужасная судьба Софьи брауншвейгской **), супруги несчастнаго царевича Алексѣя ***); судьба регентши Анны ****), несчаст-

---

что Павелъ былъ на волосокъ отъ возобновленія войны съ Швеціей и что онъ довершилъ несчастье жизни своей интересной дочери, вынудивъ своими поступками шведскаго короля отказаться отъ нея на всегда. (Прим. автора).

*) Анна — Марія — Луиза орлеанская, дочь Гастона орлеанскаго, герцога де-Монпансье, извѣстная въ исторіи подъ именемъ la grande Mademoiselle (1627—1693). Послѣ того, какъ ея отецъ, въ союзѣ съ принцемъ Конде, присоединился къ дѣлу фронды, она командовала войсками въ Орлеанѣ и отстояла его для фронды. Позднѣе она занималась агитаціей въ Парижѣ, добиваясь доступа въ городъ для принца Конде. Послѣ сдачи Парижа Тюренну она бѣжала и возвратилась въ столицу Франціи только въ 1657 г. 42-хъ лѣтъ отъ роду она страстно влюбилась въ молодого графа Лозёна. Людовикъ XIV далъ свое согласіе на ихъ бракъ, но свадьбы не состоялось, потому что Лозёнъ по придворнымъ интригамъ былъ заключенъ въ тюрьму. Онъ былъ освобожденъ хлопотами герцогини черезъ 10 лѣтъ, послѣ чего, какъ говорятъ, они поженились, но тайно и не на долго. Черезъ 5 лѣтъ они разошлись. Герцогиня оставила очень интересные мемуары. (Прим. переводч.).

**) Шарлотта-Христина-Софья (1694—1715), дочь герцога Людвига брауншвейгъ-вольфенбюттельскаго, вступила въ бракъ съ царевичемъ Алексѣемъ 14 октября 1711 г. Она родила отъ него дочь Наталью и сына Петра (импер. Петра II). Мужъ не любилъ ея и обращался съ ней весьма жестоко. Къ своему счастью, она рано умерла. (Примѣч. переводчика).

***) Царевичъ Алексѣй Петровичъ (1690—1718) сынъ Петра Великаго отъ Евдокіи Лопухиной. Онъ подвергся гнѣву своего отца за упорное пристрастіе къ старинѣ и бѣжалъ за границу, вмѣстѣ съ своей любовницей Евфросиніей Өедоровой, послѣ угрозы Преобразователя поступить съ нимъ, какъ съ „своимъ злодѣемъ“. Привезенный изъ чужихъ краевъ Румянцевымъ и Петромъ Толстымъ, онъ былъ преданъ суду, заключенъ въ темницу, подвергался тамъ пыткамъ и умеръ, не дождавшись выполненія смертнаго приговора (Примѣч. переводчика).

****) Анна Леопольдовна, дочь герцога мекленбургъ-шверинскаго, жена Ульриха-Антона брауншвейгъ-люнебургскаго, правительница Россійской имперіи въ малолѣтство своего сына, свергнутая и сосланная въ Холмогоры, Архангельской губерніи, императрицей Елизаветой Петровной. Она родилась въ 1718 г. и умерла отъ родильной горячки въ 1746 г. (Примѣч. переводчика).

ной матери не менѣе несчастнаго Ивана III *), была еще печальнѣе. Великая княгиня Наталья дармштадтская, первая супруга Павла**), не закончила ли мрачнымъ концомъ? Кто не растрогался бы надъ огорченіями, которыя испытывала Марія вюртембергская, теперешняя императрица***), и кто не сожалѣетъ теперь эту юную принцессу саксенъ-кобургскую, сдѣлавшуюся добычей великаго князя Константина? Не посмѣютъ, надѣюсь, возразить мнѣ ссылкой на Екатерину, великую Екатерину! Будучи убійцей своего мужа ****), не была ли она самой несчастной изъ женъ? Единственное исключеніе, представляющееся мнѣ въ этомъ ряду несчастливыхъ супругъ, составляетъ Елизаветта баденъ-дурлахская, которой ея собственный характеръ и въ особенности характеръ ея мужа, повидимому, обѣщаетъ болѣе счастливую жизнь *****).

Юныя и трогательныя жертвы, которыхъ Германія, повидимому, посылаетъ въ дань Россіи, какъ нѣкогда Греція посылала своихъ дѣвушекъ на сожраніе Минотавру, сколько разъ орошали вы тайными слезами бездушные аппартаменты, гдѣ вы заключены? Сколько разъ вы обращали ваши взоры и ваши сожалѣнія къ дорогимъ покоямъ, гдѣ вы проводили дни своего дѣтства? Если бы они протекали въ объятіяхъ супруга вашей національности, въ благословенномъ небомъ климатѣ, на лонѣ народа, болѣе счастливаго и болѣе просвѣщеннаго, среди двора менѣе пышнаго и менѣе развращеннаго, не были ли бы они много предпочтительнѣй? Эти цѣпи, которыя вы носите, будучи золотыми, становятся отъ того только тяжелѣе для васъ. Эта помпа,

---

****) Іоаннъ VI или III Антоновичъ, провозглашенный послѣ смерти импер. Анны Іоанновны въ 1740 г. императоромъ, но уже въ слѣдующемъ году свергнутый Елизаветой. Сначала жилъ въ ссылкѣ въ Холмогорахъ, съ родителями, потомъ въ 1756 г. тайно перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и убитъ стражей во время попытки Мировича произвести переворотъ въ его пользу. Родился въ 1740 г., умеръ въ 1764 г. (Примѣч. переводчика).

*****) Наталья Алексѣевна, урожденная Вильгельмина гессенъ-дармштадтская (1755—1776). Она умерла отъ родовъ. (Примѣч. переводчика).

******) Марія Ѳеодоровна, вторая жена Павла, не была счастливой въ личной жизни уже потому, что была отстранена Екатериною отъ участія въ заботахъ и воспитаніи своихъ дѣтей. Любовныя увлеченія ея супруга, предпочтившаго передъ ней сначала Нелидову, потомъ Лопухину, тоже не могли содѣйствовать ея счастью. (Примѣч. переводчика).

*******) Петра III Ѳеодоровича (1728—1762), этого шута на тронѣ. Вскорѣ послѣ своего низложенія онъ былъ задушенъ въ Ропшѣ Барятинскимъ и Энгельгардомъ не безъ участія Алексѣя Орлова, но безъ вѣдома Екатерины. (Прим. переводч.).

*) Къ несчастью это исключеніе не имѣетъ болѣе мѣста. Павелъ, который никогда не могъ терпѣть этой принцессы, въ настоящее время является ея преслѣдователемъ. Ярость, въ которую повергъ его бракъ шведскаго короля съ ея сестрой, повидимому, увеличилъ его ненависть къ ней и ея родителямъ и открыто она болѣе не смѣетъ съ ними уже переписываться. Тиранъ своей имперіи, онъ таковъ же и въ своей семьѣ: онъ запрещаетъ здѣсь первичныя и самыя справедливыя естественныя чувства. (Примѣч. автора).

Великая княгиня, позднѣе императрица Елизавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа баденъ-дурлахская 1779—1826) отличалась чуднымъ характеромъ и красотой, но была несчастна и не только по тѣмъ причинамъ, о которыхъ упоминаетъ Масонъ. Много горя выстрадала она отъ равнодушія своего мужа, скоро охладѣвшаго къ ней, отвернувшагося отъ нея и предавшагося безъ конца флирту. Любящее сердце ея, тоскуя въ одиночествѣ, наконецъ, привязалось къ молодому офицеру Охотникову, но послѣдняго приказали застрѣлить. Только въ послѣдніе годы Александръ снова сошелся съ нею. (Примѣч. переводчика).

которая васъ окружаетъ, эти богатства, которыя васъ покрываютъ, не ваши: вы ими не наслаждаетесь. Если любовь своимъ обаяніемъ не скрашиваетъ для васъ жилище мукъ и скуки, оно скоро становится для васъ только ужасной темницей. Конечно, вашъ жребій достоинъ слезъ тѣхъ, кто вамъ завидуетъ: столь блестящій и столь привлекательный титулъ великой всероссійской княгини былъ до сихъ поръ только титуломъ на исключеніе изъ счастья.

Что сказать о недостаткѣ гордости у нѣмецкихъ принцевъ, посылающихъ въ Россію своихъ дочерей, которыхъ тамъ выбираютъ, какъ грузинскихъ невольницъ, приводимыхъ въ сераль турецкаго султана? Та, которая благосклонно принята, несчастна, а тѣ, которыхъ отсылаютъ обратно, оскорблены, потому что приданое, которое имъ даютъ, ленты, которыми ихъ обшиваютъ, только свидѣтельствуютъ о томъ, что они были предложены, осмотрѣны и отвергнуты. Обычно мать этихъ принцессъ совершаетъ отдаленное путешествіе, чтобы сторговаться такимъ образомъ за одну изъ своихъ дочерей, всѣхъ ихъ выставляя для постыднаго выбора. Конечно, времена измѣнились. Когда тиранъ Иванъ Васильевичъ, болѣе жестокій и менѣе странный, чѣмъ Павелъ, желая сблизиться съ государями Европы, послалъ просить въ жены сестру Августа Сигизмунда, короля польскаго *), послѣдній, шутя съ грубостью, достойной его вѣка, и, безъ сомнѣнія, того понятія, какое составили тогда о русскомъ великомъ князѣ, отправилъ ему бѣлую кобылу, одѣтую, какъ женщина. Теперь, по первому знаку русскаго самодержца, нѣмецкіе князья спѣшатъ отправить своихъ дочерей съ ихъ матерьми, чтобы великіе князья могли выбрать тѣхъ, кто имъ подойдетъ, и возвратить другихъ съ конфузомъ, который не могутъ достаточно прикрыть ленты, драгоцѣнности и рубли. Самодержцы дѣйствуютъ теперь съ нѣмецкими принцессами точно такъ, какъ они когда-то поступали съ дочерьми своихъ холоповъ, которыхъ они собирали въ свой теремъ, чтобы выбрать себѣ самую красивую. Какъ, повторяю, нѣмецкіе князья могли подчиниться этой постыдной дани и такъ мало уважать скромность и нѣжную чистоту своихъ дочерей?

Изъ всѣхъ этихъ жертвъ, привезенныхъ такимъ образомъ въ Россію **), двѣ юныхъ принцессы баденъ-дурлахскія показались самыми интересными и самыми красивыми. Ихъ мать, урожденная принцесса дармштадтская, уже побывала здѣсь въ юности, привезенная вмѣстѣ съ сестрами, изъ которыхъ одна имѣла несчастье быть первою женой Павла. Эта принцесса, любезная женщина и достойная мать прекрас-

---

*) Сигизмундъ II Августъ, послѣдній польскій король изъ династіи Ягеллоновъ (род. 1520, умеръ 1572 г.). Велъ неудачную войну въ Иваномъ IV московскимъ Грознымъ. (Примѣч. переводчика).

**) Екатерина велѣла прибыть одиннадцати нѣмецкимъ принцессамъ, чтобы надѣлить своихъ сыновей или внуковъ: тремъ принцессамъ дармштадтскимъ, привезеннымъ ихъ матерью; тремъ принцессамъ вюртембергскимъ (послѣднія доѣхали только до Пруссіи: Фридрихъ одинъ только потребовалъ, чтобы великій князь былъ довольно галантенъ, сдѣлавъ половину дороги); двумъ принцессамъ баденскимъ и тремъ принцессамъ кобургскимъ, привезеннымъ опять матерью. Юный король шведскій совершилъ три путешествія за границу своего государства, чтобы избрать себѣ жену, а для младшаго великаго князя русскаго заставили трехъ принцессъ пріѣхать изъ глубинъ Германіи. (Примѣч. автора).

наго семейства, не пожелала вновь появляться на зрѣлищѣ, гдѣ сама была выставлена, съ своими дочерьми: она ихъ довѣрила графинѣ Шуваловой, вдовѣ автора „Посланія къ Нинонъ“ *), принявшей на себя это порученіе, точно такъ же, какъ извѣстный Стрекаловъ **), ведшій себя подобно козаку, котораго послали похитить дѣвушекъ изъ Грузіи въ сераль султана.

Эти принцессы, послѣ длиннаго и мучительнаго путешествія, прибыли въ Петербургъ къ концу осени 1792 г. и въ ужасную погоду, что, повидимому, производило на нихъ самое удручающее впечатлѣніе. Ихъ поселили во дворцѣ, который занималъ Потемкинъ, гдѣ и приняла ихъ императрица, сопровождаемая мадамъ Браницкой, фавориткой князя ***). Юныя принцессы сначала эту послѣднюю приняли за Екатерину, но когда графиня Шувалова вывела ихъ изъ заблужденія, онѣ бросились къ ногамъ императрицы и со слезами цѣловали ей платье и руки, пока она не подняла ихъ, чтобы расцѣловать. Потомъ ихъ оставили пообѣдать на свободѣ. На слѣдующій день Екатерина прибыла посмотрѣть ихъ, когда онѣ были еще за своимъ туалетомъ, и привезла имъ орденъ Св. Екатерины, драгоцѣнности и матеріи. Она заставила показать себѣ ихъ гардеробъ и, при его осмотрѣ, сказала имъ; „Друзья мои, я не была такъ богата, какъ вы, въ то время, когда прибыла въ Россію“ ****).

Юные великіе князья видѣли ихъ въ тотъ же день у своей бабабушки. Старшій, который подозрѣвалъ о цѣли ихъ пріѣзда, имѣлъ видъ задумчивый и смущенный; онъ совсѣмъ не говорилъ. Екатерина сказала, что, зная мать этихъ принцессъ и о томъ, что французы взяли ихъ отечество *****), она велѣла имъ пріѣхать, чтобы воспитать ихъ при своемъ дворѣ. По своемъ возвращеніи молодые великіе князья много говорили о нихъ, и Александръ сказалъ, что нашелъ

---

*) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (1744—1789), сынъ фельдмаршала Петра Ивановича (1711—1762) и племянникъ фаворита Елизаветы и извѣстнаго мецената Ивана Ивановича (1727—1797). Отъ своего дяди унаслѣдовалъ его любовь къ искусствамъ и наукамъ, тонкій эстетическій вкусъ и меценатскія наклонности. Въ особенности высоко ставилъ онъ Вольтера, которому подражалъ въ собственной литературной дѣятельности. Стихи свои писалъ на французскомъ языкѣ. Epitre à Ninon de Lenclos долгое время считалось произведеніемъ Вольтера. Нинонъ де-Линкло — знаменитая французская жрица любви (1616—1706). Первымъ ея поклонникомъ былъ кардиналъ Ришелье. До глубокой старости она сохраняла неувядаемую красоту. (Примѣч. переводчика).

**) Степанъ Θеодоровичъ Стрекаловъ (1728—1805). Онъ занимался литературой и былъ участникомъ въ переводахъ изъ Энциклопедіи, вышедшихъ въ Москвѣ въ 1767 г. Состоялъ статсъ-секретаремъ при Екатеринѣ. (Примѣч. переводчика).

***) Графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, племянница Потемкина Таврическаго, жена графа Ксаверія Браницкаго, была оберъ-гофмейстериной при Николаѣ I, родилась въ 17:4 г., умерла въ 1838 г. Она извѣстна своей филантропіей. 200.000 р. она пожертвовала на выкупъ должниковъ изъ тюремъ и 300.000 р. на поддержаніе изъ процентовъ своихъ 97.000 крестьянъ. Накопившіеся отсюда проценты въ 1875 г. были переданы въ видѣ капитала Сельскому Банку гр. Браницкой, учрежденному въ Бѣлой-Церкви Кіевской губерніи. (Примѣч. переводч.).

****) Въ концѣ своей жизни Екатерина часто говорила, что она прибыла въ Россію бѣднякомъ, но расквиталась съ государствомъ: Таврида и Польша—вотъ приданое, которое я ему оставляю. (Примѣч. автора).

*****) Это было въ эпоху экспедиціи де-Кюстина въ Германію. (Прим. автора).

старшую очень красивой *). „Ахъ, совсѣмъ нѣтъ! вскричалъ младшій: онѣ некрасивы ни та, ни другая; ихъ нужно отправить въ Ригу къ курляндскимъ князьямъ, онѣ хороши только для нихъ“ **).

Между тѣмъ слова Александра были доложены бабушкѣ. Она была восхищена, что онъ нашелъ красивой ту, которую она для него предназначала и которой, повидимому, была очарована сама. Екатерина претендовала на сходство въ эпоху своего прибытія въ Россію съ Луизой баденской. Она велѣла принести себѣ портретъ, который былъ снятъ съ нея въ эту эпоху, сопоставила его съ принцессой, и всякій, какъ можно думать, находилъ, что двѣ капли воды не болѣе сходны. Съ тѣхъ поръ она привязалась къ юной принцессѣ исключительно, удвоила нѣжность къ Александру и съ удовольствіемъ занялась проектомъ оставить свой тронъ непосредственно имъ.

Юныя иностранки въ первый разъ появились при дворѣ въ то время, когда были присланы польскіе депутаты благодарить великую Екатерину за честь, какую она только что оказала республикѣ, сохранивъ для себя три ея четверти ***). Принцессы столько же были ослѣплены великолѣпіемъ, которое ихъ окружало, сколько показывалось восхищенія къ ихъ расцвѣтающимъ прелестямъ. Но съ старшей произошелъ случай, который заставилъ суевѣрныхъ русскихъ говорить, что она будетъ несчастна въ Россіи. Приближаясь къ трону Екатерины, она споткнулась объ уголъ ступеньки и упала передъ этимъ трономъ. Пусть это печальное предсказаніе не осуществится!

Въ то время, когда ея юная сестра скорбно проводила свои дни, оплакивая свою родину и своихъ родителей, память о которыхъ не могла разсѣять у нея вся пышность двора, и когда ее, осыпавъ подарками, отправили, наконецъ, обратно, причемъ подарки меньше тронули ее, чѣмъ удовольствіе снова увидать въ скоромъ времени бе-

---

*) Она была, на самомъ дѣлѣ, прекрасна. При русскомъ дворѣ по красотѣ съ ней могла быть сравнена одна только великая княжна Александра. Ея сестра, въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ, не была еще сформировавшейся, но имѣла что-то болѣе пикантное и еще болѣе одухотворенное. (Примѣч. автора).

**) Эти князья были тогда воспитаны, какъ если бы должны были царствовать, въ одинъ прекрасный день наслѣдовавъ своему дядѣ. Старшаго предназначали для второй великой княжны, Елены Павловны. Все измѣнилось на ихъ счетъ. Они—оберъ-офицеры въ войскахъ Павла, а старшій даже только-что сосланъ въ гарнизонъ инвалидовъ. Мать его, супруга принца курляндскаго Карла, испрашивая у Павла милости своему сыну, получила въ Петербургской газетѣ, гдѣ онъ велитъ печатать свои рѣшенія по частнымъ ходатайствамъ, представляемымъ ему, слѣдующій отвѣтъ: Принцессѣ Биронъ, ходатайствующей о возвращеніи изъ ссылки своего сына, отказано. (Примѣч. автора).

***) Въ этотъ періодъ еще оставили часть Польскаго королевства или республики. Депутаты были приняты однако только какъ представители подвластной провинціи: они стояли съ обнаженной головой, а императрица сидѣла; она привѣтствовала ихъ простымъ кивкомъ, послѣ того какъ они склонили передъ ней колѣни. Графъ Браницкій, мужъ фаворитки, былъ ораторомъ этого постыднаго посольства, которое желало однако принести привѣтствіе по польски. Онъ сказалъ между другими глупостями: „Великая Екатерина соизволила сказать слово и сдѣлать знакъ—и деспотизмъ, готовый захватить польскій престолъ, палъ, какъ идолъ“. Этимъ словомъ Екатерины была наглая брошюра, составленная Альтести, гдѣ всѣ польскіе вельможи трактовались якобинцами, а король крамольникомъ; этимъ знакомъ было посольство двухъ армій, которыя уничтожили и сожгли все, чего не могли ограбить; этимъ идоломъ деспотизма была конституція третьяго мая. О безстыдство! (Примѣч. автора).

рега Рейна*), принцесса Луиза, казалось, улыбалась судьбѣ, ее ожидавшей. Неизвѣстный утѣшитель родился въ ея сердцѣ и осушилъ ея слезы. Она почувствовала любовь, видя молодого великаго князя, который равнялся съ нею въ красотѣ и скромности. Отъ чистаго сердца она готова была на все, чего отъ нея требовали, изучала русскій языкъ, получала уроки греческаго катехизиса и въ скоромъ времени была въ состояніи сдѣлать публичное исповѣданіе своей новой вѣры и получить на своихъ голыхъ рукахъ и своихъ нѣжныхъ и тоже голыхъ ногахъ миропомазаніе, которое совершилъ надъ ней бородатый епископъ, провозгласивъ ее великой княгиней Елизаветой Алексѣевной. Екатерина предпочла дать ей свое собственное отечество, а не называть ее по отцу, какъ это принято обычаемъ**).

Свадьба была сыграна въ маѣ слѣдующаго года съ пышностью и необыкновенными празднествами. Россія только что окончила три войны, почти одинаково побѣдоносныхъ. Толпа генераловъ и офицеровъ, покрытыхъ лаврами, которые они стяжали въ этихъ войнахъ, увеличила дворъ. Большое количество шведовъ, поклонниковъ Екатерины, почти всѣ преданные и покорные польскіе магнаты, татарскіе ханы, посланники великой Бухары, турецкіе паши, греческіе и молдавскіе депутаты, персидскіе софи и французскіе эмигранты, которые одновременно просили о мщеніи и о покровительствѣ***), умножили въ этотъ моментъ число придворныхъ гордой сомодержицы Сѣвера. Никогда дворъ не представлялъ зрѣлища, столь блистательнаго и

---

*) Вмѣстѣ съ большимъ количествомъ бриллiантовъ, которые она получила, ей назначили пенсiю, которая должна была смѣниться приданымъ. Когда она сдѣлалась королевой Швецiи, я не знаю, выдала ли его Россiя. Между подарками, какiе ей вручили, былъ орденъ св. Андрея для ея отца. Этотъ орденъ главный въ Россiи, и Екатерина не знала даже числа его кавалеровъ: оказалось, что у принца баденскаго онъ уже былъ. Императрица не захотѣла послать орденъ; она обѣщала дать его сыну, еще дитяти. Часто случалось, что офицеровъ награждали орденами, которые они уже имѣли. Одинъ изъ нихъ тщетно хлопоталъ о другой наградѣ, онъ носилъ два тѣхъ же самыхъ креста. Впрочемъ Екатерина, столь щедрая по временамъ, обнаружила скаредность, назначивъ гувернанткѣ, которая воспитывала и сопровождала принцессъ баденскихъ въ Россiю, ничтожную пенсiю въ 200 рублей, что возмущало даже дворъ Карлсруе. Эти черты скаредности часто возникали среди щедротъ Екатерины. Она охотно одаряла только тѣхъ, которые и безъ того имѣли уже слишкомъ: она предпочитала жаловать, а не вознаграждать. Въ концѣ своей жизни она сдѣлалась скупой, въ особенности по отношенiю къ императорской фамилiи, которая нуждалась часто въ необходимомъ въ то время, какъ фаворитъ и его креатуры плавали въ роскоши. (Примѣч. автора).

**) Имена по отчеству у русскихъ имѣютъ нѣчто древнее и почтенное. Русскiй могъ именовать императрицу, даже во время разговора съ нею, Екатерина Алексѣевна. Принцесса баденская должна бы называться Елизаветой Карловной, такъ какъ она дочь принца Карла. У грековъ также существуетъ этотъ обычай, и мы могли бы сказать, счастливо передавая русскiя окончанiя на греческiй ладъ: Иванъ—Василидъ, Александръ—Николаидъ и пр., какъ говорятъ Алкидъ, Селевкидъ, Гераклидъ, тѣмъ болѣе, что произношенiе и орѳографiя Васильевичъ, Николаевичъ и пр. всегда затруднительны для француза. Примѣч. автора.

***) Однажды въ одно и то же время Екатеринѣ представили юнаго Ришелье, персидскаго посланника, калмыцкихъ депутатовъ и одного стараго сумасшедшаго русскаго, котораго она, по рекомендацiи Н. Салтыкова (князь Николай Ивановичъ 1736—1816), сдѣлала кавалеромъ, явившихся къ ней съ просьбами. Ришелье поцѣловалъ ей руку со всею ловкостью француза, персидскiе послы—съ восточными жестами, калмыки, распростершись на полу, а старый русскiй, преклонившись и воздѣвъ глаза къ небу. (Примѣч. автора).

столь разнообразнаго. Это были послѣдніе счастливые дни Екатерины. Она обѣдала на тронѣ, возвышавшемся посреди другихъ столовъ. Осыпанная и увѣнчанная золотомъ и брилліантами, она обводила яснымъ взоромъ это громадное собраніе, состоявшее изъ всѣхъ націй, и, казалось, всѣхъ видѣла у своихъ ногъ. Видя ее окруженной блестящей и многочисленной семьей, поэтъ могъ бы принять ее за Юнону, возсѣдавшую посреди боговъ*).

Пріѣздъ принцессы саксенъ-кобургской съ ея тремя дочерьми, одна изъ которыхъ сдѣлалась супругою великаго князя Константина, былъ менѣе замѣчателенъ. Русскіе позволяли себѣ даже колкія замѣчанія насчетъ этихъ принцессъ, насчетъ стародавности и дурного вкуса ихъ одеждъ. Ихъ представили только послѣ того, какъ обновили имъ гардеробъ. Выборъ великаго князя Константина заставили упасть на младшую, невысокую брюнетку, которая обнаруживала умъ и внушала интересъ. Она получила имя Анны Θеодоровны и, повидимому, заслуживала большаго счастья, нежели то, какое обѣщалъ ей буйный характеръ ея слишкомъ юнаго супруга.

---

*) Это не преминуло найти себѣ мѣсто, въ особенности въ слѣдующей эпиграммѣ:

Ни королева Θивъ среди своихъ дѣтей,
Ни самъ Людовикъ, всѣхъ собравши сыновей,
Столь пышнаго кружка не создали какъ разъ.
Толпится передъ ней трехъ поколѣній цвѣтъ,
И будетъ чаровать она намъ вѣчно глазъ,
Какъ мать лишь ихъ горда, своимъ безсмертьемъ нѣтъ,—
—Юнона такова среди боговъ для насъ. (Примѣч. автора).

ГЛАВА II.

Екатерина II.

Подробности объ ея болѣзни и ея смерти. Ея портретъ. Ея характеристика. Замѣчанія объ ея дворѣ, объ ея придворныхъ, ея министрахъ. Вліяніе французской революціи на ея умъ. Покровительствовала ли Екатерина литературѣ? Ея сочиненія. Нравы и памятники ея царствованія.

Пребываніе шведскаго короля въ Петербургѣ, празднества, которыя оно вызвало, оскорбленіе, которое было его послѣдствіемъ, несомнѣнно,—ускорили кончину Екатерины. Она предавалась, въ теченіе шести недѣль, безпрерывнымъ праздникамъ и утомленію, потому что, съ давнихъ поръ, всходить и спускаться по лѣстницѣ дворца, одѣваться и появляться на многовеніе было для нея трудомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что она всегда усиливалась казаться молодой и здоровой и не желала пользоваться портшёзомъ.

Нѣкоторые придворные, зная о тѣхъ трудностяхъ, какія она испытывала при подъемѣ, превратили свои лѣстницы, не щадя затратъ, въ пріятные и устланные коврами всходы, чтобы принимать ее въ дни праздниковъ и баловъ, данныхъ ими въ честь короля. Подобная галантность Безбородкѣ стоила даже сорокъ пять тысячъ *) единственно ради того, чтобы привѣтствовать въ своемъ домѣ заснувшую Екатерину **). Къ концу своей жизни Екатерина сдѣлалась почти безобразно толстой: ея ноги, всегда опухшія и часто открытыя, были совершенно, какъ бревна, по сравненію съ тою ножкой, которою нѣкогда восхищались. Знаменитый пиратъ Ламбро Кацони ***) котораго ввелъ къ

---

*) Сумма громадная. Для нашего времени она равняется не одному милліону рублей.

**) Пусть русскія сіятельства и превосходительства не оскорбляются, увидя себя поименованными просто по фамиліямъ. Я желалъ бы ихъ облечь во всѣ титулы, какъ пилюлю въ ея мишуру. Но часто въ тотъ моментъ, когда я писалъ, господинъ дѣлался графомъ, графъ княземъ, а князь принцемъ, совѣтникъ, генералъ, комнатный лакей—превосходительствомъ. Все съ такою быстротой измѣнялось подъ творческой рукой Павла, что я долженъ держаться однихъ именъ лицъ. (Примѣч. автора).

***) Ламбро Дмитріевичъ Кацони, грекъ по происхожденію, командовалъ на русской службѣ балаклавскимъ греческимъ батальономъ. Во время второй турецкой войны онъ отправился въ Грецію и на свой счетъ снарядилъ небольшое военное судно, къ которому присоединилось два такихъ же. Съ этими судами Кацони вышелъ изъ Тріеста въ море и, гдѣ только возможно, уничтожалъ турецкія суда. Въ 1790 году противъ него была выслана большая турецкая эскадра, и флотилія Ламбро при встрѣчѣ была разбита. Все-таки онъ сумѣлъ продолжать свои нападенія до самаго заключенія мира. Умеръ въ царствованіе Александра I. (Прим. перев.).

ней адмиралъ Рибасъ *) по милости Зубова и который служилъ у ней шутомъ, послѣ того какъ послужилъ корсаромъ въ Архипелагѣ, желалъ также быть ея медикомъ. Онъ убѣдилъ ее, что знаетъ вѣрнѣйшее средство для исцѣленія ея ногъ, и самъ ходилъ за морскою водою, чтобы заставить ее ежедневно принимать холодную ножную ванну. Сначала она чувствовала себя отъ этого хорошо и вмѣстѣ съ Ламбро смѣялась надъ совѣтами своихъ медиковъ, но ея ноги вскорѣ распухли еще больше. Вечера и движеніе, которымъ она отдалась, ухудшили зло. Въ тотъ моментъ, когда она узнала объ отказѣ короля и была вынуждена распустить свой дворъ, собранный для празднованія свадьбы ея внучки, она уже почувствовала легкій апоплексическій ударъ. Принужденіе, къ которому она прибѣгала въ послѣдующіе дни, чтобы являться съ обыкновеннымъ лицомъ и не имѣть вида изнемогающей отъ досады, причиненной ей непокорствомъ „маленькаго короля", **) заставляло все болѣе и болѣе кидаться ей въ голову кровь и раздраженіе. Въ этотъ періодъ цвѣтъ ея лица, уже очень красноватый, становился болѣе краснымъ и болѣе багровымъ, а ея недомоганія болѣе частыми.

Я не долженъ здѣсь дѣлать упоминаніе о признакахъ и примѣтахъ ея смерти. Но такъ какъ чудеса еще въ модѣ въ Россіи, то справедливо замѣтить, что вечеромъ, когда императрица выѣхала съ королемъ къ Самойлову, блестящая звѣзда отдѣлилась надъ ея головой отъ небеснаго свода и упала въ Неву. Я долженъ даже, въ честь истины и мрачныхъ предзнаменованій, удостовѣрить, что это фактъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Одни утверждали, что эта прекрасная звѣзда обозначаетъ отъѣздъ юной королевы въ Швецію; другіе, указывая на то, что крѣпость и гробницы государей находятся около мѣста, гдѣ, казалось, упала звѣзда, говорили по секрету и съ трепетомъ, что это возвѣщаетъ близкую смерть императрицы.

Несомнѣнно только то, что 4-го ноября, по старому стилю, 1796 г., Екатерина у себя въ небольшомъ обществѣ, что называли тогда „маленькимъ эрмитажемъ", была чрезвычайно весела. Она получила съ парохода изъ Любека новость, что генералъ Моро ***) форсировалъ

---

*) Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ (1749—1800), адмиралъ русской службы, родился въ Неаполѣ. Въ русскій черноморскій флотъ онъ поступилъ волонтеромъ по приглашенію гр. Алексѣя Орлова въ 1772 г. Въ 1780 онъ получилъ постъ командира маріупольскаго полка. Встрѣтившись съ Потемкинымъ въ теперешнемъ Новороссійскомъ краѣ, обратилъ на себя его вниманіе. Во время турецкой войны онъ овладѣлъ крѣпостями Березанской и Хаджибейемъ. На мѣстѣ послѣдней, по его проекту основалась Одесса, при чемъ самъ Рибасъ былъ первымъ ея устроителемъ и начальникомъ. Въ 1797 г., вызванный въ Петербургъ Павломъ, онъ простился съ Одессой, главная улица которой въ его честь называется Дерибасовской. При Павлѣ онъ занималъ должность генералъ-кригсъ-комиссара, управлялъ лѣснымъ департаментомъ и составилъ проектъ укрѣпленія Кронштадта. (Прим. переводч.).

**) Таковъ насмѣшливый эпитетъ, который она ему дала. Этотъ юный принцъ, съ самаго своего дѣтства, очень дорожилъ титуломъ зрѣлаго человѣка, который добивался заслужить. Когда однажды онъ прогуливался въ паркѣ, двѣ женщины крикнули: „Бѣжимъ на дорожку посмотрѣть на нашего маленькаго короля. Густавъ, уколотый ими, вскричакъ: Ахъ, mesdames! развѣ у васъ есть большій". (Прим. авт.).

***) Жанъ Викторъ Моро (1763—1813)—наиболѣе выдающійся, послѣ Бонапарта, генералъ первой французской республики. Въ 1796 г. онъ велъ побѣдоносную компанію противъ австрійцевъ, обнаруживъ замѣчательное искусство въ маневрированіи, но въ 1799 г. былъ разбитъ въ Сѣверной Италіи Суворовымъ. Съ 1800 принялъ

переправу черезъ Рейнъ, и написала по этому случаю, австрійскому министру Кобенцлю *) очень шутливое письмо. **) Она много забавлялась съ Львомъ Нарышкинымъ, ***) ея обершталмейстеромъ и первымъ шутомъ, торгуя и покупая у него всевозможнаго сорта безделушки, обыкновенно носимыя имъ въ карманѣ съ цѣлью продать ихъ ей, какъ это сдѣлалъ бы бродячій торговецъ, роль котораго онъ игралъ. Она любезно пожурила его за страхъ, который онъ испытывалъ передъ извѣстіями о смерти, передавъ ему о кончинѣ короля сардинскаго, о чемъ она тоже только что получила свѣдѣнія, и много говорила объ этомъ событіи въ тонѣ непринужденномъ и шутливомъ. Между тѣмъ она удалилась нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, почувствовавъ, сказала она, легкія колики вслѣдствіе того, что черезчуръ пересмѣялась.

На слѣдующій день она встала въ свой обычный часъ и велѣла войти фавориту, который оставался у нея съ минуту. Она закончила потомъ нѣсколько дѣлъ съ своими секретарями и отослала послѣдняго, представившагося ей, попросивъ его подождать въ передней, пока она не позоветъ его для окончанія работы. Онъ дожидался нѣкоторое время. Но придворный лакей Захарія Константиновичъ, обезпокоившись, что его не зовутъ и что въ комнатѣ не слышно никакого звука, открылъ наконецъ дверь. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ императрицу распростертой между двумя дверьми, которыя вели изъ ея спальни въ гардеробную. Она была уже безъ сознаніе и безъ движенія. Побѣжали къ фавориту, который помѣщался внизу; позвали докторовъ; суматоха и уныніе распространились вокругъ нея. Разостлали матрасъ возлѣ окна; возложили ее на него; сдѣлали ей кровопусканія, промыванія и всевозможные виды помощи, употребляемые въ подобномъ случаѣ. Они произвели свое обычное дѣйствіе. Императрица была еще жива, сердце билось, но никакого другого признака движенія. Фаворитъ, видя это безнадежное состояніе, велѣлъ предупредить

главное командованіе надъ рейнскою арміей и опять—блестяще билъ австрійцевъ, заключивъ съ ними перемиріе подъ самой Вѣной. Наполеонъ изгналъ его изъ предѣловъ Франціи, и Моро долгое время проживалъ въ Сѣверной Америкѣ. Только въ 1813 г. онъ возвратился въ Европу по приглашенію Александра I, играя роль главнаго совѣтника въ штабѣ союзныхъ монарховъ, воевавшихъ съ Наполеономъ. Въ битвѣ при Дрезденѣ 27 августа того же года Моро былъ смертельно раненъ. Тѣло его привезено было въ Петербургъ и погребено въ каталической церкви святой Екатерины. (Прим. переводч.).

*) Здѣсь разумѣется Людвигъ фонъ Кобенцль (1753—1809), австрійскій дипломатъ, принадлежавшій къ интимному обществу Екатерины. Первая половина его службы прошла при иностранныхъ дворахъ. Въ 1774 г. онъ былъ посломъ въ Капенгагенѣ, съ 1777 въ Берлинѣ, съ 1779 и по 1779 въ Петербургѣ, гдѣ способствовалъ заключеніе союза Австріи съ Англіей и Россіей противъ Франціи. Въ 1779 г. подписалъ миръ въ Кампо Форміо, въ 1801 въ Люневилѣ, послѣ чего былъ сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Двоюродный братъ его Графъ Іоаннъ-Филиппъ графъ Кобенцль (1741—1810) въ описываемый моментъ былъ съ 1794 г. государственнымъ канцлеромъ, а передъ этимъ съ 1777 вицеканцлеромъ Австріи. Послѣ Люневильскаго мира 1801 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ (Прим. перев.).

**) Вотъ это письмо, обѣжавшее общество: „Спѣшу донести Вашему превосходительному превосходительству, что превосходныя войска превосходнаго двора совершенно разбили французовъ“. (Прим. автора).

***) Князь Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

графовъ Салтыкова *) и Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ. Всякій въ отдѣльности погоропился отправить курьера въ Гатчину, гдѣ находился великій князь Павелъ; курьеромъ Зубова былъ его собственный братъ.

Между тѣмъ императорская фамилія и остальной дворецъ не знали о состояніи императрицы, которое держали въ тайнѣ. Только въ одиннадцать часовъ, когда она имѣла обычай призывать великихъ князей, стало извѣстно, что она нездорова, а слухъ, что императрица больна, пробился наружу только въ часъ пополудни. Но объ этой новости говорили только съ таинственной и робкой предосторожностью изъ боязни себя скомпрометировать. Можно было наблюдать встрѣчу двухъ придворныхъ, обоихъ въ совершенствѣ освѣдомленныхъ объ апоплексическомъ ударѣ, обоихъ взаимно распрашивающихъ, отвѣчающихъ, остерегающихся другъ друга и приближающихся шагъ за шагомъ и всегда одновременно, чтобы только вмѣстѣ дойти до ужаснаго пункта и получить возможность говорить о томъ, что они уже знали. Нужно часто посѣщать дворъ и въ особенности русскій, чтобы судить о важности такихъ вотъ вещей и не находить этихъ мелочей смѣшными.

Между тѣмъ тѣ, кому случай или ихъ постъ далъ возможность освѣдомиться въ первую очередь, поспѣшили извѣстить объ этомъ событіи свои семьи и своихъ друзей, потому что на смерть императрицы смотрѣли, какъ на эпоху чрезвычайнаго переворота въ государствѣ, вслѣдствіе характера великаго князя Павла и проектовъ или распоряженій, предполагавшихся у Екатерины. Было же чрезвычайно важно получить возможность заранѣе принять свои мѣры предосторожности. Такимъ образомъ дворъ, а вскорѣ и городъ были въ очень горестномъ волненіи и ожиданіи.

Пять или шесть курьеровъ, почти заразъ прибывшихъ въ Гатчину, не нашли тамъ великаго князя: онъ ушелъ вмѣстѣ съ дворомъ, за нѣсколько верстъ отсюда, посмотрѣть мельницу, которую велѣлъ выстроить. Онъ былъ пораженъ при этой новости великой радостью или великой печалью, потому что крайности сходятся и напоминаютъ другъ друга: нельзя порою хорошо различить впечатлѣній. Вскорѣ онъ оправился отъ своего волненія, обратился съ нѣсколькими вопросами къ курьерамъ, отдалъ распоряженія для своего путешествія и совершилъ его съ такимъ рвеніемъ, что менѣе, чѣмъ въ три часа, проѣхалъ пространство въ двѣнадцать лье, существующее между Гатчиной и Петербургомъ. Онъ прибылъ туда вмѣстѣ съ своей женой въ восемь часовъ вечера и нашелъ дворецъ въ величайшемъ смущеніи.

Его присутствіе соединило вокругъ него нѣсколькихъ министровъ и нѣсколькихъ придворныхъ. Другіе исчезли. Фаворитъ, предававшійся страху и скорби, выпустилъ изъ рукъ бразды государственнаго управленія. Вельможи, занятые послѣдствіями, которыя это

---

*) Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ (1736—1816), генералъ фельдмаршалъ Съ 1783 года руководилъ воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина. Въ 1784 г. назначенъ сенаторомъ и членомъ совѣта при высочайшемъ присутствіи; въ 1788—вицепрезидентомъ военной коллегіи, а съ 1790—президентомъ. Съ 1812 г. предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. (Прим. переводчика).

внезапное событіе могло бы имѣть, по отдѣльности устраивали свои дѣла. Всѣ придворныя интриги оказались въ одинъ моментъ разстроенными и безъ центра возможнаго объединенія, какъ спицы колеса, сердцевина котораго разбита. Павелъ, въ сопровожденіи всей своей семьи, направился къ императрицѣ, которая не обнаружила никакихъ признаковъ сознанія при видѣ своихъ собравшихся дѣтей. Она была неподвижной на матрасѣ, безъ внѣшняго проявленія жизни. Великій князь Александръ, его супруга, юныя принцессы проливали слезы и образовали вокругъ нея самую трогательную картину. Великія княгини, придворные кавалеры и дамы оставались одѣтыми и на ногахъ всю ночь, ожидая послѣдняго вздоха императрицы. Великій князь и его сыновья всякій моментъ подходили къ ней, чтобы быть его свидѣтелями. И слѣдующій день прошелъ въ томъ же волненіи и въ томъ же ожиданіи.

Павелъ, котораго скорбь о потери матери, такъ мало его любившей, не слишкомъ огорчала, занялся отдачей мелочныхъ приказаній и всевозможными приготовленіями къ своему вступленію на престолъ. Онъ удѣлялъ этому великому акту своей жизни такія же заботы, какія директоръ театра удѣляетъ своимъ кулисамъ и своимъ машинамъ передъ тѣмъ, какъ поднять занавѣсъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что смерть государя только антрактъ комедіи: такъ мало его личность занимаетъ тѣхъ, кто его окружаетъ, и даже его дѣтей. Екатерина еще дышала, а уже думали только о перемѣнахъ, какія должны были совершиться, и о томъ, кто выступалъ ей на смѣну.

Тѣмъ временемъ аппартаменты дворца наполнились мало-по-малу офицерами, пріѣхавшими изъ Гатчины въ костюмѣ, столь смѣшномъ и столь новомъ, что они казались выходцами изъ другого вѣка или пришлецами изъ другого міра. Горе, страхъ или скорбь были написаны на лицахъ старыхъ придворныхъ, которыхъ находили блѣдными и похудѣвшими и которые послѣдовательно удалялись, чтобы расчистить мѣсто для новыхъ пришельцевъ. Безчисленное множество каретъ окружали дворецъ и загромождали улицы, къ нему прилегающія. Всѣ тѣ, у кого были здѣсь какіе-нибудь знакомые, проводили у нихъ день въ ожиданіи того, что случится. Выходъ изъ города впрочемъ былъ запрещенъ и не позволяли пропускать ни одного курьера.

Вообще считали, что Екатерина скончалась уже наканунѣ, но что политическія основанія еще заставляютъ скрывать ея смерть. Вѣрно однако то, что она все время была, какъ бы въ летаргіи. Лѣкарства, какія ей прописывали, произвели естественное дѣйствіе: она даже еще двигала ногой и сжимала руку горничной. Но, къ счастію для Павла, она навсегда потеряла даръ слова. Къ десяти часамъ вечера она, повидимому, вдругъ собралась съ силами и начала ужасно хрипѣть. Императорская фамилія сбѣжалась къ ней. Но необходимо было удалить принцессъ отъ этого ужаснаго и новаго зрѣлища. Наконецъ Екатерина испустила жалобный крикъ, который былъ слышенъ въ сосѣднихъ комнатахъ, и отдала послѣдній вздохъ послѣ тридцатисемичасовой агоніи. Въ теченіе этого времени она не подавала никакого признака страданія, кромѣ одного момента передъ самой кончиной, и ея смерть оказалась столь же счастливой, сколь счастливымъ было ея царствованіе.

Хотя думають иногда судить о любви, заслуженной монархами, по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя производитъ ихъ смерть, но это почти не относится къ Россіи, гдѣ нельзя сдѣлать такого наблюденія, если только не пожелаютъ принять дворъ за цѣлую имперію. Человѣкъ, всего больше потерявшій со смертью императрицы, тотъ, кого она низвергла съ вершины величія и власти въ толпу, откуда вынесъ его фаворъ, былъ въ то же время всѣхъ больше и опечаленъ: его скорбь имѣла даже трогательное выраженіе. Юныя великія княжны, нѣжно любившія свою бабку, съ которой они были болѣе близки, чѣмъ съ собственными своими родителями, также уплатили ей дань очень искреннихъ слезъ: онѣ смотрѣли на нее, какъ на свое провидѣніе и какъ на источникъ своего счастья и удовольствій. Дамы и придворные, которые пользовались щедротами и интимнымъ обществомъ Екатерины, гдѣ она была очаровательно любезна, равно оплакивали эту государыню. Даже фрейлины и придворная молодежь сожалѣли о счастливыхъ вечерахъ въ эрмитажѣ и о той свободѣ нравовъ и удовольствій, какую она умѣла внушать и которой они противопоставляли солдатскую муштру и странный этикетъ, шедшіе за нею вслѣдъ. Русскіе, остроумные и насмѣшливые, содрогались передъ необходимостью уважать съ этихъ поръ лицъ, которыхъ они презирали, и подчиниться порядку жизни, который былъ вѣчнымъ и неисчерпаемымъ предметомъ ихъ сарказмовъ и колкихъ словечекъ. Женщины, прислужницы Екатерины, чистосердечно оплакивали добрую и великодушную госпожу, ровное и мягкое расположеніе духа, благородный и гордый характеръ которой былъ выше всѣхъ тѣхъ мелкихъ обыденныхъ вспышекъ, какія отравляютъ домашнюю жизнь. Дѣйствительно, если можно было бы судить объ Екатеринѣ, какъ о матери семейства, объ ея дворцѣ, какъ объ ея домѣ, объ ея придворныхъ, какъ объ ея дѣтяхъ, она заслужила слезы и сожалѣнія.

Многія другія лица также имѣли блѣдный и отчаянный видъ, но эти-то не способны были плакать.

Они имѣли видъ скорѣе виновный, чѣмъ печальный, и ихъ скорбь не могла быть объяснена въ пользу Екатерины. Это была та толпа креатуръ фаворита, вѣроломныхъ министровъ, низкихъ придворныхъ и негодяевъ всѣхъ званій и положеній, благосостояніе и надежды которыхъ покоились на злоупотребленіяхъ ея царствованія и на легкомысліи ея характера. Въ это сборище воздыхателей нужно включить тѣхъ, которые принимали участіе въ переворотѣ 1762 г. и играли ненавистныя роли обольстителей или палачей: они, повидимому, пробудились отъ долгой грезы, которая на нѣкоторое время прервала ихъ мышленіе, чтобы предаться страхамъ и, можетъ быть, даже угрызеніямъ совѣсти.

Что касается до народа, этого предполагаемаго пробнаго камня заслугъ государей, а въ Россіи—только камня неотесаннаго и попираемаго ногами, какъ мостовыя улицъ, то ничто не равнялось съ его равнодушіемъ къ тому, что происходило во дворцѣ. Распространялся слухъ, что съѣстные припасы понизятся въ цѣнѣ и что власть господъ надъ рабами будетъ ограничена и стѣснена; но вскорѣ увидятъ, какъ этотъ популярный слухъ былъ обманутъ Павломъ. Знатнѣйшіе обитатели города были въ нѣмомъ ужасѣ. Страхъ и всеобщая ненависть,

которую внушалъ великій князь, казалось, разбудили въ этотъ моментъ любовь и сожалѣнія, подобающія Екатеринѣ.

Точно такъ же какая внезапная перемѣна произошла въ столицѣ, столь блестящей, и въ особенности при дворѣ, столь счастливомъ и учтивомъ: эта атмосфера свободы, довольства и вѣжливости, которыя здѣсь царствовали, уступили мѣсто невыносимому гнету. Крики командны, стукъ оружія и солдатъ, грохотъ толстыхъ сапоговъ и шпоръ раздавались уже въ аппартаментахъ, гдѣ только-что на всегда почила Екатерина. Трауръ, въ который облачились дамы, смѣхотворныя одежды, которыя надѣли мужчины, языкъ, который спѣшили себѣ усвоить, и перемѣны, которыя слѣдовали одна за другой, привели къ тому, что встрѣчались, не узнавая другъ друга, разспрашивали безъ отвѣта, и говорили безъ взаимнаго разумѣнія. День св. Екатерины, наступившій тѣмъ временемъ и праздновавшійся дотолѣ столь торжественно, заставилъ почувствовать съ большимъ ужасомъ разореніе и запустѣніе этого лишеннаго прелести дворца, который изъ театра стольких празднествъ и развлеченій превращался въ театръ стольких чудачествъ.

Въ шестьдесятъ семь лѣтъ Екатерина еще сохранила остатки красоты. Ея волосы были всегда убраны съ античной простотой и особеннымъ вкусомъ: никогда корона лучше не вѣнчала головы, чѣмъ ея голову. Она была средняго роста, но толстовата, и всякая другая женщина ея тѣлосложенія не могла бы держатся такъ пристойно и граціозно. Въ ея частной жизни веселье, довѣріе, которое она внушала, казалось, увѣковѣчили возлѣ нея юность, шутки и забавы. Ея собственная ласковость и простое обращеніе облегчали непринужденность для тѣхъ, кто имѣлъ къ ней доступъ и присутствовалъ при ея туалетѣ. Но какъ только она надѣвала свои перчатки, чтобы выйти и появиться въ сосѣднихъ аппартаментахъ, она принимала совершенно отличное обхожденіе и лицо. Изъ любезной и шутливой женщины она вдругъ превращалась въ величественную и сдержанную императрицу. Тотъ, кто тогда видѣлъ ее въ первый разъ, не нашелъ бы ее ниже того представленія, которое онъ о ней составилъ, и сказалъ бы: „Это точно она! Это впрямь Семирамида Сѣвера!“ Не менѣе, чѣмъ къ Фридриху Великому, можно примѣнить къ ней это выраженіе: Praesentia minuit famam. Я видѣлъ ее въ теченіе десяти лѣтъ одинъ или два раза въ недѣлю и всегда съ новымъ интересомъ. Вниманіе, которое я прилагалъ, чтобы ее разглядѣть, заставляло меня воздерживаться отъ преклоненія передъ ней на ряду съ толпой; похвала, которую я воздалъ ей, ее разглядывая, безъ сомнѣнія, была болѣе лестной. Она ходила медленно и мелкими шагами, лобъ у нея былъ высокъ и ясенъ, взглядъ спокоенъ и часто опущенъ. Она здоровалась легкимъ наклоненіемъ головы, не лишеннымъ граціи, но съ улыбкой по заказу, являвшейся и исчезавшей вмѣстѣ съ ея поклономъ. Если тотъ, кому она предоставляла поцѣловать свою руку, былъ иностранцемъ, она дѣлала это очень учтиво и обыкновенно говорила ему нѣсколько словъ объ его путешествіи и прибытіи. Но именно въ это время гармонія ея лица воочію искажалась и на мгновеніе забывали великую Екатерину, видя передъ собой только старую женщину, потому что, открывая ротъ, она не показывала уже зубовъ и голосъ ея былъ слабый и

лишенъ отчетливости въ произношеніи. Нижняя часть ея лица имѣла что-то жесткое и грубое, ея свѣтло-сѣрые глаза—что-то лживое, и извѣстная складка у основанія носа придавала ей видъ нѣсколько зловѣщій. Знаменитый Лампи*) написалъ ее недавно довольно похоже, хотя, чрезвычайно польстивъ. Однако Екатерина, замѣтивъ, что онъ, не совсѣмъ забылъ эту несчастную складку, которая характеризуетъ ея физіономію, была этимъ очень недовольна и сказала, что Лампи придалъ ей очень серьезный и очень злой видъ. Онъ долженъ былъ ретушировать и испортить портретъ, который теперь кажется портретомъ юной нимфы. Тронъ, скипетръ, корона и нѣкоторые другіе атрибуты заставляютъ однако признать его за портретъ императрицы Впрочемъ это полотно заслуживаетъ вниманія любителей, точно такъ же какъ и портретъ теперешней императрицы того же мастера**).

Что до характера Екатерины, то я думаю, что его нужно искать въ ея дѣйствіяхъ. Ея царствованіе было счастливо и блестяще для нея и для ея двора, но конецъ въ особенности былъ бѣдственъ для народа и имперіи. Всѣ пружины управленія были испорчены: всякій

---

*) Іоганъ-Баптисъ Лампи старшій (1751—1830), австріецъ по происхожденію. Потемкинъ вызвалъ его въ 1787 г., въ Яссы, гдѣ Лампи написалъ портреты Безбородко, княгини Голицыной, рожденной Энгельгардтъ, самого Потемкина и правителя его канцеляріи Попова. Черезъ послѣдняго Екатерина вызвала художника въ Петербургъ и за свой портретъ императрицы онъ получилъ 12000 р. единовременно, 7000 ежегоднаго содержанія и 400 дукатовъ въ возмѣщеніе расходовъ по пріѣзду въ русскую столицу и обратному отъѣзду въ Вѣну. Въ Россіи Лампи пробылъ шесть лѣтъ (1792—1798), написавъ портреты всѣхъ особъ русской царской фамиліи и многихъ сановниковъ и придворныхъ: кн. П. Зубова, гр. А. Мусина-Пушкина, А. Куракина, И. Лазарева, гр. П. Завадовскаго, Н. Юсупова, гр. Самойлова, П. Мелиссино, К. Бюлера и др. Онъ оказалъ значительное вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, въ особенности на Левицкаго и Боровиковскаго прим. переводч.

**) M-me Лебрёнъ, которая находилась въ Петербургѣ и которая не могла получить чести написать ее при жизни, насмотрѣлась на нее на мертвую и написала ее по памяти и воображенію. Этотъ портретъ, хотя я видѣлъ только его набросокъ, очень похожъ. Вотъ шутливый совѣтъ, который дали Mad-me Лебрёнъ, чтобы сдѣлать портретъ совершеннымъ: „возьмите вмѣсто полотна карту Россійской имперіи, фономъ—мракъ невѣжества, декораціей—раздѣлы Польши, колоритомъ—человѣческую кровь, эскизомъ—памятники ея царствованія, а тѣнью—шесть мѣсяцевъ царствованія ея сына и пр. Впрочемъ M-me Лебрёмъ не получила позволенія написать съ нея при жизни потому, что государыня не была довольна картиной, составленной изъ портретовъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловны Она находила здѣсь чудовищной руку и краски слишкомъ кричащими. M-me Лебрёнъ, говорила она, написала двухъ великихъ княженъ во образѣ маленькихъ савоярокъ. Прекрасныя княгини Голицына, урожденная Шувалова, и Долгорукова, урожденная Б. не были такого же мнѣнія и не по боялись довѣрить свою красоту кисти M-me Лебрёнъ. Эти портреты стяжали ей широкую извѣстность, къ неудовольствію Екатерины. Она написала потомъ портретъ великой княгины Елизаветы, почти столь же прекрасный, какъ и оригиналъ. Такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о портретахъ въ собственномъ и фигуральномъ смыслѣ этого слова, то нужно сказать, что среди критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу этихъ записокъ, авторъ былъ пораженъ замѣткой нѣкоторыхъ журналистовъ, упрекавшихъ его за то, что онъ не далъ портрета Екатерины, хотя болѣе, чѣмъ кто либо, могъ бы это сдѣлать. Конечно, вотъ новое доказательство, что журналисты не читаютъ сочиненій, о которыхъ говорятъ тономъ цензора. Точно такъ же и въ настоящее время большая часть составляютъ свои статьи, какъ архіепископъ де Бомонъ свои пастырскія посланія. Журналистъ теперь богатый и вліятельный собственникъ привиллегированной прессы, отвѣчающій: „это мой редакторъ, это мой сотрудникъ сдѣлали или сказали такую глупость“. И вотъ эти то журналы даютъ въ данное время Европѣ мѣрку нашего вкуса, нашей литературы и нашего общественнаго духа. Прим. автор.

генералъ, всякій губернаторъ, всякій начальникъ департамента сдѣлался въ своей области деспотомъ. Чины, правосудіе, безнаказанность продавались съ публичнаго торга. До двадцати олигарховъ, подъ покровительствомъ фаворита, раздѣлили Россію, грабили или позволяли грабить финансы и состязались въ грабительствѣ несчастныхъ. Можно было видѣть ихъ самыхъ ничтожныхъ слугъ, ихъ рабовъ даже, достигавшими въ короткое время значительныхъ должностей и богатствъ. Кто имѣлъ триста или четыреста рублей жалованья, не имѣя возможности увеличить его безъ взяточничества, строилъ вокругъ дворца дома въ пятьдесятъ тысячъ экю. Екатерина, далекая отъ того, чтобы разслѣдовать нечистый источникъ этихъ эфермерныхъ богатствъ, прославлялась при видѣ столицы, украшавшейся на ея глазахъ, и апплодировала безпорядочной роскоши бездѣльниковъ, которую она принимала за доказательство благоденствія своего царствованія. Никогда, даже во Франціи, грабежъ не былъ столь всеобщимъ и столь легкимъ. Всякій, черезъ руки котораго ни проходила бы сумма казенныхъ денегъ для выполненія какого-либо предпріятія, нагло удерживалъ половину и потомъ дѣлалъ представленія, чтобы получить больше подъ тѣмъ предлогомъ, что сумма была недостаточна. Ему отпускали то, что онъ требовалъ, или предпріятіе было заброшеннымъ. Воры большіе даже дѣлили грабежъ мелкихъ воришекъ и были въ немъ соучастниками. Министръ почти въ точности зналъ, что приносила его секретарю каждая изъ его подписей, и полковникъ не стѣснялся договариваться съ генераломъ относительно прибылей, наживаемыхъ имъ на солдатахъ *). Начиная съ главнаго фаворита и кончая послѣднимъ чиновникомъ, всѣ смотрѣли на государственное достояніе, какъ на завоеванную страну, и бросались на нее съ тѣмъ же безстыдствомъ, съ какимъ населеніе на быка, ему предоставленнаго. Орловъ **), Потемкинъ и Панинъ ***) одни только

---

*) Полковникъ былъ деспотомъ въ своемъ полку. Онъ вѣдалъ въ немъ всѣми ротами, всѣми частями и всей экономіей. Русская армія всегда проживала какъ бы на иждивеніи тѣхъ странъ, гдѣ она находилась, будь то подчиненныя, будь то дружественныя, будь то враждебныя, такъ какъ полковники прятали въ свой кошелекъ всѣ суммы, отпущенныя на ея содержаніе. Они пускали лошадей на луга, а солдатъ къ крестьянамъ, чтобы тамъ кормиться. Ихъ жалованья составляютъ 700 - 800 р., но ихъ прибыли отъ полка восходятъ до 15 и 20 тысячъ. Императрица отвѣтила однажды министру, который ходатайствовалъ за бѣднаго офицера: „Если онъ бѣденъ,—это его вина: онъ долгое время имѣлъ полкъ". Воровство было такимъ образомъ дозволено, а честность считалась глупостью. Примѣч. автора.

**) Князь Григорій Григорьевичъ, подробности о которомъ впереди. Въ дѣйствительности, самый дѣятельный изъ братьевъ Орловыхъ—графъ Алексѣй Григорьевичъ (1737—1808), генералъ-аншефъ. Въ 1762 г. онъ отвезъ Петра III въ Ропшу, гдѣ послѣдній кончилъ жизнь насильственной смертью. Въ 1770 г. онъ командовалъ русскимъ флотомъ, подъ Чесмою, разбилъ турецкій флотъ и быстро захватилъ острова Тенедосъ, Лемносъ, Паросъ, Митилену. Въ 1774 г. вышелъ въ отставку и, поселившись въ Москвѣ, занялся конскимъ спортомъ. Извѣстна порода орловскихъ рысаковъ, образованная изъ скрещенія арабской и фрисландской. Отличаясь атлетическимъ ростомъ и силою, А. Орловъ очень любилъ кулачные бои, самъ принималъ въ нихъ участіе и охотно посѣщалъ народныя гулянья. На совѣсти Орлова, кромѣ смерти Петра III, лежало обольщеніе несчастной княжны Таракановой, погибшей въ Петропавловской крѣпости. Примѣч. переводчика.

***) Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783), знаменитый русскій дипломатъ. Онъ былъ ученикомъ Бестужева и свою дипломатическую дѣятельность началъ посломъ въ Даніи съ 1747 г., будучи скоро переведенъ въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ научился уважать конституціонный строй. Въ 1760 г. Панинъ былъ назначенъ воспи-

занимали свои мѣста съ нѣкоторымъ достоинствомъ: первые обнаружили таланты и громадное честолюбіе, Панинъ имѣлъ больше просвѣщенности, патріотизма и добродѣтелей *), Въ общемъ ничто не было столь ничтожнымъ, какъ вельможи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Безъ знаній, безъ горизонта, безъ воспитанія, безъ честности, они не имѣли даже того тщеславнаго чувства чести, которое по отношенію къ настоящему является тѣмъ же, чѣмъ лицемѣріе по отношенію къ добродѣтели. Грубые, какъ паши, мздоимцы, какъ мытари, хищные, какъ лакеи, и продажные, какъ субретки комедіи, они, можно сказать, были государственной сволочью. Ихъ прихлебатели, ихъ креатуры, ихъ слуги, даже ихъ родственники обогащались не на счетъ ихъ великодушія, но на счетъ прижимокъ, которыя они совершали отъ ихъ имени, и на счетъ торговли ихъ вліятельнымъ положеніемъ; впрочемъ ихъ грабили самихъ, какъ они грабили корону. Услуги, которыя имъ оказывали, даже самыя низменныя, оплачивались государствомъ. Часто ихъ прислуга, ихъ шуты, ихъ музыканты, ихъ частные секретари и гувернеръ ихъ дѣтей получали свое жалованье изъ какой-нибудь государственной кассы, находившейся въ ихъ вѣдомствѣ. Нѣкоторые старались найти человѣка съ талантами и уважали человѣка съ достоинствами, но ни тотъ, ни другой не составляли возлѣ нихъ состоянія: они не давали имъ ничего еще меньше по скупости, чѣмъ по отсутствію благотворительности. Единственной дорогой, чтобы достичь ихъ милости, было сдѣлаться ихъ шутомъ, и единственнымъ средствомъ извлечь изъ нихъ пользу было превратиться въ мошенника.

Такимъ образомъ почти всѣ люди съ положеніемъ и съ вѣсомъ были въ это царствованіе выскочками. Новые князья и графы рождались, какъ рои, въ дни именинъ Екатерины и въ ту самую эпоху, когда во Франціи стремились къ ихъ уничтоженію. Если исключить

тателемъ Павла Петровича, отнесшись, по словамъ Порошина, къ своимъ обязанностямъ очень серьезно и сблизившись съ Екатериной. Въ переворотѣ 1762 г. Панинъ принималъ живое участіе, но въ пользу Павла Петровича. Послѣ переворота Панинъ сдѣлалъ попытку ограничить самодержавную власть, представивъ императрицѣ проектъ учрежденія императорскаго совѣта изъ 6—8 членовъ министровъ и реформы сената, но тщетно. Въ первый періодъ царствованія Екатерины тѣмъ не менѣе именно Панинъ руководилъ всей внѣшней политикой Россіи, всѣ важнѣйшіе вопросы которой за время отъ 1762—1783 гг. тѣсно связаны съ его именемъ. Положеніе его было трудное между интригами и завистью боровшихся партій и холодностью къ нему Екатерины, отношенія съ которой стали со временемъ натянутыми. При всей разносторонней дѣятельности, которую ему пришлось проявлять, Панинъ былъ очень лѣнивъ и медлителенъ. Екатерина говорила, что онъ когда-нибудь умретъ отъ того, что поторопится. Примѣч. переводч.

*) Въ частности онъ совершилъ актъ великодушія, который не нашелъ подражателей. Послѣ завершенія воспитанія великаго князя, воспитателемъ котораго онъ былъ, императрица въ числѣ другихъ наградъ подарила ему 7000 крестьянъ и ничего не дала адъютантамъ, секретарямъ и другимъ чиновникамъ, которые были сотрудниками Панина. Этотъ послѣдній тотчасъ же распредѣлилъ между ними 7000 крестьянъ, которые онъ получилъ, и я видѣлъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые еще богаты вслѣдствіе этого благодѣянія. Этотъ прекрасный поступокъ не заставляетъ однако забывать, что три главныхъ операціи за время его министерства были бѣдственны: мѣна Голштиніи на семь кораблей, какихъ Данія никогда не могла отдать; первый раздѣлъ Польши, который породилъ охоту къ остальнымъ, и воспитаніе Павла, характеръ котораго дѣлаетъ сейчасъ его бичомъ своей родины—таковы печальные памятники, оставленные Панинымъ. Примѣч. автора.

Салтыковыхъ, не увидишь въ милости ни одной знатной фамиліи. Повсемѣстно, впрочемъ, кромѣ Россіи, это не было бы зломъ. Но это было истиннымъ бѣдствіемъ для этой имперіи, гдѣ богатая аристократія является единственнымъ классомъ, который имѣетъ образованіе и иногда чувство чести и благородныя стремленія. Впрочемъ всѣ эти новые люди были такими алчными піявками, что нужно было ихъ наполнить болѣе чистой кровью государства и потомъ народонаселенія. Мѣнять часто государей не накладно для государства, которое остается ихъ наслѣдникомъ; но мѣнять ежеминутно фаворитовъ и министровъ, которые обогащаются и расхищаютъ ихъ сокровища,— этого довольно, чтобы истощить всякую иную страну, кромѣ Россіи. Сколько милліоновъ стоило одно лишь то, чтобы послѣдовательно засыпать имѣніями по горло двѣнадцать главныхъ фаворитовъ? Сколько нужно было для того, чтобы сдѣлать богатыми и знатными вельможами Безбородко'въ, Завадовскихъ *), Морковыхъ и столькихъ другихъ, черезчуръ многочисленныхъ, чтобы ихъ можно было поименовать? Орловы, Потемкины, Зубовы, не накопили ли одни они богатствъ побольше, нежели короли? Торговцы ихъ подписями и устроители ихъ мелкихъ развлеченій, не стали ли даже они богаче, чѣмъ самые счастливые коммерсанты Европы **).

Насколько правители Екатерины были милы и умѣренны вокругъ нея, настолько же вдали отъ нея они были ужасны и произвольны. Человѣкъ, который прямо или косвенно имѣлъ протекцію фаворита, изощрялся на мѣстѣ своего пребыванія въ общественной тираніи: онъ не боялся старшихъ, давилъ подчиненныхъ и безнаказанно нарушалъ правосудіе, дисциплину и указы.

Эту распущенность и дезорганизацію ея внутренняго управленія нужно приписать сначала политикѣ Екатерины, а потомъ ея слабости. Но главная причина этого коренится въ развращенныхъ нравахъ и характерѣ націи, а въ особенности двора. Какъ, будучи женщиной, могла бы она выполнить то, чего не могли совершить дѣятельная дубинка и убійственный топоръ Петра I? Узурпаторша на тронѣ, который она хотѣла сохранить, она была обязана ласкать своихъ сообщниковъ: цѣною преступленія они купили себѣ безнаказанность. Чужеземка въ имперіи, надъ которою она воцарилась, она хотѣла слиться съ націей, усвоивая, даже льстя ея вкусамъ и предразсудкамъ. Екатерина умѣла по временамъ награждать, но не умѣла карать и только,

---

*) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1739—1802)—государственный дѣятель. Выдвинулъ его Румянцевъ, съ которымъ Завадовскій познакомился въ Малороссіи и подъ начальствомъ котораго участвовалъ въ первой турецкой войнѣ. Ему между прочимъ принадлежитъ редакція Кучукъ-Карнаджійскаго мирнаго договора. Онъ же составилъ манифестъ объ изданіи учрежденія о губерніяхъ. Послѣ охлажденія къ нему Екатерины въ 1777 г. на Завадовскаго часто возлагали всевозможныя порученія и рядъ обязанностей, хотя онъ и игралъ второстепенную роль. При Александрѣ онъ былъ первымъ министромъ народнаго просвѣщенія, а потомъ съ 1810 г. предсѣдателемъ департамерта законовъ во вновь образованномъ государственномъ совѣтѣ. Примѣч. переводчика.

**) Мнѣ подъ руку попалась книга, озаглавленная жизнь Екатерины II, гдѣ авторъ сдѣлалъ подсчетъ суммъ, высосанныхъ фаворитами. Но какъ этотъ подсчетъ ошибоченъ и ниже истины! Да и какимъ образомъ исчислить громадныя суммы, обогатившія Орловыхъ, Потемкиныхъ и Зубовыхъ, когда эти фавориты черпали изъ государственныхъ кассъ, словно изъ своего кошелька? Примѣч. автора.

позволяя употреблять во зло свою власть, добилась того, что ее сохранила.

У нея было двѣ страсти, которыя умерли вмѣстѣ съ нею: любовь къ мужчинѣ, выродившаяся въ распутство, и любовь къ славѣ, выродившаяся въ тщеславіе. Первая изъ этихъ страстей никогда не господствовала надъ нею до такой степени, чтобы сдѣлать изъ нея Мессалину, но она часто позорила ея величіе и ея полъ. Она осталась по привычкѣ тѣмъ, чѣмъ была по темпераменту. Вторая заставила ее предпринимать похвальныя дѣла, рѣдко, однако, завершавшіяся, и несправедливыя войны, оставившія ей по крайней мѣрѣ тотъ родъ славы, въ которомъ нельзя отказать великимъ предпріятіямъ и счастливымъ успѣхамъ.

Великодушіе Екатерины, блескъ ея царствованія, великолѣпіе ея двора, ея учрежденія, ея памятники, ея войны—для Россіи являются тѣмъ же, чѣмъ вѣкъ Людовика XIV *) былъ для Европы. Но лично Екатерина была болѣе великой, нежели этотъ король. Французы создали славу Людовика, Екатерина создала славу русскихъ. Она не имѣла, подобно ему, преимущества царствовать надъ передовымъ народомъ и родиться окруженною великими людьми. У нея было нѣсколько хитрыхъ дипломатовъ и нѣсколько счастливыхъ генераловъ, но, если исключить Румянцева **), Потемкина и Панина, ни одного геніальнаго человѣка: умъ и пронырливая ловкость нѣкоторыхъ министровъ, отвага и свирѣпость Суворова ***), талантъ и гиб-

*) Людовикъ XIV Великій (1638—1715), могущественнѣйшій изъ королей Франціи и наиболѣе самодержавный. Приписываемая ему фраза: „государство—это я“ извѣстна всѣмъ и каждому. Вѣкъ этого „короля-солнца“ считается самымъ блестящимъ въ исторіи коро евской Франціи. Онъ умѣлъ окружать себя блестящими и даже геніальными сотрудниками, каковы: Кольберъ, Вобанъ, Летелье, Ліоннъ, Лувуа, Конде, Тюреннъ. Онъ расширилъ предѣлы королевства побѣдоносными войнами на счетъ Испаніи и Германіи, но въ послѣдніе годы его царствованія война за испанское наслѣдство нанесла неизгладимыя раны его могуществу. Многое при немъ было сдѣлано для укрѣпленія государственнаго единства, благосостоянія трудящихся классовъ, поощренія торговли и промышленности. Дворъ его въ Версали блескомъ и роскошью затмевалъ все дотолѣ извѣстное въ этой области и служилъ недосягаемымъ образцомъ для всѣхъ государей Европы. Литература и искусство расцвѣли при немъ необычайно пышно, создавъ эпоху классицизма и выдвинувъ такія блестящія имена, какъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, Паскаль, Ларошфуко, M-me Севинье, Буало, Лафонтенъ, Лабрюйеръ, Фенелонъ и пр. и пр. (Прим. переводч.)

**) Графъ Румянцевъ Задунайскій, Петръ Александровичъ (1725—1796), генералъ-фельдмаршалъ, герой первой турецкой войны, разбившій турокъ при Ларгѣ, Кагулѣ, взявшій Измаилъ, Килію, Аккерманъ, Браиловъ, Исакчу, Бендеры, отрѣзавшій турецкой арміи сообщеніе съ Андріанополемъ и вынудившій Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Былъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи и постепенно подготовилъ въ ней введеніе общерусскихъ порядковъ. (Примѣч. переводч.).

***) Суворовъ Александръ Васильевичъ (1730—1800), князь Италійскій, графъ Рымникскій и Священной Римской имперіи, генералиссимусъ русской арміи и фельдмаршалъ австрійской, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ и самый великій изъ русскихъ. Отзывъ о немъ Масона внушенъ раздраженіемъ и, можетъ быть, вліяніемъ русскихъ придворныхъ недоброжелателей геніальнаго генерала. На своемъ вѣку онъ сражался съ турками, поляками, французами и всѣхъ побѣждалъ. Изъ всѣхъ данныхъ имъ битвъ, насчитываемыхъ сотнями, онъ не проигралъ ни одной. Своимъ завистникамъ, объяснявшимъ его успѣхи исключительной удачей и баловствомъ судьбы, онъ замѣтилъ какъ-то: „Помилуй Богъ! все счастье, да счастье, нужно же когда-нибудь и умѣнье!“. Дѣйствительно, онъ былъ создателемъ своеобразныхъ пріемовъ въ военной стратегіи и тактикѣ, подготовивъ цѣлый рядъ талантливыхъ учениковъ, будущихъ дѣятелей Отечественной войны. Въ жизни

кость Репнина *), случай Зубова, способность Безбородко и усердіе Николая Салтыкова не заслуживаютъ исключенія. Это не потому, чтобы Россія не была богата достойными людьми. Но Екатерина ихъ боялась и они всегда оставались вдали отъ нея. Отсюда вытекаетъ, что все, что она сдѣлала, принадлежитъ ей, особенно добро. Пусть картина злоупотребленій и язвъ ея царствованія не бросаетъ однако слишкомъ ненавистной тѣни на личный характеръ этой государыни. Она казалась глубоко человѣчной и великодушной. Всѣ тѣ, кто къ ней приближались, испытали это; всѣ тѣ, кто узнали ее близко, были восхищены чарами ея ума; всѣ тѣ, кто ее окружали, были счастливы. Ея нравы были изысканны и распущенны, но они всегда сохраняли нѣкоторое внѣшнее приличіе **); сами ея фавориты всегда ее уважали. Ея любовь никогда не внушала отвращенія, ея фамильярность никогда — презрѣнія. Ее обманывали, ее обольщали, но она никогда не была подъ игомъ господства. Ея дѣятельность, правильность образа ея жизни, ея умѣренность, ея мужество, ея постоянство, даже ея трезвость — таковы моральныя качества, которыя было бы слишкомъ несправедливо приписать лицемѣрію. О, какъ бы она была велика, если бы имѣла столь же справедливое сердце, какъ умъ! Она царствовала надъ русскими менѣе деспотически, нежели надъ самой собой: никогда не видали ее ни взорвавшейся отъ гнѣва, ни погрузившейся въ бездонную печаль, ни предавшейся непомѣрной радости. Капризы, раздраженіе, мелочность совсѣмъ не имѣли мѣста въ ея характерѣ и еще менѣе въ ея дѣйствіяхъ. Я не рѣшу, была ли она, дѣйствительно, великой, но она была любимой ***).

онъ отличался необычайными чудачествами и странностями, но въ то же время никогда не преступалъ правилъ нравственности и привлекалъ къ себѣ сердца безкорыстіемъ, щедростью, религіозностью, добродушіемъ и простотой обращенія. Солдаты вѣрили ему безгранично и были готовы идти за нимъ въ огонь и воду. Въ семьѣ онъ былъ неудачникомъ и окончательно разошелся, послѣ разныхъ недоразумѣній, съ женой своей, урожденной княжной Прозоровской. (Примѣч. переводч.).

*) Князь Николай Васильевичъ (1734—1801), генералъ-фельдмаршалъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія при Елизаветѣ и Екатеринѣ, начиная съ семилѣтней. Вторая турецкая война закончена была именно имъ, во время его верховнаго командованія. За усмиреніе Литвы онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ виленскимъ и гродненскимъ, состоя въ то же время генералъ-губернаторомъ эстляндскимъ и курляндскимъ. Репнинъ былъ крайне высокомѣренъ и горячъ, но щедръ и честенъ. (Примѣч. переводчика).

**) Все, что распространилось по Европѣ объ ея оргіяхъ, о шампанскомъ и о водкѣ, которыми она напивалась, о гренадерахъ, которыхъ она къ себѣ приводила, и сотни другихъ разсказовъ,—чистая клевета.

***) Сочинено нѣсколько четверостишій столько же для того, чтобы служить эпитафіей Екатерины, сколько для того, чтобы находиться подъ ея портретомъ. Но нѣтъ ни одного столь поразительно сильнаго и столь хорошо характеризующаго ее, какъ слѣдующія. Они принадлежатъ двумъ русскимъ юношамъ и раскрываютъ еще болѣе достойныя любви качества ихъ ума черезъ такія же качества ихъ великаго характера и благороднаго сердца:

Умъ ея погрёбъ забвеньемъ
Власть, что золъ была содѣтель,
Сберегла ей добродѣтель
Тронъ, добытый преступленьемъ.

Другое очень льстиво, но имѣетъ не менѣе достоинствъ:

Царилъ ли миръ кругомъ или кипѣла брань,
Всѣ недруги ея внимали ей въ законѣ—
Міръ генію ея несъ восхищенья дань;
Она была мудрецъ въ письмѣ и царь на тронѣ. (Примѣч. автора.)

Такъ какъ съ самой юности она была напитана развращающими максимами, заражающими дворы, а на тронѣ окружена облакомъ ладана, черезъ которое ей невозможно было хорошо видѣть, то было бы слишкомъ строго внезапно направить на нее свѣточъ разума и судить ее по его суровымъ принципамъ Будемъ судить ее, какъ судили бы двадцать лѣтъ тому назадъ *), и будемъ думать, что Россія по отношенію къ народу еще обрѣтается въ вѣкѣ Карла Великаго. Друзья свободы должны воздать Екатеринѣ по меньшей мѣрѣ ту же самую справедливость, какую благоразумные богословы воздають тѣмъ великимъ и мудрымъ людямъ, которые не имѣли свѣта откровенія. Преступленія Екатерины были преступленіями противъ ея государства, но не противъ ея сердца. Та, геній которой, казалось, присутствовалъ на бойняхъ подъ Измаиломъ и подъ Прагой, при своемъ дворѣ являлась воплощенной человѣчностью. Ей недоставало, быть можетъ, только одного—быть несчастливой, для того, чтобы имѣть болѣе незапятнанныя добродѣтели. Но постоянный успѣхъ ея арміи испортилъ ее. Тщеславіе, этотъ камень преткновенія для женщинъ, было подводнымъ камнемъ и для Екатерины, и ея царствованіе будетъ всегда носить на себѣ характеръ ея пола.

Но съ какой бы точки зрѣнія ни пожелали ее разсматривать, она всегда будетъ стоять въ первомъ ряду промежду тѣхъ, которые завоевали восхищеніе своимъ геніемъ, своимъ могуществомъ и въ особенности своими успѣхами. Ея полъ, давая новый блескъ великимъ качествамъ, проявленнымъ ею на тронѣ, поставитъ ее въ исторіи даже выше всякаго сравненія. И всегда будутъ вынуждены прибѣгать къ легендарнымъ вѣкамъ Изиды и Семирамиды, чтобы найти женщину, которая выполнила или скорѣе предприняла столь же великія дѣла. Десять послѣднихъ лѣтъ ея царствованія возвели на вершину ея могущество, ея славу и, можетъ быть, ея политическія преступленія. Фридрихъ, этотъ великій человѣкъ, диктаторъ европейскихъ государей, только что умеревъ, оставилъ тамъ дюжину коронованныхъ головъ. Если исключить Іосифа и Густава, всѣ эти головы вмѣстѣ не стоили одной ея, потому что она превосходила другихъ королей столько же объемомъ своей головы, сколько пространствомъ своего государства. И если Фридрихъ былъ диктаторомъ этихъ королей, она сдѣлалась ихъ деспотомъ. Это было то время, когда конецъ той политической нити, которая привела въ движеніе бѣдную Европу, какъ картоннаго плясуна, и которая выскользнула изъ Франціи, чтобы перепархивать отъ Берлина къ Вѣнѣ и къ Лондону, прочно находился въ рукахъ женщины, дергавшей имъ по своему усмотрѣнію. Эта громадная и романтическая имперія, которая ей была подчинена, неисчерпаемыя средства, какія она извлекала изъ свѣжихъ еще земли и народа, чрезвычайная роскошь ея двора, варварская пышность ея вельможъ, богатства и королевское величіе ея фаворитовъ, славные подвиги ея арміи и гигантскіе замыслы ея честолюбія внушили родъ изумленія остолбенѣвшей Европѣ. Государи, которые воспротивились бы оказать одинъ другому какое-нибудь отличіе, не нашли для себя

*) Иными словами, въ предреволюціонную эпоху, чуждую широкаго распространенія освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей. (Примѣч. переводч.).

унизительнымъ сдѣлать судьею своихъ интересовъ и распорядительницей своихъ дѣйствій даму.

Но французская революція, эта революція, столь прискорбная для королей, въ особенности была таковой для Екатерины. Потоки свѣта, внезапно вырвавшіеся изъ лона Франціи, какъ изъ огнедышащаго кратера, кинули на Россію яркій лучъ, какъ бы лучъ молніи. Увидали только несправедливость, преступленіе и кровь тамъ, гдѣ прежде видѣли лишь величіе, славу и добродѣтель. Екатерина затрепетала отъ ужаса и негодованія. Эти французы, эти трубачи славы, эти льстивые и блестящіе историки, которые должны были когда-нибудь передать о чудесахъ ея царствованія потомству, внезапно сдѣлались для нея неумолимыми судьями, которые ее испугали. Она увидала тогда, что призрачныя видѣнія ея воображенія исчезаютъ: эта Греческая имперія, которую она хотѣла возсоздать, эти законы, которые она хотѣла утвердить, эта философія, которую она хотѣла внѣдрить, эти искусства, которымъ она покровительствовала, стали ей ненавистны. Екатерина, какъ много другихъ коронованныхъ философовъ, повидимому, любила знанія лишь постольку, поскольку онѣ казались ей способными распространять ея славу. Она желала держать ихъ въ своей рукѣ, какъ потайной фонарь, пользоваться ихъ свѣтомъ, чтобы распредѣлять его по своему усмотрѣнію, и видѣть, не будучи видимой.

Но вдругъ пораженная ихъ вспышкой, она пожелала ихъ загасить. Другъ Вольтера*), почитательница Бюффон'а**), ученица Дидро***) старалась съ тѣхъ поръ погрузиться въ варварство. Но она тщетно желала укрыться отъ свѣта: она почила на лаврахъ и проснулась на трупахъ. Слава, которую она думала заключить въ обътія, превратилась въ ея рукахъ въ фурію, и законодательница Сѣвера, забывъ

---

*) Во время революціи она велѣла вытащить бюстъ Вольтера изъ своей галлереи и забросила его въ уголъ. Она просила бюстъ у Фокса (Чарльзъ Джемсъ 1749—1806), знаменитый англійскій политическій дѣятель) въ эпоху, когда этотъ краснорѣчивый человѣкъ, во главѣ оппозиціи, помѣшалъ своему правительству объявить войну Россіи. Когда тотъ же самый Фоксъ одинаково воспротивился войнѣ противъ Франціи, она велѣла вынести и забросить этотъ бюстъ, столь почитаемый ею загодъ передъ тѣмъ. (Примѣч. автора).

Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ (1694—1778), вождь французскихъ философовъ эпохи просвѣщенія, фернейскій патріархъ, царь умовъ своего времени. Вольтеръ отличался необычайнымъ остроуміемъ, блестящимъ даромъ слова и необычайной плодовитостью. Писалъ онъ во всѣхъ родахъ литературы и его авторское наслѣдство изъ статей историческихъ, философскихъ, публицистическихъ, сочиненій беллетристическихъ въ стихахъ и прозѣ еле-еле умѣщается въ 50 томахъ очень большого формата и объема. Въ свое время особенно славились трагедіи Вольтера (Альзира, Магометъ и др.). повѣсти (Кандидъ, Простодушный и др.), поэма Pucelle и философскій словарь. (Примѣч. переводч.).

**) Бюффонъ Жоржъ-Луи-Леклеръ, графъ, знаменитый французскій ученый (1707—1788). Важная заслуга Бюффона состоитъ въ томъ, что онъ положилъ конецъ смѣшенію позитивной теологіи съ естествоведеніемъ. Главное сочиненіе Бюффона „Естественная исторія животныхъ“ писалось десятки лѣтъ и вышло въ 24 томахъ. Но какъ эта, такъ и другія работы Бюффона теперь не имѣютъ строго-научнаго значенія, будучи интересной со стороны стиля. (Примѣч. переводч.).

***) Денисъ Дидро (1713—1784) знаменитый французскій мыслитель и энциклопедистъ, редакторъ знаменитой энциклопедіи. Его дарованія были, несомнѣнно, блестящи и разнообразны. Это былъ апостолъ знанія, вдохновенно его любившій и вѣрившій, что только оно принесетъ свѣтъ и благо всему человѣчеству. (Прим. перевод.).

свои собственныя изреченія и свою философію, стала только старой Сивиллой *). Ея ничтожные фавориты, повсемѣстно указывая ей только Брутовъ **), якобинцевъ ***) и отравителей, добились того, что окружили ее ужасомъ и подозрѣніями. Ихъ бредъ зашелъ такъ далеко, что въ манифестахъ они давали названія мятежника и бунтовщика королю, который увеличивалъ свои королевскія прерогативы, и знати, которая украшала его правленіе: поляки были объявлены якобинцами, потому, что не имѣли несчастья быть русскими ****).

Что бы отвѣтила она, если бы въ спокойную минуту ей доказали, что сама она сильно подвинула впередъ и укрѣпила эту французскую революцію, столь ненавистную въ ея глазахъ? Это однако же фактъ. Если бы тщеславіе не увлекло ее наброситься такъ на несчастную Польшу и разжигать потомъ заговоры въ Пруссіи и Польшѣ, она не возмутила бы противъ себя Европы и королей. Она не побудила бы короля прусскаго внезапно заключить свой миръ, чтобы держаться на сторожѣ по отношенію къ ней. Она не раздражила бы Испанія, употребляя противъ короля и католической знати то же самое оружіе и тѣ же самыя обиды, какія употребляли противъ французовъ. Въ этомъ отношеніи Франція повинна передъ ней статуей: она сдѣлала политику ея враговъ ненавистной и нелѣпой даже для самихъ монарховъ; она оказала республикѣ ту же услугу, что демагоги своими эксцессами, а Питтъ *****) своими интригами.

Екатерина въ истинномъ смыслѣ совсѣмъ не покровительствовала литературѣ въ своемъ государствѣ. Вдохновило ее счастливое царствованіе Елизаветы, которое и было прославлено многими произве-

*) Сивиллами въ древней Греціи назывались странствующія прорицательницы, предлагавшія всякому желающему угадывать будущее и предсказывать судьбу. Изреченія сивиллъ были собраны въ такъ называемыя Сивиллины книги въ Римѣ, въ эпоху признанія здѣсь греческихъ культовъ. Легенда связываетъ эти книги съ именемъ Тарквинія Гордаго. (Примѣч. переводч.).

**) Маркъ Юній Брутъ, извѣстнѣйшій изъ убійцъ Юлія Цезаря, родился около 79 г. до Р. Х. и умеръ въ 42 г., бросившись на мечъ послѣ пораженія его войска войсками Антонія и Октавіана при Филиппахъ въ Македоніи. Примѣч. переводч.

***) Якобинцами назывались члены политическаго клуба, собиравшагося въ домѣ при капеллѣ св. Іакова, и радикальная политическая партія въ эпоху революціи. (Примѣч. переводч.).

****) Даже американцы сдѣлались въ эту эпоху ненавистны для Екатерины. Она осуждала переворотъ, которымъ когда то притворно восхищалась, титуловала Вашингтона (Джоржъ 1732—1799, знаменитый борецъ за независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, побѣдитель Англіи и первый президентъ С. Америки) бунтовщикомъ и публично говорила, что честный человѣкъ не можетъ носить орденъ Цинцината. Ланжеронъ и нѣкоторые другіе эмигранты, имѣвшіе этотъ орденъ, поспѣшили отъ него отказаться и не носили его болѣе. (Примѣч. автора).

*****) Вильямъ Питтъ Младшій (1750—1806) англійскій государственный дѣятель. Министерство его было первымъ, отказавшимся отъ системы подкуповъ, онъ провелъ билль, отдававшій управленіе Индіей подъ контроль правительства, провелъ и поддержалъ актъ, создавшій полную свободу печати въ Англіи, наладилъ финансы, уничтоживъ громадные долги и дефициты, вызванные войной съ Америкой. Французская революція встрѣтила въ немъ сначала сочувствіе, но захватъ Франціей Бельгіи заставилъ его объявить ей войну. Война эта, сперва вялая, съ образованіемъ противъ Франціи второй коалиціи, во главѣ которой всталъ Питтъ, велась съ упорствомъ и примѣненіемъ всевозможныхъ средствъ и вызвала въ самой Англіи рядъ реакціонныхъ мѣръ. По личному темпераменту Питтъ былъ человѣкъ холодный, сдержанный, неспособный на дружбу, чрезвычайно самоувѣренный и надменный. (Примѣч. переводч.).

деніями, способными доказать Европѣ, что русскіе могутъ претендовать на славу всѣхъ родовъ *). Екатерина покупала изъ тщеславія библіотеки и собранія картинъ, она содержала на пенсіи льстецовъ и льстила знаменитымъ людямъ, которые могли служить ей трубнымъ гласомъ, она охотно послала медаль или табакерку нѣмецкому писателю, который посвятилъ ей какое то льстивое сочиненіе. Но нужно было прійти издалека, чтобы ей понравиться, и имѣть уже громкое имя, чтобы заслужить ея признаніе и въ особенности награду: если бы геній родился у нея подъ бокомъ, она его бы не замѣтила **) и еще менѣе ободрила. Между тѣмъ ревнивая ко всякому виду славы и въ особенности къ тому, который Фридрихъ одинъ только создалъ себѣ своими писаніями, она пожелала также его получить. Она написала свой знаменитый „Наказъ“, многіе нравоучительные и аллегорическіе разсказы для воспитанія своихъ внуковъ и большое количество драматическихъ пьесъ и пословицъ, которыя заставляла разыгрывать и встрѣчать восхищеніемъ въ Эрмитажѣ. Ея грандіозное и безплодное предпріятіе собрать нѣкоторыя слова трехсотъ различныхъ языковъ въ словарь не было выполнено.

Изъ всего того, что она написала, самое лучшее, конечно, представляютъ ея письма къ Вольтеру. Они даже много интереснѣе писемъ стараго придворнаго философа, который „продавалъ ей часы и вязалъ ей чулки“, перевертывая ей на сто способовъ тѣ же идеи и тѣ же комплименты и повторяя сто разъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы вмѣсто того, чтобы посовѣтовать ей сдѣлать русскихъ свободными. Если сводъ Екатерины доказываетъ великіе и мудрые замыслы, достойные государыни, то письма ея вѣщаютъ объ умѣ, о граціи и о талантахъ женщины самыхъ великихъ достоинствъ и заставляютъ сожалѣть, что она была самодержицей и безграничною владычицей.

Вся Европа огласилась рукоплесканіями, когда она напечатала свой „Наказъ“ комиссіи для составленія Уложенія ***), и дала ей напередъ имя законодательницы Сѣвера. Екатерина созвала депутатовъ отъ разныхъ національностей своей обширной имперіи, но только для того, чтобы заставить ихъ выслушать чтеніе и получить отъ нихъ комплименты, потому что тотчасъ же послѣ того, какъ они воздали ей эту хвалу, ихъ отправили каждаго по своимъ домамъ—однихъ въ

---

*) Быть можетъ, когда-нибудь авторъ этихъ мемуаровъ будетъ имѣть необходимые матеріалы и спокойствіе, чтобы познакомить французовъ съ русской литературой. Они будутъ изумлены, видя, насколько она приближается къ ихъ собственной по тонкости, чувству, жизнерадостности и вкусу. Русскій театръ въ особенности скопированъ по образцу французскаго. Правительство, языкъ и нравы одни только наложили нѣкоторую разницу въ характерѣ обѣихъ націй. (Примѣч. автора).

**) Многіе архитекторы, живописцы, скульпторы, механики и другіе артисты, исполненные талантовъ, жили и умирали въ неизвѣстности и нищетѣ только потому, что были русскими. Самое большее ихъ имена находятъ въ какихъ-нибудь топографическихъ описаніяхъ или у нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ, воздавшихъ имъ больше справедливости, нежели ихъ отечество. (Прим. автора).

***) Извѣстно, что ея „Наказъ“ былъ включенъ въ индексъ и запрещенъ во Франціи. Екатерина и Вольтеръ вмѣстѣ посмѣялись надъ этимъ. Ну, вотъ! Кто бы могъ подумать, что, двадцать лѣтъ спустя, всѣ французскія книги будутъ преслѣдоваться въ Россіи и что полицеймейстеръ той же самой Екатерины конфискуетъ въ Петербургѣ, у книгопродавца Гея, „Голосъ къ народу“ Тиссо, говоря, что народъ не нуждается въ совѣтѣ и что книга опасна. (Примѣч. автора).

немилости вслѣдствіе ихъ стойкости, другихъ украшенными медалями за ихъ угодливость. Рукопись Екатерины была заключена въ драгоцѣнный ларецъ, чтобы показывать ее любопытнымъ иностранцамъ. Оставили что-то въ родѣ комиссіи для занятій редактированіемъ законовъ. И когда фавориты или министры имѣли какихъ-либо протеже, съ которыми не знали, что дѣлать, или шута, котораго хотѣли содержать, не расходуя на него ничего, они приказывали назначать его въ члены этой комиссіи, чтобы выдавать ему за это жалованье *). И все-таки Европа повторяла, что въ Россіи есть законы, потому что Екатерина составила введеніе къ своду и подчинила сотню различныхъ народностей одному и тому же режиму рабства **).

Между пьесами ея сочиненія, которыя она заставляла играть въ городскихъ театрахъ ***), есть одна новаго жанра: это ни трагедія, ни комедія, ни драма, ни опера, но собраніе сценъ всѣхъ родовъ, озаглавленное: „Олегъ, историческое представленіе". Она была разыграна на празднествахъ въ честь послѣдняго мира съ турками съ необычайной пышностью и великолѣпными декораціями: болѣе семи тысячъ лицъ появляются на сценѣ. Сюжетъ всецѣло взятъ изъ русской исторіи и воспроизводитъ цѣлую эпоху. Въ первомъ актѣ Олегъ полагаетъ основаніе Москвѣ. Во второмъ онъ въ Кіевѣ, гдѣ женитъ и утверждаетъ на тронѣ своего питомца Игоря. Древніе обряды, употреблявшіеся при царскихъ свадьбахъ, представляютъ очень занимательныя сцены и прекрасныя картины, сотканныя изъ игръ и національныхъ танцевъ, которые и выполняютъ на подмосткахъ. Олегъ отправляется потомъ въ походъ противъ грековъ: видно, какъ онъ проходитъ со своимъ войскомъ и отплываетъ на корабляхъ. Въ третьемъ актѣ онъ находится въ Константинополѣ. Императоръ Левъ, вынужденный подписать перемиріе, принимаетъ этого героя-варвара съ величайшимъ великолѣпіемъ. Его видятъ за пиршественнымъ столомъ, тогда какъ молодые греки, дѣвушки и юноши, поютъ ему хоромъ хвалебныя пѣсни и исполняютъ передъ нимъ древніе греческіе танцы. Послѣдняя декорація воспроизводитъ ипподромъ, гдѣ Олегу даютъ зрѣлища изъ олимпійскихъ игръ: второй театръ возвышается потомъ въ глубинѣ сцены, гдѣ передъ дворомъ разыгрываютъ сцены изъ

---

*) Авторъ этихъ мемуаровъ зналъ между прочимъ извѣстнаго Митрофана Попова, шута, пустосвята и толкователя сновъ у одной придворной дамы, который былъ членомъ этой комиссіи. Онъ никогда не слыхалъ ни слова о „Наказѣ" комиссіи для составленія Уложенія и не умѣлъ читать. (Прим. автора).

**) Наказъ для составленія Уложенія столь точно заимствованъ у Монтескье и Беккарія, что г. J. de B., который пытался его перевести, не нашелъ возможности сдѣлать этого лучше, какъ переписывая текстъ у этихъ прославленныхъ писателей. Въ этомъ можно убѣдиться по переводу, напечатанному въ Лозаннѣ у Грассе. Именно отъ этого почтеннаго человѣка авторъ узналъ объ этомъ фактѣ. (Примѣч. автора).

***) Онѣ написаны на русскомъ языкѣ. Г. Державинъ, секретарь Екатерины, извѣстный другими сочиненіями, слыветъ ихъ авторомъ или по крайней мѣрѣ корректоромъ. Но извѣстно только то, что она никогда не имѣла около себя человѣка, который бы былъ въ состояніи написать ей ея письма къ Вольтеру по французски. Одаръ и Убри, ея секретари въ эту эпоху, не писали такъ хорошо, какъ она; авторъ ихъ, неоспоримо, она. (Примѣч. автора).

Еврипида *) по гречески. Наконецъ Олегъ прощается съ императоромъ и прибиваетъ свой щитъ на колонѣ, чтобы засвидѣтельствовать свой походъ въ Константинополь и пригласить своихъ преемниковъ когда-нибудь вернуться сюда. Эта пьеса была, безусловно, въ русскомъ духѣ и въ особенности въ духѣ Екатерины. Она воспроизвела здѣсь свои завѣтные проекты и свое намѣреніе поработить наконецъ Турцію, въ то же время празднуя съ ней миръ. Это собственно только великолѣпный волшебный фонарь, гдѣ проходятъ, какъ на смотру, различные предметы. Но эта идея поставить на сцену, какъ бы въ картинахъ, великія историческія событія кажется мнѣ болѣе интересной, чѣмъ горловыя упражненія нашихъ пѣвцовъ и любовныя интриги нашихъ трагедій.

Екатерина не любила ни стиховъ, ни музыки и часто говорила объ этомъ: въ антрактахъ она даже не могла выносить оркестра и обыкновенно велѣла ему молчать. Этотъ недостатокъ впечатлительности въ женщинѣ, въ другихъ отношеніяхъ одаренной такъ хорошо, кажется явленіемъ удивительнымъ. Онъ объясняетъ, какимъ образомъ Екатерина, обладая столь великимъ умомъ и геніемъ, могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ столь безстрастной и жестокой **). Въ своемъ Таврическомъ дворцѣ Она обѣдала, имѣя передъ своими глазами двѣ ужасныя картины двухъ ужасныхъ боенъ при Очаковѣ и Измаилѣ, гдѣ Казанова ***), съ отвратительной правдивостью, передалъ ручьи текущей крови, оторванные и трепещущіе члены, ярость убійцъ и судорожную агонію избиваемыхъ. На этихъ сценахъ ужаса останавливались ея глаза въ то время, когда Гаспарини и Мандини ****) пѣли или Сарти *****) выполнялъ симфоніи своего сочиненія.

---

*) Третій знаменитый трагикъ древнихъ Аѳинъ, „философъ сцены". Онъ жилъ (480—407 г. до Р. Х.) въ эпоху вырожденія аѳинской демократіи, въ эпоху политическаго шантажа и интриганства демагоговъ, нравственнаго разврата и распущенности. Отсюда его пессимизмъ, отразившійся въ трагедіи, которую онъ освободилъ отъ богословскаго мистицизма Эсхила, философскаго идеализма Софокла и сблизилъ съ реальной живописью данной дѣйствительности. Написалъ всего около 92 пьесъ, изъ которыхъ до насъ дошло до 20. Лучшія изъ нихъ Медея, Ипполитъ, Ифигенія въ Тавридѣ, Ифигенія въ Авлидѣ и другія. (Примѣч. переводч.).

**) Между сатирическими эстампами, которые фабриковались въ Польшѣ на русскую императрицу, особенно замѣчателенъ одинъ, озаглавленный: „Пиршество Екатерины". Здѣсь императрица изображена за столомъ въ единственномъ числѣ. Съ одного боку нѣсколько казаковъ предлагаютъ ей окровавленные члены шведовъ, поляковъ и турокъ, только что изрубленныхъ ими. Съ другого боку выстроились молодые голые мужчины, какъ бы бочки въ подвалѣ. Старая матрона, посредствомъ онанической операціи, извлекаетъ изъ этихъ живыхъ бочекъ жидкость, наполняя ей чашу и предлагая пить Екатеринѣ. Внизу этой жестокой каррикатуры можно прочитать стихи, ея достойные и которые нельзя перевести сколько-нибудь прилично, кромѣ какъ въ слѣдующемъ родѣ: такъ какъ ты слишкомъ любишь мужчинъ, ѣшь ихъ плоть и пей ихъ самую чистую кровь. (Прим. автора).

***) Франческо Казанова (1730—1805) живописецъ-баталистъ и пейзажистъ, братъ извѣстнаго авантюриста, оставившаго мемуары. Свое художественное образованіе получилъ въ Парижѣ, гдѣ въ 1761 г. былъ избранъ членомъ французской королевской академіи. Примѣч. переводч.

****) Извѣстные въ свое время пѣвцы итальянской оперы. Примѣч переводч.

*****) Джозеппе Сарти (1729—1802) извѣстный итальянскій композиторъ. Былъ сначала придворнымъ капельмейстеромъ въ Копенгагенѣ, потомъ капельмейстеромъ Миланскаго собора. Въ 1784 г. былъ приглашенъ занять мѣсто капельмейстера въ Россіи. Онъ писалъ много и въ разныхъ родахъ. Духовныя композиціи его и до сихъ поръ иногда исполняются въ русской церкви, напримѣръ, знаменитое: „Отче нашъ". (Примѣч. переводч.).

Та же самая императрица, которая писала комедіи, которая нѣжно любила Сегюра *) за его умъ, слушала даже иногда его стихи и вдохновила создать Коріолана, пьесу всецѣло республиканскую; та же императрица, которая заставляла играть передъ собою смѣшные фарсы своихъ старыхъ придворныхъ и въ особенности графа Штакельберга **) и австрійскаго посла ***), отозвала и разжаловала одного изъ своихъ собственныхъ пословъ за то, что онъ умно излагалъ свои депеши, писалъ красивые французскіе стихи, составилъ трагедію и желалъ прославить свою родину, сочиняя историческія хвалебныя строфы въ честь великихъ людей Россіи. Это былъ князь Бѣлосельскій, посланникъ въ Туринѣ, человѣкъ достойный и со вкусомъ, который употребилъ большое состояніе на покровительство искуствамъ и много ума на собственныя упражненія въ нихъ ****).

*) Луи Филлипъ, графъ де Сегюръ д'Агессо (1753—1830). Онъ участвовалъ въ американской освободительной войнѣ, заявивъ себя сторонникомъ либеральныхъ идей, Въ 1783 г. былъ назначенъ посломъ, въ Петербургѣ, гдѣ снискалъ большую симпатію Екатерины. Позже онъ былъ членомъ учредительнаго собранія, а въ 1792 г. отправился въ качествѣ посланника въ Берлинъ. Послѣ казни короля онъ покинулъ государственную службу, жилъ въ провинціи и отдался литературной дѣятельности. Къ государственному служенію вернулся во время консульства, а при Людовикѣ XVIII сдѣланъ былъ даже пэромъ. Оставилъ интересные мемуары. (Прим. перевод.).

**) Въ маленькомъ обществѣ Екатерины играли во всевозможныя игры—въ фанты, шарады и другія замысловатыя игры, въ колотушки. Тамъ можно было видѣть старыхъ придворныхъ, больныхъ подагрою, въ усиліяхъ сдѣлать прыжокъ, и однажды великій князь Константинъ сломалъ тамъ руку старому графу Штакельбергу, грубо возясь съ нимъ и сваливъ его на землю.

Сегюръ игралъ тамъ прежде роль, болѣе достойную своего положенія и своего ума. Среди стиховъ, которые онъ сочинилъ въ честь императрицы, слѣдующіе, представляющіе эпитафію собачкѣ, часто были цитированы и заслуживаютъ сохраненія. Они дышатъ французской учтивостью:

Ей за вѣрность, нравъ безъ злобы,
Небо, нѣжность ея зная,
Дать безсмертіе должно бы,
Съ госпожой не разлучая.

(Примѣч. автора).

***) Никогда, быть можетъ, не видали ни одного посла, который пробылъ бы такъ долго и такъ благополучно при одномъ дворѣ, какъ графъ Кобенцль въ Россіи. Онъ былъ сюда посланъ уже при Маріи Терезіи и утверждаемъ съ тѣхъ поръ всѣми ея преемниками. Этотъ человѣкъ имѣетъ неблагородную и неуклюжую внѣшность, но онъ полонъ ума и въ особенности того ума, который забавляетъ женщинъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ постояннымъ поклонникомъ прелестной княгини Долгорукой, и Екатерина любила его общество. Страстью его было заставлять играть и самому играть комедію, и онъ оправдывалъ ее на дѣлѣ очень хорошо. Но, будучи въ возрастѣ около 60 лѣтъ, онъ выставлялъ себя на посмѣшище, регулярно беря уроки пѣнія. И часто курьеръ изъ Вѣны, привозя ему извѣстіе о какомъ-нибудь событіи или о какихъ-либо пораженіяхъ, заставалъ его передъ зеркаломъ повторяющимъ роль и одѣтымъ въ костюмъ принцессы д'Эскарбанья или Крупильяк'а и пр. Дурныя извѣстія, какія онъ получалъ безпрестанно въ теченіе войны, не препятствовали ему давать у себя регулярно праздники, балы и спектакли. Говорили даже, узнавая о какой-нибудь побѣдѣ Бонапарта: „Прекрасно! Въ субботу будетъ, значитъ, балъ у посланника". Екатерина, задѣтая за живое этой драматической горячкой, сказала однажды: „Вы увидите, что онъ сохранитъ намъ свою лучшую пьесу на день вступленія французовъ въ Вѣну. (Примѣч. автора).

****) Онъ сдѣлался извѣстнымъ многими поэтическими произведеніями и въ особенности „Посланіемъ къ французамъ", гдѣ онъ самъ представляется французомъ и гдѣ онъ ихъ вѣнчаетъ лаврами, возвращающимися на его голову. Вольтеръ написалъ ему лестное письмо и возобновилъ по отношенію къ нему тотъ же комплиментъ, который передъ тѣмъ сдѣлалъ знаменитому автору „Посланія къ Нинонъ".

(Примѣч. автора).

Если исключить путешествія знаменитаго Палласа *), историческія изслѣдованія трудолюбиваго Миллера **), и нѣсколько другихъ работъ по естественной исторіи, ни одна другая книга, достойная извѣстности въ другихъ странахъ, не прославила царствованія Екатерины ***). Естественная исторія и математика—единственныя науки,

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о князѣ Александрѣ Михайловичѣ Бѣлосельскомъ-Бѣлоозерскомъ (1752—1809). Онъ былъ одно время посломъ въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ, при Павлѣ пожалованъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, При Александрѣ I состоялъ оберъ-шенкомъ. Страстный любитель литературы и искусствъ, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ почти со всѣми писателями своего времени. Писалъ преимущественно на французскомъ языкѣ, на русскомъ имъ написана опера „Олинька, или первоначальная любовь". (Примѣч. переводч.).

*) Петръ-Симонъ Палласъ (1741—1811)—знаменитый путешественникъ и натуралистъ, уроженецъ Берлина. Въ 1767 г. онъ былъ приглашенъ Екатериною въ Петербургъ въ качествѣ адъюнкта академіи наукъ и коллегіи ассесора. Въ слѣдующемъ году по ея указу предпринялъ поѣздку на Кавказъ и въ Закаспійскій край съ Соколовымъ, Зуевымъ и Рычковымъ и оставался тамъ до 1774 г. Въ результатѣ поѣздки были многочисленныя сочиненія и богатыя коллекціи. Въ 1793—94 г. изучалъ климатологію на югѣ Россіи и для описанія климата Крыма въ 1796 г. былъ командированъ въ Симферополь. Въ 1810 г. вернулся въ Берлинъ. (Примѣч. переводч.).

**) Это тотъ самый Миллеръ, который написалъ столь основательную критику на мнимую исторію Петра I, и о которомъ Вольтеръ писалъ· „Это нѣмецъ; желаю ему побольше ума и поменьше согласныхъ". Вольтеръ очень удивился, что русскіе выражаютъ притязаніе знать свои имена и названія своихъ провинцій и своихъ городовъ лучше, нежели словарь де-ла-Мартингер'а, и что они огорчаются при видѣ ихъ искаженія Онъ упорно писалъ Роману, Шувалу и проч. вмѣсто Романовъ и Шуваловъ, какъ будто бы терминологія философа была еще болѣе варварскою, чѣмъ терминологія Шантелу. Онъ не хотѣлъ писать русскія имена какъ ихъ произносятъ, и однако, чтобы показать, что онъ знаетъ китайское имя, онъ старался писать часто Конфутце, котораго мы называемъ Конфуцій. (Прим. автора).

Миллеръ Герардъ-Фридрихъ или Ѳедоръ Ивановичъ (1705—1783). Въ Россію пріѣхалъ въ 1725 г. Въ 1731 г. получилъ званіе профессора. Принявъ участіе во 2-й камчатской экспедиціи, онъ въ десятилѣтіе (1733 -1743) объѣздилъ главнѣйшіе пункты западной и восточной Сибири, гдѣ ученый обогатился массою свѣдѣній по этнографіи инородцевъ, мѣстной археологіи и современному состоянію края и откуда вывезъ громадную и цѣннѣйшую коллекцію архивныхъ документовъ, и донынѣ продолжающую служить важнымъ подспорьемъ для отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій. Миллеръ враждовалъ, между прочимъ, съ Ломоносовымъ, раздражившимся на своего сотоварища по службѣ за „Рѣчь о происхожденіи народа и имени россійскаго", излагавшую теорію скандинавскаго происхожденія русскихъ князей. Изъ числа его историческихъ трудовъ главнѣйшими были: „О лѣтописцѣ Несторѣ", „Извѣстіе о запорожскихъ казакахъ", „О началѣ Новгорода и происхожденіи россійскаго народа", „Опытъ новой исторіи о Россіи", „Описаніе Сибирскаго царства" и др. Не чуждъ былъ Миллеръ и періодической прессы, въ теченіе десяти лѣтъ (1755—1765) редактируя „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія",—первое періодическое учено-литературное изданіе на русскомъ языкѣ. По смерти Миллера осталась коллекція автографовъ и рукописей въ 258 портфел., важная для изученія исторіи, статистики, этнографіи и промышленности Россіи. (Прим. перев.).

***) Многіе литераторы, славные въ Германіи, какъ Клингеръ, смѣлый и ѣдкій мыслитель, и Коцебу, драматическій писатель, талантъ котораго иногда безчестятъ плагіаты, писали въ Россіи. Но они остерегались, въ особенности первый, печатать здѣсь свои произведенія. Коцебу однако былъ достоинъ того, чтобы ему простили его хорошія работы, благодаря его Ланганс'у, дурному подражанію Кандиду, его переводу сочиненій Державина и его „Бѣгству въ Парижъ". Топографическіе и статистическіе труды изящнаго Шторха заслуживали бы еще одного исключенія, если бы онъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, какъ написалъ. (Примѣч. автора).

Фридрихъ, въ Россіи Ѳедоръ Ивановичъ, Клингеръ (1752—1803)—одинъ изъ членовъ франкфуртскаго кружка поэтовъ періода „бури и натиска", во главѣ котораго стоялъ великій Гете. Отъ драмы Клингера Sturm und Drang получила свое названіе и вся эпоха литературнаго движенія въ Германіи 70-хъ годовъ XVIII вѣка. На русскую службу Клингеръ перешелъ въ 1790 году, былъ гофмейстеромъ великаго князя Павла Петровича, съ которымъ ѣздилъ по Европѣ, въ 1801 году былъ назначенъ директоромъ кадетскаго корпуса, въ 1802—пажескаго, въ 1803—попечителемъ

въ которыхъ русскіе нѣсколько подвинулись съ помощью нѣмцевъ. Между тѣмъ ни одна нація не находится въ столь благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы оказать болѣе существенныя услуги наукѣ. Естественная исторія и исторія древняя должны ожидать отъ нея самыхъ удивительныхъ открытій. Развалины двадцати разрушенныхъ городовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Татарія и Монголія были обитаемы нѣкогда цивилизованными народами, а памятники, здѣсь еще открываемые, реализуютъ превосходныя концепціи Бюфона и Байльи *), которыя въ настоящее время болѣе систематически подтверждаются и оправдываются, повидимому, учеными работами и любопытными открытіями Кювье **). Цѣлыя библіотеки нашли подъ руинами Аблай-

---

дерптскаго учебнаго округа, въ 1811—произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Женатый на близкой къ Екатеринѣ особѣ, Клингеръ пользовался почетомъ при дворѣ, но чувствовалъ себя въ Россіи прескверно и до конца дней своихъ дѣлилъ весь родъ человѣческій на двѣ группы: людей и русскихъ. Писалъ онъ много и въ разномъ родѣ: трагедіи, драмы, комедіи и романы. Въ области театра его высшимъ авторитетомъ былъ Шекспиръ, на романахъ отразилось сильное вліяніе Руссо.

Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ фонъ-Коцебу (1761—1819) въ свое время пользовался необычайной популярностью, какъ драматургъ и какъ романистъ. Былъ очень плодовитъ, оставилъ однѣхъ драматическихъ пьесъ 98, умѣщенныхъ въ 28-ми томахъ, а всѣхъ сочиненій 40 томовъ. Лучшей его драмой, десятки лѣтъ несходившей съ подмостковъ всѣхъ европейскихъ театровъ, считается „Ненависть къ людямъ и раскаяніе". Въ общемъ литературный талантъ Коцебу не высокаго полета, но „никто такъ хорошо не умѣлъ понять пошлыхъ инстинктовъ массы, никто такъ искусно не умѣлъ льстить имъ и никто такъ ловко не доставлялъ эффекты для актера, какъ Коцебу",—и отсюда его громкая слава. Жизнь Коцебу была полна приключеній, проходила въ разныхъ странахъ и городахъ и закончилась трагически: его поразилъ за тупой консерватизмъ кинжаломъ студентъ Зандъ.

Андрей Карловичъ Шторхъ (1766—1835)—экономистъ школы Адама Смит'а, уроженецъ Остзейскаго края, питомецъ гейдельбергскаго и іенскаго университетовъ. Состоялъ преподавателемъ с.-петербургскаго корпуса съ 1879 г., въ 1796 г. былъ избранъ членомъ Академіи наукъ, гдѣ былъ потомъ вице-президентомъ. Въ 1799 году его назначили учителемъ великихъ княженъ, а позже онъ читалъ лекціи по политической экономіи великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Лекціи эти легли въ основу крупнѣйшаго труда Шторха — „Курса политической экономіи или изложенія принциповъ, опредѣляющихъ благосостояніе націй, считавшагося въ первой четверти прошлаго вѣка лучшимъ учебникомъ по политической экономіи.

(Примѣч. переводч.).

*) Жанъ Сильвенъ Байльи или Бальи (1736—1793)—французскій астрономъ, членъ парижской академіи наукъ, академіи надписей и французской академіи, авторъ пятитомной „Исторіи астрономіи", нашумѣвшей въ свое время въ особенности изъ за разгорѣвшагося спора между составителемъ и Вольтеромъ. Байльи былъ президентомъ перваго французскаго національнаго собранія 1789 г. и мэромъ Парижа. Въ эпоху террора онъ былъ арестованъ, преданъ революціонному суду и казненъ 12-го ноября 1793 г. (Прим. автора).

**) Жоржъ Леопольдъ-Кретьенъ-Фредерикъ-Дагобертъ Кювье (1769—1832)—знаменитый французскій естествоиспытатель, членъ французской академіи и при Людовикѣ Филиппѣ пэръ Франціи. Читалъ лекціи въ центральной школѣ Пантеона, въ Jardin des Plantes по сравнительной анатоміи и въ Collège de France по естественной исторіи. Кювье былъ самымъ выдающимся зоологомъ конца XVIII и начала XIX в. Онъ установилъ понятіе о типахъ, чрезвычайно улучшилъ классификацію животнаго царства, выяснилъ законъ соотношеній органовъ, согласно съ которымъ измѣненіе въ одномъ изъ нихъ сопровождается цѣлымъ рядомъ измѣненій въ другихъ. Будучи сторонникомъ теоріи постоянства вида противъ теоріи эволюціи, онъ надолго закрѣпилъ свое ошибочное представленіе. Труды его многочисленны и многотомны, напр.: „Уроки по сравнительной анатоміи" (8 томовъ), „Животное царство" (5 томовъ), „Естественная исторія рыбъ", писавшаяся въ сотрудничествѣ съ Валансьеномъ (22 том.), „Разысканія о костяхъ ископаемыхъ" (12 том.) и т. д. и т. д.

(Прим. переводч.).

кит'а *) и въ громадныхъ развалинахъ, которыя тянутся вдоль береговъ Иртыша. Тысячи рукописей на неизвѣстныхъ языкахъ и множество другихъ на китайскомъ, калмыцкомъ и манчжурскомъ истлѣваютъ въ пустынныхъ отдѣленіяхъ Академіи: онѣ лучше бы сохранились, если бы остались подъ развалинами до тѣхъ поръ, пока ихъ не раскопали бы менѣе варварскіе правительство или народъ.

Лучшая исторія, которая существуетъ о Россіи, безспорно, исторія Левека **). Екатерина ненавидѣла это сочиненіе столько же, сколько работу аббата Шапп'а ***), и она задала себѣ громадный трудъ, справляясь съ древними хрониками, чтобы открыть какіе-нибудь недочеты и какіе-нибудь ошибки у этого уважаемаго историка. И все это потому, что онъ имѣлъ мужество, вотъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, позволить себѣ намекнуть, что Екатерина была убійцей Петра III и Ивана (VI). Въ остальномъ онъ очень заслужилъ передъ русской націей, потому что онъ одинъ только, благодаря работѣ, терпѣнію и таланту, добился того, что сдѣлалъ для иностранцевъ хоть нѣсколько интересной исторію, столь отвратительную, столь обособленную, какова исторія Россіи до царствованія Петра I ****). Но кто бы могъ когда-ни-

*) Развалины буддійскаго монастыря и резиденціи калмыцкаго хана Аблая (XVII в.). Находятся онѣ въ Семипалатинской области, въ долинѣ рѣчки Аблайкитки, впадающей въ Иртышъ. Рукописи, найденныя здѣсь, подарены Петромъ Великимъ парижской академіи наукъ. (Прим. переводч.).

**) Пьеръ-Шарль Левекъ (1737—1812) въ первое время былъ граверомъ, но затѣмъ отдался исторіи. Въ Петербургъ онъ былъ приглашенъ по рекомендаціи Дидро и состоялъ здѣсь до 1780 г. Выучившись русскому языку, онъ сталъ собирать матеріалы по русской исторіи, которые и обработалъ, по возвращеніи на родину. Вышедшая въ Иверденѣ Исторія Россіи, принадлежавшая его перу, доставила ему мѣсто въ академіи надписей и каѳедру въ Collège de France. Работа эта примитивна и полна неточностей. Екатерина была вправѣ заподозрѣть ея достоинства. (Прим. переводч.).

***) Аббатъ Жанъ Шаппъ д'Огерошъ (1722—1769) былъ астрономомъ. Въ 1761 г., по порученію парижской академіи наукъ, прибылъ въ Россію для наблюденія въ Тобольскѣ прохожденія Венеры черезъ солнечный дискъ. Свои наблюденія надъ малоизвѣстной страной онъ изложилъ потомъ въ своей книгѣ: „Путешествіе по Сибири, совершенное въ 1761 г.“. Въ книгѣ есть рѣзкія мѣста и указанія, напр., на голодныхъ и оборванныхъ русскихъ солдатъ, на неспособность или продажность петербургскихъ министровъ, на слабость кронштадскаго флота, на пустынность Россіи, на уменьшеніе ея населенія подъ вліяніемъ бѣдности отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, голода, рабства, войнъ, возстаній, выселенія въ Сибирь, эпидеміи и т. п. Обиженная книгой Екатерина совмѣстно съ Андреемъ Шуваловымъ написала на французскомъ языкѣ и издала въ Амстердамѣ въ 1777 г. брошюру подъ названіемъ: Антидотъ или испытаніе плохой книги, прекрасно напечатанной подъ заглавіемъ: Путешествіе аббата Шаппа“. (Примѣч. переводч.).

****) Тѣ, которые пожелали бы выполнить задачу лучше Левека, должны бы вмѣсто того, что бы критиковать слабыя стороны, какъ это сдѣлалъ Ле-клеркъ, провести десять лѣтъ въ Россіи, усвоить языкъ, изучить нравы, справиться съ древними лѣтописями страны, съ исторій Татищева, князя Щербатова и въ особенности съ громадными матеріалами, оставленными Миллеромъ, Бакмейстеромъ и пр. (Примѣч. автора).

Николай-Гавріилъ Ле-клеркъ (1726—1798), французскій медикъ, былъ призванъ въ Петербургъ императрицею Елизаветою въ 1759 г., пробылъ здѣсь четыре года, былъ затѣмъ врагомъ герцога Орлеанскаго и снова вернулся въ Россію, занимая здѣсь разныя должности и на мѣстѣ собирая матеріалы историческаго характера. Ихъ онъ обработалъ въ книгу, выпущенную въ 1783—1794 г. подъ заглавіемъ „Исторія древней и новой Россіи“ и жестоко раскритикованную Болтинымъ. Написалъ еще нѣсколько романовъ, медицинскихъ работъ и похвальное слово Ломоносову, произнесенное въ академіи наукъ, гдѣ онъ былъ почетнымъ членомъ.

будь достойнымъ образомъ написать исторію Екатерины? *). До нашихъ дней исторія была только сборникомъ избранныхъ событій, артистически обрамленныхъ, чтобы заставить выдѣлиться нѣкоторыхъ лицъ и создать занимательную картину. Доказанные факты суть какъ бы жемчуга и гранаты, которые авторъ беретъ по своей фантазіи, чтобы нанизать ихъ на бѣлую или черную тесьму, представляющую собою его планъ: истина проявляется здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда она подойдетъ. Безсмертный авторъ Карла XII, Петра I и Вѣка Людовика XIV **) говоритъ даже, что дѣло идетъ гораздо больше о томъ, чтобы говорить о вещахъ полезныхъ, чѣмъ о вещахъ истинныхъ; какъ будто бы ложь могла когда-либо быть полезной! Онъ писалъ графу Шувалову ***): „Въ ожиданіи времени, пока я смогу сгладить ужасное событіе смерти царевича, я началъ другое

Василій Никитичъ Татищевъ (1686—1750) „птенецъ гнѣзда Петрова, нерѣдко битый дубинкою царя за свое вольнодумство. Въ юности участвовалъ въ военныхъ походахъ противъ шведовъ и турокъ, потомъ работалъ при Брюссѣ, президентѣ мануфактуръ и бергъ-коллегіи, бывалъ на Уралѣ и въ Сибири для устройства заводовъ, не разъ ѣздилъ въ ученыя командировки заграницу, подавалъ челобитную Аннѣ противъ верховниковъ, усмирялъ башкиръ, управлялъ Астраханской губерніей, прекращая безпорядки среди калмыковъ, и кончилъ въ отставкѣ въ деревнѣ Болдино. Занятый проектомъ написать подробную географію Россіи, онъ началъ собирать матеріалы и архивные документы и это собираніе привело его къ созданію Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, представляющей сводъ изъ десяти лѣтописей, въ томъ числѣ и Іоакимовой, объединенный идеями Лейбница, Вольфа, Локка, Гобса. Написалъ, кромѣ того, „Духовную" и „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ".

Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ (1733—1790) служилъ въ военной и гражданской службѣ, но со страстью отдавался только работѣ историка, публициста, статистика и издателя. Пятнадцатитомная „Исторія Россійская", доведенная Щербатовымъ до сверженія съ престола Шуйскаго, была настольной книгой и основнымъ источникомъ для Карамзина. Изъ публицистическихъ работъ Щербатова выдается гнѣвный и желчный трактатъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи".

Иванъ Григорьевичъ Бакмейстеръ съ 1756 г. состоялъ библіотекаремъ Академіи наукъ и умеръ въ 1794 г. Главная его работа „Опытъ изслѣдованія о библіотекѣ и кабинета рѣдкостей и естественной исторіи при С.-Петербургской Академіи наукъ. (Примѣч. переводч.).

*) Это будетъ только какой-либо русскій, какъ я зналъ изъ нихъ одного или двухъ. Но нужно, чтобы онъ писалъ внѣ своей родины. Въ ожиданіи этого, иностранецъ, который не знаетъ ни лицъ, ни нравовъ, ни мѣста, сколько бы онъ ни собиралъ нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ въ ряду неискусно вымышленныхъ и ни оглавлялъ такой книги: Исторія Екатерины II,—она не будетъ ея исторіей. Подобными отписками можно бы довольствоваться, если бы дѣло шло о китайскомъ богдыханѣ. Впрочемъ ясно, что анонимный авторъ, о которомъ я говорю, имѣлъ хорошіе мемуары для извѣстныхъ эпохъ. Но если бы тѣ, кто доставилъ ему эти матеріалы, могли бы написать книгу, въ ней находилось бы меньше ошибокъ относительно мѣстъ, лицъ и датъ. (Примѣч. автора).

**) Вольтеръ. (Примѣч. переводч.).

***) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (1727—1797) фаворитъ императрицы Елизаветы Петровны. Онъ отличался широкимъ образованіемъ, покровительствовалъ наукамъ, искусствамъ и писателямъ, былъ мягокъ, добродушенъ и безкорыстенъ. По его плану, составленному вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, былъ основанъ первый русскій университетъ въ Москвѣ 1755 г., первымъ кураторомъ котораго онъ и былъ. По его же иниціативѣ возникли въ 1757 г. Академія художествъ и въ 1758 г. казанская гимназія. Именно онъ отъ имени Елизаветы предложилъ Вольтеру написать Исторію Петра Великаго. Съ воцареніемъ Екатерины Шуваловъ покинулъ Россію на цѣлыхъ 14 лѣтъ и возвратился только въ 1777 г., осыпанный грудами привѣтствій въ стихахъ и прозѣ. Сдѣлавшись оберъ-камергеромъ и любимымъ собесѣдникомъ Екатерины, онъ попрежнему меценатствовалъ. (Примѣч. переводч.).

сочиненіе". Развѣ это языкъ историка-философа? Ахъ! если у васъ нѣтъ мужества говорить истину, какъ же вы не забросите пера историка? Если позволительно сглаживать ужасное событіе, то только въ трагедіи или эпической поэмѣ. Цѣль исторіи не въ томъ, чтобы прославлять человѣка, а въ томъ, чтобы просвѣщать народы и наставлять правительства.

Передъ смертью Екатерины большая часть памятниковъ ея царствованія находилась уже въ обломкахъ: законодательство, поселенія, воспитаніе, учрежденія, фабрики, зданія, госпитали *), каналы, города, крѣпости — все было начато и заброшено прежде, нежели окончено. Какъ только новый проектъ рождался въ ея головѣ, она покидала все остальное, чтобы заняться единственно имъ до тѣхъ поръ, пока другая идея опять отвлекала ея отъ него. Она забросила свой законодательный сводъ для того, чтобы изгнать турокъ изъ Европы. Послѣ славнаго мира въ Кайнарджи, она, повидимому, занялась внутреннимъ управленіемъ, но все было забыто ради того, чтобы сдѣлаться царицею Тавриды. Проектъ возстановить престолъ Константина возродился: за нимъ послѣдовалъ планъ унизить и наказать короля Швеціи. Захватить Польшу было потомъ самою сильною ея страстью и тогда другой Пугачовъ **) могъ бы дойти до самаго Петербурга, не преминувъ его захватить. Она умерла, помышляя о новомъ разгромѣ Швеціи, о разрушеніи Пруссіи и снѣдаемая яростью при видѣ торжества Франціи и республиканскихъ идей. Такимъ образомъ она безпрестанно была увлечена новою страстью и болѣе сильною, чѣмъ предыдущая; это заставляло ее забывать объ общемъ и о частностяхъ своего управленія.

Медальоны были выбиты въ честь многихъ зданій, еще не отстроенныхъ и, между прочимъ, мраморная церковь, которая, въ теченіе вотъ уже двадцати лѣтъ, все въ лѣсахъ. Много другихъ построекъ пали въ развалинахъ и никогда не были закончены. Петербургъ загроможденъ развалинами многихъ обширныхъ зданій, которыя рушились прежде, нежели были обитаемы. Подрядчики и архитекторы крали деньги, а Екатерина, имѣя планъ, либо медальонъ въ своемъ кабинетѣ, вѣрила, что предпріятіе было кончено и не занималась имъ болѣе.

Петербургскій Альманахъ перечисляетъ 240 и еще нѣсколько городовъ, основанныхъ Екатериной; это число было бы, быть можетъ, значительно болѣе, чѣмъ число разрушенныхъ ея арміями, но эти города только жалкіе поселки, которымъ она перемѣнила ихъ названіе и значеніе именнымъ указомъ, высочайшимъ распоряженіемъ ея императорскаго величества почти такъ, какъ недавно Павелъ приказалъ яхту переименовать въ фрегатъ ***). Многіе изъ этихъ городовъ даже

---

*) Одинъ госпиталь изъ основанныхъ Екатериною заслуживаетъ однако упоминанія, какъ учрежденіе характеристичное: онъ предназначенъ для пріема 50 дамъ, постигнутыхъ венерической болѣзнью. Не спрашиваютъ ни объ имени, ни о качествахъ тѣхъ, кто заявляется, и съ ними обходятся съ такими же заботами, какъ съ вниманіемъ и скромностью. Это послѣднее слово даже вышито на бѣльѣ, которое дается имъ для пользованія. (Примѣч. автора).

**) Емельянъ Ивановичъ Пугачовъ, родившійся около 1744 г., знаменитый вождь казацкаго и народнаго движенія, самозванно присвоившій себѣ имя Петра III. Казненъ въ Москвѣ въ 1775 г. послѣ цѣлаго ряда шумныхъ успѣховъ на Уралѣ и на Волгѣ въ 1773—1774 годахъ. (Примѣч. переводч.).

***) Онъ это сдѣлалъ въ дѣйствительности.

просто столбы, гдѣ написано ихъ имя и указано ихъ будущее мѣстоположеніе. Въ ожиданіи, что они будутъ застроены и въ особенности заселены, они фигурируютъ на картахъ Россіи, какъ епархіальные города *).

Правда, что князь Потемкинъ приказалъ на самомъ дѣлѣ создать города и построить гавани въ Крыму. Это очень красивыя клѣтки, но птицъ тамъ еще нѣтъ, и тѣ, кого пытаются привлечь, скоро умираютъ тамъ отъ сожалѣній, если не могутъ выселиться. Русское правительство—угнетатель и завоеватель, русскій—воинъ и разоритель: съ тѣхъ поръ, какъ Таврида завоевана, она пустынна **).

Эта манія Екатерины все начинать вчернѣ, ничего не заканчивая, заставила Іосифа II обмолвиться словцомъ, исполненнымъ соли. Во время своего путешествія въ Тавриду, она пригласила его положить второй камень города Екатеринослава, первый камень котораго она только что положила съ великимъ торжествомъ. При возвращеніи Іосифъ сказалъ: „Я кончилъ въ одинъ день великое дѣло вмѣстѣ съ императрицей Россіи: она положила первый камень города, а я—послѣдній.

Памятники, которые будутъ существовать въ Петербургѣ съ ея времени до тѣхъ поръ, пока ихъ не поглотятъ трясины, это—великолѣпный Невскій проспектъ и конная статуя Петра I. Но какъ ни прекрасенъ этотъ послѣдній памятникъ, многаго не достаетъ ему для того, чтобы онъ воплощалъ идею, какая въ него вложена, вполнѣ

---

*) Екатерина, съ большими издержками, велѣла построить вблизи отъ Царскаго села городъ Софію, окружность котораго громадна. Дома уже падаютъ и никогда не были обитаемы. Если таковъ жребій города, воздвигнутаго передъ ея глазами, то какова же должна быть участь тѣхъ, которые она основала въ отдаленныхъ пустыняхъ? Но городъ—самый смѣшной изъ всѣхъ, какіе только существуютъ, безъ сомнѣнія, городъ Гатчина, основатель котораго Павелъ. Эти господа принимаютъ людей за аистовъ, которыхъ привлекаютъ, поставивъ колесо на крышѣ или на колокольнѣ. Начиная съ превосходнаго Потсдама и кончая смѣшной Гатчиной, всѣ эти насильственныя постройки доказываютъ, что истинными основателями городовъ являются культура, промышленность и свобода. Деспоты только разрушители: они умѣютъ строить и заселять только тюрьмы и казармы. (Примѣч. автора).

**) Одинъ изъ моихъ друзей, ученый, путешествовалъ по Тавридѣ, чтобы произвести тамъ розысканія. Однажды онъ прибываетъ къ хижинѣ татарина, который жилъ патріархально и который оказалъ ему гостепріимство. Мой другъ, замѣтивъ, что его хозяинъ былъ печаленъ, спросилъ его о причинѣ. Ахъ! у меня большое горе! — Не могу ли я его узнать? — Русскіе солдаты, находящіеся по сосѣдству отъ меня, ежедневно приходятъ срубать плодовыя деревья, которыя меня кормятъ и даютъ мнѣ тѣнь, чтобы ихъ жечь, и я скоро увижу свою плѣшивую голову беззащитной отъ палящаго солнечнаго зноя.—Но вамъ нужно жаловаться ихъ начальнику!—Я это сдѣлалъ —Ну, и что же?—Онъ отвѣтилъ, что заплатитъ мнѣ по два рубля за стволъ фруктовыхъ деревьевъ, у меня срубленныхъ, и по стольку же за всякое изъ тѣхъ, которыя у меня будутъ еще срублены въ будущемъ. Ахъ! я не требую денегъ. Пусть меня оставятъ, по крайней мѣрѣ, умереть спокойно подъ тѣнью деревьевъ, которыя посадили мои отцы, или по необходимости я послѣдую за своими несчастными братьями, вынужденными убѣжать из своей страны". И старикъ ронялъ слезы вдоль своей бѣлой и пушистой бороды. (Примѣч. автора).

согласно съ преувеличенными описаніями. Къ нему можно примѣнить слѣдующіе стихи Делиля *):

Съ высотъ извѣчныхъ скалъ, дикихъ гнѣздъ своихъ,
Шлетъ природа смѣхъ всѣмъ поддѣлкамъ людей.

Идея помѣстить великаго царя на бугристой скалѣ, которую онъ перескакнулъ, вмѣсто обыкновеннаго пьедестала, была, безъ сомнѣнія, новой и грандіозной, но она была очень худо выполнена. Скала, которую, съ безконечными трудами, перевезли изъ Финляндіи на берега Невы, была высотою въ двадцать и длинною въ 40 футовъ и покрыта сѣдымъ мхомъ въ нѣсколько польцевъ толщиною. Ее лишили грубыхъ и естественныхъ формъ, чтобы придать правильныя. Ее обтесали, ее отполировали, ее убавили по крайней мѣрѣ до половины ея величины. Въ настоящее время это небольшой утесъ, задавленный громадною лошадью, и царь, который бы долженъ созерцать свою имперію еще болѣе обширной, чѣмъ онъ замышлялъ, едва можетъ увидать первый этажъ сосѣднихъ домовъ **). По новому противорѣчію Петру I усвоили ту самую русскую одежду, какую онъ силой заставилъ покинуть своихъ подданныхъ. Если бы эта статуя имѣла пьедесталъ, пропорціональный своей величинѣ, это былъ бы удивительный шедевръ.

Было бы очень интересно увидать картину Петербурга и его нравовъ въ царствованіе Екатерины во вкусѣ картины Парижа, принадлежащей мыслителю Мерсье ***). Но, какъ всѣ геніальныя произведенія, она породила дурныя подражанія, начиная съ описанія Берлина, сдѣланнаго и дополненнаго Николаи ****), и кончая описаніемъ

*) Аббатъ Жакъ Делиль (1738—1813) французскій поэтъ и переводчикъ, профессоръ латинской поэзіи въ Collège de France. Онъ въ особенности прославился своимъ переводомъ Георгикъ Виргилія, которымъ восхищался Вольтеръ и о которомъ Шатобріанъ выразился, что это картина Рафаэля, въ совершенствѣ скопированная Миньяромъ. На самомъ дѣлѣ, переводъ сухъ, холоденъ и напыщенъ, но онъ доставилъ автору кресло въ Академіи, любовь Маріи Антуанетты и графа Артуа, наконецъ, общественное преклоненіе, благодаря которому похороны Делиля носили характеръ національнаго траура. Изъ собственныхъ трудовъ Делиля имѣли успѣхъ его поэмы: „Сады", „Человѣкъ полей или французскія георгики" и „Дифирамбъ на безсмертіе души". (Примѣч. переводч.).

**) Д'Орбейль посвятилъ Екатеринѣ стихотвореніе, гдѣ находится слѣдующее красивое четверостишіе:

Дышитъ бронза жизнью чрезъ ея заботы,—
Та, что пріютилась на скалѣ Ѳетиды,
И свою державу, плодъ своей работы,
Царь обширнѣй видитъ, чѣмъ имѣлъ онъ виды.
(Примѣч. автора).

***) Людовикъ-Себастіанъ Мерсье (1740—1814) французскій писатель и критикъ. Послѣ неудачнаго дебюта своими «Героидами», онъ обратилъ на себя вниманіе „Опытомъ о драматическомъ искусствѣ", гдѣ возставалъ противъ правилъ французской классической трагедіи. Онъ и самъ писалъ драмы согласно съ своими требованіями, отказавшись отъ античныхъ сюжетовъ и черпая матеріалы изъ жизни. Въ своемъ 2440 году онъ изложилъ тѣ идеи, какія впослѣдствіи осуществила революція. «Картина Парижа», написанная имъ въ 1781 г., была настолько рѣзкой сатирою, что Мерсье пришлось на время покинуть Францію, спасаясь отъ преслѣдованій. Литературное наслѣдіе его чрезвычайно обширно и многосторонне. (Примѣч. переводч.).

****) Христофоръ-Фридрихъ Николаи (1733—1811)—германскій писатель, журналистъ и издатель. По своимъ литературнымъ симпатіямъ онъ держался между классицизмомъ и эпохой бури и натиска съ ея про.олженіемъ, одинаково нападая на Готшеда и на Гете, Канта, Шиллера. Дружилъ когда-то съ Лессингомъ и Мендельсономъ, издавая съ ними съ 1759 по 1765 г. «Письма о новѣйшей литературѣ». Другимъ его изданіемъ была «Всеобщая нѣмецкая библіотека, въ которой на первыхъ

Петербурга, данныхъ профессоромъ Георги *). Всѣ эти работы столь же бѣдны идеями и пользой, какъ богаты мелочными подробностями. Графъ Ангальтъ **) далъ въ этомъ духѣ описаніе императорскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ онъ былъ директоромъ. Здѣсь описано, сколько лѣстницъ, ступеней, окошекъ, дверей и трубъ существуетъ въ этомъ громадномъ зданіи. Все это можетъ послужить трубочисту, который обязанъ ихъ содержать въ порядкѣ, но чему можетъ научить это общество? ***).

Г. Шторхъ, молодой трудолюбивый и ученый ливонецъ, составилъ трудъ, озаглавленный: „Картина Петербурга", который не заслуживаетъ быть смѣшиваемымъ съ тѣми, о какихъ я только-что сказалъ. Но эта картина столь же походитъ на Петербургъ, какъ портретъ, сдѣланный Лампи, походитъ на Екатерину: она затушированa и безъ тѣней, — какъ авторъ самъ ее скорѣе предчувствовалъ. Шторху не хватало однако одной вещи, чтобы сдѣлать картину совершенной, а именно: онъ не могъ ее написать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Россіи. Онъ посвятилъ ее Екатеринѣ, которая наградила автора льстивой живописи, но которая потомъ выразила ему свое неудовольствіе за то, что онъ усвоилъ французскій духъ своимъ написаннымъ по-нѣмецки статистическимъ таблицамъ, другой работѣ, дающей очень точныя свѣдѣнія о состояніи Россіи.

Петербургъ, имѣющій отдѣльныя части исключительнаго великолѣпія и красоты, не мало походитъ на эскизъ большой картины, гдѣ видѣнъ уже лобъ, похожій на лобъ Аполлона Бельведерскаго, и глазъ, какой придали бы Генію, тогда какъ все остальное едва намѣчено неясными чертами и пунктиромъ.

Такъ какъ Петербургъ обитаемъ населеніемъ различныхъ національностей, то нѣтъ ничего сложнѣе, чѣмъ нравы и обычаи этихъ

норахъ принимали участіе Гердеръ и Меркъ и которая съ перерывами выходила съ 1766 по 1805 г. Изъ собственныхъ сочиненій Николаи, довольно разнообразныхъ и многочисленныхъ, въ свое время образцовымъ считалось «Топографическое и историческое описаніе Берлина». (Примѣч. переводч.).

*) Іоганнъ-Готлибъ Георги (умеръ въ 1802 г) этнографъ и путешественникъ, профессоръ минерологіи при Петербургской академіи наукъ. Въ 1768 г. былъ спутникомъ Палласа, въ 1770 г. проѣздомъ черезъ Москву въ Астрахань посѣтилъ Уральскъ, берега Урала, кочевья башкировъ, обозрѣлъ Исетскую провинцію. Побывалъ въ Барабинской степи, на Колыванскихъ рудникахъ, въ Барнаулѣ, на Алтайскихъ рудникахъ, въ Томскѣ, Иркутскѣ, на Байкалѣ, въ Екатеринбургѣ и Уфѣ, возвратившись въ Петербургъ въ 1774 г. Результатомъ путешествія были многочисленные собственноручные рисунки и описаніе всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію. Кромѣ этого труда, изъ многочисленныхъ его сочиненій успѣхомъ пользовалось «Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города С.-Петербурга.
(Примѣч. переводч.).

**) Графъ Ангальтъ, Фридрихъ или Өедоръ Өедоровичъ, 4-й сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго отъ морганатическаго брака съ Іоганною-Софьей Герре. На русскую службу поступилъ въ 1783 г., былъ генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ Екатерины, генералъ-инспекторомъ войскъ, квартировавшихъ въ Ингерманландіи, Эстляндіи и Финляндіи, послѣ чего уже директоромъ кадетскаго шляхетскаго корпуса Умеръ въ 1794 г. (Примѣч. переводч.).

***) Это описаніе Петербурга даже не точно въ своихъ деталяхъ. Оно дѣлаетъ честь автору этихъ мемуаровъ, называя его въ числѣ писателей, тамъ находящихся, но смѣшивая имена, положенія и сочиненія. Между прочимъ оно дѣлаетъ одно лицо изъ генерала Мелиссино, майора Мелиссино и его брата. А составитель былъ между тѣмъ въ Петербургѣ и зналъ ихъ! Вѣрьте послѣ этого описаніямъ. (Примѣч. автора).

обитателей. Неизвѣстно въ общемъ, какой тонъ и какая мода тамъ господствуютъ. Французскій языкъ служитъ звеномъ между разными народами, но тамъ одинаково говорятъ на многихъ другихъ. Если только общество хоть немного многочисленно, по очереди пользуются тремя языками—русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Но нерѣдкость услыхать въ томъ же самомъ обществѣ грековъ, итальянцевъ, англичанъ, голландцевъ, азіатовъ, говорящихъ на своемъ нарѣчіи.

Въ Петербургѣ нѣмцы—художники и ремесленники, въ особенности портные и сапожники; англичане—сѣдельные мастера и негоціанты; итальянцы—архитектора, пѣвцы и продавцы картинъ и проч. Но неизвѣстно, что такое здѣсь французы: большая часть ежегодно перемѣняетъ свое положеніе. Одинъ прибылъ лакеемъ, а сдѣлался учителемъ и становится совѣтникомъ; случалось, что по очереди иной перебывалъ комедіантомъ, гувернеромъ, торговцемъ, музыкантомъ и офицеромъ. Нигдѣ нельзя лучше замѣтить, насколько французъ непостояненъ, предпріимчивъ, изобрѣтателенъ и способенъ ко всему.

Чтобы разузнать нравы и характеръ каждой націи, нужно проникнуть во внутренность домовъ, потому что не только на улицахъ видишь все по-русски. У французовъ забавляются замысловатыми играми, весело обѣдаютъ, поютъ еще нѣкоторые водевили, которые не забыли; у англичанъ обѣдаютъ въ пять часовъ, пьютъ пуншъ, говорятъ о торговлѣ; итальянцы занимаются музыкой, танцуютъ, смѣются, жестикулируютъ, ихъ разговоръ вращается вокругъ спектаклей и искусствъ; у нѣмцевъ раговариваютъ о наукахъ, курятъ, спорятъ, много ѣдятъ, изъ всѣхъ силъ стараются надѣлять другъ друга комплиментами; у русскихъ встрѣчается всевозможныя смѣсь и игра надъ всѣмъ и превыше всего: она душа всѣхъ ихъ собраній и всѣхъ удовольствій, но она не исключаетъ ни одного изъ другихъ развлеченій. Иностранецъ, французъ въ особенности, послѣ того, какъ вдоль изъѣздилъ негостепріимныя края Пруссіи и насквозь проѣхалъ черезъ дикія поля Ливоніи, былъ изумленъ, очарованъ, найдя на лонѣ обширной пустыни громадный и превосходный городъ, общество, развлеченія, искусства и вкусъ, какіе онъ считалъ существующими только въ Парижѣ.

Въ климатѣ, подобномъ петербургскому, гдѣ едва-едва можно наслаждаться нѣсколькими недѣлями хорошей погоды, подъ правительствомъ, какого въ Россіи, гдѣ невозможно заниматься ни политикой, ни моралью, ни литературой, развлеченія общественныя должны быть стѣснены, а удовольствія домашнія доведены до совершенства. Роскошь и изысканныя удобства, пышность и изящный вкусъ комнатъ, обиліе и утонченность стола, веселость и непринужденность разговоровъ вознаграждаютъ человѣка, склоннаго къ удовольствіямъ, за тотъ гнетъ, въ какомъ природа и правительство держатъ его душу и его тѣло. Танцы, празднества слѣдуютъ другъ за другомъ: каждый день можетъ быть для него праздникомъ и онъ находитъ въ большомъ домѣ собраніе шедевровъ всѣхъ искусствъ и произведенія всѣхъ странъ, а часто даже посреди стужи весенніе сады и цвѣты.

Царское Село—гремадный и печальный замокъ, начатый Анной, законченный Елизаветой, использованный Екатериной и заброшенный

Павломъ. Мѣстоположеніе его болотистое, окрестности пустынны и сады скучны. Памятники, которыми Екатерина ихъ украсила, точно такъ же, какъ ростройки Петербурга, суть эмблема ея характера. Рядомъ съ обелисками, простральными колоннами и тріумфальными арками, воздвигнутыми Орловымъ, Румянцеву и русскимъ воинамъ, которые покорили Архипелагъ и моментально завоевали Лакедемонію, виднѣются могилы, посвященныя нѣсколькимъ излюбленнымъ собачкамъ; недалеко отъ нихъ находится гробница, воздвигнутая ею милѣйшему Ланскому *), самому любимому изъ ея фаворитовъ и единственному, котораго смерть вырвала изъ ея объятій. Вотъ, слѣдовательно, памятники трехъ родовъ различной службы, весьма сближенные другъ съ другомъ! Такимъ образомъ собака, любовникъ и герой, очевидно, для самодержицы совершенно одно и то же. Впрочемъ всѣ памятники славы и любви Екатерины въ скоромъ времени исчезнутъ въ топкихъ болотахъ, которыя служатъ имъ фундаментомъ.

Египтяне, которые заставляли работать побѣжденные народы, и римляне, которые ограбляли всѣ націи, чтобы украсить Римъ, выполнили громадныя работы. Свободные греки отличались вкусомъ и изяществомъ своихъ построекъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ величиною. И Россія была недавно единственнымъ государствомъ, способнымъ предпринять и выполнить эти удивительныя сооруженія, изумляющія насъ въ древнемъ мірѣ, потому что люди здѣсь рабы и цѣнятся не дороже головокъ лука, какъ въ Египтѣ. Такимъ образомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ видите гигантскія зданія. Между тѣмъ нѣтъ даже шоссе, чтобы соединить эти двѣ столицы имперіи, лежащія другъ отъ друга на умѣренномъ разстояніи въ 200 льё. Вотъ еще одинъ изъ мертворождеоныхъ проектовъ Екатерины,—и то, что она начала дѣлать, служитъ лишь къ тому, что загромоздить и сдѣлать эту скучную дорогу еще болѣе неудобной для пользованія. Екатерина предпочитала скорѣе истратить два-три милліона рублей на постройку печальнаго мраморнаго дворца для своего фаворита, нежели проложить дорогу, полезную для своего народа: такая дорога была слишкомъ для нея шаблонной **)

О Екатерина! ослѣпленный твоимъ величіемъ, которое я наблюдалъ вблизи, очарованный твоими благодѣяніями, которыя столькихъ сдѣлали счастливыми, обвороженный тысячью прекрасныхъ качествъ, которымъ въ тебѣ дивишься, я пожелалъ воздвигнуть памятникъ твоей славѣ. Но потоки крови, которые ты пролила, стеклись и его ниспро-

---

*) Александръ Дмитріевичъ Ланской (1754—1784) былъ генералъ-адъютантомъ при Екатеринѣ и не злоупотреблялъ своимъ громаднымъ вліяніемъ. Екатерина любила его съ исключительной страстностью и говорятъ, что благодаря излишествамъ въ любви онъ преждевременно скончался, разстроивъ свой организмъ и здоровье пріемами различныхъ сильно дѣйствующихъ, но вредныхъ возбудительныхъ средствъ. Рѣчь о немъ впереди. (Примѣч. переводч.).

**) Павелъ, очень далекій отъ того, чтобы завершить наиболѣе полезныя работы, начатыя его матерью, какъ-то: кварталы, каналы и дороги, созидаетъ въ свою очередь церкви и дворцы. Ихъ уже больше, чѣмъ нужно бы было лдя того, чтобы вмѣстить всѣ императорскія высочества всего міра и всѣхъ святыхъ рая. Но самые многочисленные памятники, имъ воздвигнутые, это манежи, казармы, гауптвахты и въ особенности сторожевыя будки. Къ счастью, всѣ эти строенія деревянныя и едва ли продержатся долѣе, чѣмъ ихъ основатель. (Примѣч. автора).

вергли. Лязгъ желѣза тридцати милліоновъ твоихъ рабовъ меня оглушилъ, неправосудіе и преступленіе, которыя царствовали отъ твоего имени, привели меня въ негодованіе; я ломаю свое перо и восклицаю: впредь не будетъ больше славы безъ добродѣтели! и пусть преступленіе и неправосудіе на тронѣ доходятъ до потомства только увѣнчанными терніями Немезиды!

ГЛАВА III.

Фавориты.

Екатерина возводитъ ихъ обязанности въ придворную должность. Ея темпераментъ и ея великодушіе въ любви. Ея безстыдство. Водвореніе Зубова. Перечень двѣнадцати заявленныхъ фаворитовъ. Послѣднія безпутства Екатерины. Малый Эрмитажъ: Маленькое ство. Умолчаніе.

Елизавета англійская *), Марія шотландская **), Христина шведская ***), всѣ русскія императрицы и большая часть женщинъ, которыя были госпожами самимъ себѣ, имѣли фаворитовъ или любовниковъ. Вмѣнять имъ это въ преступленіе было бы дѣломъ малоучтиваго риториста. Но одна Екатерина II, осуществляя легенды о царицѣ савской и подчиняя любовь, чувство и стыдливость своего пола повели-

---

*) Елизавета англійская (1533—1603), дочь Генриха VIII отъ второго брака съ Анною Болейнъ. Царствовала 45 лѣтъ и правленіе ея было не безъ славы. Она помогала гугенотамъ и воевала съ Франціей, сокрушила непобѣдимую армаду Филиппа II испанскаго, которому доставила много непріятностей въ Нидерландахъ и Вестъ-Индіи. Въ своей странѣ она преслѣдовала и католиковъ и диссидентовъ, покровительствуя англиканской церкви, и тщетно старалась пріостановить развитіе парламента. Эпоха ея славна громкими именами англійской литературы, во главѣ которыхъ стоятъ Шекспиръ и Фрэнсисъ Бэконъ. Изъ многочисленныхъ ея фаворитовъ извѣстны Вильямъ Сесиль и графъ Эссекъ. (Примѣч. переводч.).

**) Марія Стюартъ (542—1587), дочь Іакова V и Маріи Гизъ, королева Шотландіи. Она выступила соперницей Елизаветы англійской, заявляя притязанія на англійскій престолъ и опираясь на католическую реакцію. Былъ раскрытъ цѣлый рядъ заговоровъ противъ Елизаеты, въ которыхъ Марія была замѣшана и должна была предстать передъ судомъ въ замкѣ Фосерингъ. Приговоромъ верховныхъ судей она была присуждена къ смертной казни и умерла подъ ударомъ палача. Конкурируя съ Елизаветой изъ за короны, Марія соперничала съ нею въ красотѣ и въ распутствѣ. Изъ ея любовниковъ извѣстенъ Ботвелль, удавившій второго мужа Маріи Дарнлея, въ свою очередь убившаго довѣреннаго секретаря своей жены, итальянца Риччіо. (Примѣч. переводч.).

***) Христина-Августа (1626—1689), шведская королева, дочь Августа I Адольфа и Маріи-Элеоноры бранденбургской. Она отличалась прекраснымъ образованіемъ, знала семь языковъ, кромѣ своего родного, въ подлинникахъ читала греческихъ и латинскихъ классиковъ, интересовалась нумизматикой и астрономіей, имѣла свѣдѣнія и по военнымъ вопросамъ, покровительствовала наукамъ и искусствамъ, слывя у придворныхъ льстецовъ «Минервой, Сѣверной Палладой, десятой музой». Роскошь, введенная ею при дворѣ, разорила шведскую казну, и Христина, отрекшись отъ престола, сложила корону въ 1654 г. въ пользу Карла Густава. Принявъ католичество, она переѣхала въ Италію, но своею эксцентричностью смутила папу, удививъ Римъ блескомъ и утонченной культурностью своего двора. Кочуя изъ Рима во Францію и обратно, она послѣ смерти Карла X вернулась въ Стокгольмъ и стала вновь добиваться короны, но не имѣла успѣха и была дважды отвергнута. Оскорбленная холоднымъ пріемомъ, она покинула Швецію навсегда и умерла въ Римѣ. Дѣвственная королева эта имѣла всегда подъ рукою друга сердца, изъ которыхъ выдѣлились Магнусъ-Габріэль де-ла-Гарди и маркизъ Мональдески. (Примѣч. переводч.).

тельнымъ физическимъ потребностямъ, воспользовалась своею властью, чтобы дать міру единственный скандальный примѣръ.

Чтобы удовлетворить свой темпераментъ, она имѣла безстыдство учредить придворную должность съ помѣщеніемъ, аппартаментами, почестями и въ особенности съ опредѣленными обязанностями. И изъ всѣхъ должностей эта должность выполнялась наиболѣе добросовѣстно: краткаго отсутствія, мимолетной болѣзни того, кто ее занималъ, было иной разъ достаточно для того, чтобы его замѣстить. Это была, сверхъ того, должность, по отношенію къ которой августѣйшая государыня обнаруживала наиболѣе выбора и разборчивости. Я думаю, что не было примѣра, когда бы она возвела на нее неспособнаго субъекта, и, исключая междуцарствія въ промежутокъ отъ Ланского до Ермолова, она ни разу не оставляла ее вакантной на двадцать четыре часа.

Двѣнадцать фаворитовъ, заявленныхъ и на дѣйствительной службѣ, слѣдовали другъ за другомъ на этомъ мѣстѣ, сдѣлавшемся первымъ въ государствѣ. Многіе изъ этихъ фаворитовъ, ограничиваясь главною обязанностью, которую оно предписывало, и почти не имѣя другихъ достоинствъ, кромѣ способности хорошо ее выполнять, имѣли мало вліянія внѣ спальной, ванной и будуара. Другіе обнаруживали честолюбіе, смѣлость и въ особенности самоувѣренность, получали громадный вѣсъ или сохраняли власть надъ умомъ Екатерины, послѣ того, какъ потеряли ея сердце или отказались отъ ея интимныхъ милостей. Другіе еще, утомивъ свою любовницу или истративъ свою юность и свое здоровье въ любви и чрезъ любовь къ ней, сохраняли ея благодарность и ея дружбу и, признанные неспособными обслуживать лично государыню, считались еще достойными публично служить имперіи.

Весьма замѣчательная черта характера Екатерины та, что ни одинъ изъ ея фаворитовъ не навлекъ на себя ея ненависти или ея мщенія: между тѣмъ многіе ее оскорбляли и не всегда она покидала ихъ первою. Никого изъ нихъ невидно ни наказаннымъ, ни преслѣдуемымъ: тѣ, которыхъ она лишала милости, уѣзжали въ иностранныя земли выставлять на показъ ея благосклонность и проматывать ея сокровища, потомъ возвращались опять на лоно своего отечества спокойно наслаждаться ея благодѣяніями. Между тѣмъ ихъ ужасная любовница могла бы ихъ уничтожить. Конечно, Екатерина оказалась въ этомъ случаѣ выше всѣхъ имѣвшихъ любовныя связи изъ распутныхъ женщинъ, какія существовали. Величіе ли это души или недостатокъ страсти? Быть можетъ, она имѣла одну потребность и никогда не имѣла любви; быть можетъ, она уважала еще въ своихъ любовникахъ ту благосклонность, которою она ихъ удостоила. Кажется однако, что любовникъ былъ часто для нея только орудіемъ сладострастія, казавшимся ей болѣе удобнымъ, чѣмъ тѣ фаллусы *), которыми пользовались когда то жрицы Цереры **), Кибелы ***), Изиды ****) и даже пре-

*) Изображенія мужского уда. (Примѣч. переводч.).

**) Церера—римская богиня, главною функціей которой была охрана посѣва, почему культъ ея связанъ былъ съ культомъ богини Земли. Въ V в. до Р. Х. въ Римѣ былъ выстроенъ храмъ въ честь Деметры, Діониса и Коры, причемъ главная богиня тріады, Деметра, слилась съ Церерой и жрицы при храмѣ получили названіе Sacerdotes publicae Cereris populi Romani Quiritium. (Прим. переводч.).

святой Маріи. Далекая отъ того, чтобы истреблять ихъ, послѣ того, какъ они отслужили, она предпочитала возводить ихъ въ трофеи своихъ подвиговъ и своихъ удовольствій.

Салтыковъ, Орловъ и Ланской были единственными, которыхъ отняла у нея смерть. Другіе, переживя ея любовь и имѣя возможность изъ-за досады раскрывать ея слабости или ея гнусности, мирно владѣли мѣстами или богатствами, которыя дѣлали ихъ еще предметами зависти для цѣлаго государства. Она довольствовалась одной отставкой Корсакова, котораго она застала даже на своей постели въ объятіяхъ своей фрейлины, и уступкой Мамонова юной соперницѣ. Конечно, вотъ черты, очень необычайныя, очень рѣдкія въ женщинѣ, любовницѣ и императрицѣ. Далеко до этого великодушнаго и благороднаго поведенія поведенію Елизаветы англійской, которая приказывала обезглавливать своихъ фаворитовъ и своихъ соперницъ, и поведенію Христины шведской, которая велѣла убить одного изъ своихъ любовниковъ въ своемъ присутствіи.

Но Екатерина, при всемъ геніи и умѣ, которые она обнаружила, при всемъ приличіи, которое по внѣшности старалась соблюдать, должна была хорошо знать и сильно презирать русскихъ, чтобы осмѣлиться столь часто возвышать до самой себя стольких молодыхъ людей, выхваченныхъ изъ толпы, и предоставлять имъ уваженіе и славословіе цѣлой націи безъ всякихъ другихъ титуловъ, кромѣ тѣхъ, отъ которыхъ ей слѣдовало бы краснѣть. Какъ она могла вообразить, что умѣнье ей нравиться—обозначало вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье управлять? Довольно было для ея любовника поспать съ нею одну ночь, чтобы на слѣдующій день возсѣдать на ея тронѣ бокъ о бокъ съ нею.

Довольно будетъ подробно разсказать, какъ водворенъ былъ въ званіи Зубовъ, послѣдній фаворитъ, чтобы познакомить моихъ негодующихъ читателей съ тѣмъ, какимъ образомъ это происходило и какъ Екатерина позорила свой возрастъ, свой полъ и свое положеніе.

Платонъ Зубовъ *) былъ молодой поручикъ конной гвардіи, покровительствуемый Николаемъ Салтыковымъ, которому онъ былъ отдаленнымъ родственникомъ и другъ котораго, снабдившій меня частью этихъ записокъ, былъ тогда флигель-адъютантомъ. Въ качествѣ таковаго, онъ часто находился на мѣстахъ рядомъ съ Зубовымъ и даже добивался этого преимущества за столомъ. Зубовъ очень хорошо говорилъ по-французски, имѣлъ нѣкоторое воспитаніе, обнаруживалъ гибкій и образованный умъ, разсуждалъ немного о литературѣ и занимался музыкой. Онъ былъ средняго роста, но гибокъ, нервенъ и

***) Кибела—первоначально ассирійская богиня, олицетвореніе матери-природы почитавшаяся въ Малой Азіи, потомъ присвоена была континентомъ, гдѣ въ Аѳинахъ соорудили ей храмъ, отождествивъ съ матерью Зевса Реею. Культъ ея былъ въ 204 г. до Р. Х. перенесенъ и въ Римъ, сдѣлавшись государственнымъ, а сама Кибела получила имя Великой Матери. (Примѣч. переводч.).

****) Изида—древне-египетская богиня Исетъ, культъ которой распространился по Европѣ, какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи. Въ послѣднюю онъ проникъ еще въ III в. до Р. Х. и въ виду своей безнравственности не разъ запрещался, но въ концѣ концовъ восторжествовалъ. (Примѣч. переводч.).

*) Это имя заставляло придворныхъ говорить, что Екатерина кончила платоническую любовью. (Примѣч. автора).

хорошо сложенъ. Лобъ у него былъ высокій и умный, красивые глаза и его лицо совсѣмъ не имѣло еще этого натянутаго, холоднаго и тщеславнаго вида, какой у него замѣчался впослѣдствіи. Когда весною 1789 года Екатерина поѣхала въ Царское Село, онъ хлопоталъ передъ своимъ покровителемъ о милости быть назначеннымъ для командованія отрядомъ, сопровождавшимъ ее, и, получивъ ее, обѣдалъ съ Екатериной. Едва дворъ прибылъ, какъ разразился разрывъ съ Мамоновымъ: этотъ фаворитъ былъ обвѣнчанъ и отосланъ, Зубовъ только одинъ изъ молодыхъ офицеровъ находился на глазахъ, и кажется, что именно этому счастливому для него обстоятельству больше, чѣмъ обдуманному выбору Екатерины, обязанъ онъ своимъ предпочтеніемъ. За отсутствіемъ Потемкина, Николай Салтыковъ, бывшій тогда въ большомъ почетѣ, ввелъ и помогъ молодому Зубову съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что надѣялся заручиться опорой противъ надменнаго Потемкина, который только одинъ пренебрегалъ при дворѣ. Послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ въ присутствіи учителя *) Зубовъ былъ одобренъ и направленъ для болѣе пространнаго разслѣдованія къ mademoiselle Протасовой и къ лейбъ-медику **). Отчетъ, который они сдѣлали, должно быть, былъ выгоденъ: онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, получилъ въ подарокъ сто тысячъ рублей на заготовку сорочекъ и былъ помѣщенъ въ аппартаменты фаворитовъ со всѣми обычными выгодами. На слѣдующій день этого молодого человѣка увидали фамильярно подававшимъ руку своей государынѣ, въ большой шляпѣ съ плюмажомъ на головѣ, облаченнымъ въ свой новый мундиръ, въ сопровожденіи своего покровителя и другихъ вельможъ имперіи, шествовавшихъ позади его со снятыми шляпами. Наканунѣ онъ толкался у нихъ въ переднихъ.

Вечеромъ, послѣ игры, Екатерина обычно отпускала свой дворъ и входила въ свою спальную, сопровождаемая однимъ своимъ фаворитомъ; иногда присутствовали ея сынъ и ея внуки. Вотъ какимъ образомъ она безнаказанно оскорбляла свой дворъ и становилась презираемою тѣми, которые должны были ее уважать.

На слѣдующій день старые генералы, прежніе министры наполняли пріемныя новаго божка и все передъ нимъ распростиралось. Это былъ геній, котораго разглядѣлъ проницательный глазъ Екатерины. Сокровища имперіи были ему расточаемы, и ничто не могло сравняться съ безстыдствомъ Екатерины, кромѣ низости и позорной угодливости ея придворныхъ ***).

Быть можетъ, будетъ любопытно прочитать здѣсь послѣдовательный перечень главныхъ фаворитовъ, которыхъ имѣла Екатерина и которые болѣе или менѣе царствовали надъ Россіей отъ имени своей августѣйшей любовницы.

---

*) Онъ былъ гувернеромъ великихъ князей и министромъ военныхъ дѣлъ. (Примѣч. автора).

**) Фрейлину Протасову согласно ея обязанностей называли испытательницей. Лейбъ-медикомъ былъ тогда Рожерсонъ. (Примѣч. автора).

***) Зубовъ, охотясь однажды, остановился со своей свитой на дорогѣ, которая ведетъ изъ Петербурга въ Царское Село. Придворные, которые ѣхали ко двору, курьеры, почта, всѣ кареты и всѣ крестьяне были остановлены; никто не смѣлъ пройти до тѣхъ поръ, пока молодой человѣкъ не нашелъ своевременнымъ оставить дорогу. А онъ оставался тамъ болѣе часу, чтобы дождаться зайца. (Прим. автора).

Сергѣй Салтыковъ *)

былъ первымъ и утверждаютъ даже, что онъ получилъ первыя ласки Екатерины, еще великой княгини, потому что физіологическое препятствіе помѣшало сорвать ихъ Петру III. Онъ слыветъ въ Россіи за истиннаго отца Павла. Любимый и счастливый Салтыковъ сдѣлался несдержаннымъ и сталъ ревновать. Елизаветапочетнымъ образомъ удалила его отъ двора и онъ умеръ въ изгнаніи.

Салтыковъ имѣлъ умъ, всѣ приманки и все тщеславіе молодого русскаго вельможи. Онъ былъ единственнымъ фаворитомъ, котораго Екатерина выбрала изъ знатной фамиліи. Ея политика тогда еще не руководила ея сердцемъ.

Станиславъ Понятовскій **)

скоро заставилъ его забыть. Онъ былъ тогда польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Красивый, учтивый и умный. онъ понравился юной Екатеринѣ, которая въ скоромъ времени назначила ему свиданіе, гдѣ онъ былъ осчастливленъ. Петръ III смущалъ ихъ иной разъ, хотя онъ мало былъ ревнивъ и предпочиталъ свою трубку, свою бутылку, своихъ солдатъ и свою любовницу ***) своей достойной любви женѣ. Извѣстно, какъ Екатерина, сдѣлавшись императрицей, заставила дать польскую корону своему любовнику. Его злополучное царствованіе доказало, что когда любовь даетъ корону, она столь же бываетъ слѣпа, какъ фаворъ, распредѣляя должности и власть. Станиславъ былъ самымъ любезнымъ изъ людей и самымъ ничтожнымъ изъ королей. Какимъ образомъ столь малодушный человѣкъ могъ на одно мгновеніе завладѣть уваженіемъ Европы? И однако кто имъ не восхищался? Какое противорѣчіе между его чувствами его рѣчами и его поведеніемъ!. На послѣднемъ сеймѣ генеральный нунцій Комаръ, видя его колебанія, сказалъ ему публично: Какъ, государь! Развѣ вы ужъ больше не тотъ самый, что подписывая конституцію 3-го мая, говорилъ намъ: „Пусть отсохнетъ моя рука скорѣе, чѣмъ подписать всякій противоположный актъ? Вся Европа обвиняетъ васъ въ томъ, что вы только король Екатерины. Докажите же ей, по крайней мѣрѣ, что вы коронованы, показавъ ей, что вы умѣете цар-

---

*) Салтыковъ Сергѣй Петровичъ, молодой красивый камергеръ двора Елизаветы, обратилъ на себя вниманіе скучавшей съ Петромъ III Екетерины и былъ удаленъ императрицей-теткой подальше отъ грѣха. Нуждаясь въ наслѣдникѣ престола, послѣ провала у великой княгини для подобнаго амплуа Чоглокова, Елизавета снова вернула Салтыкова къ малому двору. Сблизясь съ Екатериною, Салтыковъ, послѣ зачатія Павла, уѣхалъ въ Швецію и послѣ роли уже не игралъ. (Прим. переводч.).

**) Станиславъ-Августъ Понятовскій (1732—1798), сынъ мазовецкаго воеводы Станислава Понятовскаго и Констанціи Чарторыйской, послѣ смерти Августа III, посаженный на престолъ Польши Екатериною въ 1764 г. и бывшій послѣднимъ королемъ Рѣчи Посполитой. На государственное поприще выступилъ въ 1752 г. красивой рѣчью на сеймѣ, въ 1753 г. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ велъ роскошную и распущенную жизнь, и оттуда назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургѣ. Роль его, какъ короля, была плачевна и жалка. Онъ не смѣлъ противодѣйствовать Екатеринѣ и пережилъ всѣ три раздѣла своего королевства, окончательно утратившаго самостоятельность. Въ 1795 г. онъ, по требованію Россіи, отрекся отъ престола въ Гродно и остатокъ дней прожилъ, окруженный роскошью, въ Петербургѣ. (Прим. переводч.).

***) Елизавета Романовна Воронцова, сестра извѣстной сотрудницы Екатерины Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой. (Примѣч. переводч.).

ствовать *). И однако недостойный Станиславъ подписалъ, спустя нѣсколько дней, согласіе, которое во второй разъ расчленяло Польшу и которымъ онъ формально признавался, что былъ только крамольникомъ и бунтаремъ, утверждая разумную конституцію, дававшую ему, какъ королю, больше авторитета и обѣщавшую его націи больше свободы и почета **). Если бы въ эту эпоху онъ, по крайней мѣрѣ, сложилъ съ себя достоинство, которое безчестилъ, онъ возбудилъ бы интересъ, но онъ внушилъ только презрѣніе. Онъ не сумѣлъ ни быть королемъ, ни перестать имъ быть. Онъ не имѣлъ даже здраваго ума и гордости Арлекина ***), который, когда у него силою хотятъ вырвать

---

*) Этотъ честный полякъ былъ запальчиво прерванъ въ серединѣ этой рѣчи и сбитъ русскими приспѣшниками Ротесфельдомъ и Пистором, достойною парою варваговъ Кречетникова и Каховскаго. Боже, какія имена! Тѣ, которые ихъ носили, были еще чуднѣе. И вотъ эти-то два человѣка завоевали въ своемъ походѣ Польшу и ниспровергли конституцію 3-го мая, которую, повидимому, защищала вся нація! Костюшко! гдѣ ты былъ тогда? (Прим. автора).

**) Онъ подписалъ его однако не безъ сопротивленія. Онъ отвѣтилъ Сиверсу, который требовалъ, чтобы онъ отправился въ Гродно и самъ сталъ во главѣ конфедераціи: „Никогда я не сдѣлаю такой низости. Пусть императрица возьметъ обратно свою корону, пусть она сошлетъ меня въ Сибирь, или заставитъ меня уйти изъ моего королевства пѣшкомъ и съ палкою въ рукѣ, но я себя не обезчещу“. Его заперли, его заставили голодать, ему угрожали и онъ всталъ во главѣ конфедераціи. Полковникъ Штакельбергъ, племянникъ Игельстрёма, былъ тѣмъ лицомъ, которое въ концѣ концовъ поднесло ему договоръ о раздѣлѣ. Станиславъ заплакалъ, читая его. „Милостивый государь, милостивый государь, сжальтесь надо мной! Пусть не заставляютъ меня подписываться подъ своимъ позоромъ!“. Штакельбергъ сказалъ ему что послѣ такого жертвоприношенія онъ можетъ наслаждаться счастливою и покойною старостью; онъ вытеръ свои слезы и отвѣтилъ: „Ну, хорошо! буду надѣяться“. Но когда вошла его племянница, онъ снова сталъ вмѣстѣ съ нею заливаться горючими слезами. (Примѣч. автора).

Сиверсъ Яковъ Екимовичъ, графъ, (1731—1808) одинъ изъ наиболѣе передовыхъ дѣятелей Екатерининской эпохи. Назначенный въ 1764 г. новгородскимъ губернаторомъ, онъ немедленно составилъ докладную записку, требуя улучшеній, немедленнаго размежеванія земель, мѣръ по охраненію лѣсовъ и учрежденія сельско-хозяйственнаго общества. Многіе изъ проектовъ, составленныхъ имъ въ это же время, были приняты Екатериною, войдя въ губернаторскія инструкціи и въ полное собраніе законовъ. Онъ удѣлялъ много вниманія положенію крѣпостныхъ крестьянъ, а также воднымъ путямъ сообщенія. Между прочимъ имъ проведенъ каналъ между Волховомъ и Мстою, названный при Александрѣ I Сиверсовымъ. Въ 1789 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу и второй раздѣлъ ея былъ въ значительной степени дѣломъ его рукъ. При Павлѣ онъ былъ назначенъ сенаторомъ и получилъ управленіе водяныхъ коммуникацій

Осипъ Андреевичъ Игельстрёмъ, баронъ, а потомъ графъ и генералъ-отъ-инфантеріи, умеръ въ 1817 г. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Потемкинымъ и своею карьерою отчасти обязанъ ему. Онъ былъ генералъ-губернаторомъ сибирскимъ и уфимскимъ, намѣстникомъ псковскимъ, генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, черниговскимъ и новгородъ-сѣверскимъ, военнымъ губернаторомъ оренбургскимъ. Съ конца 1792 г. по 1794 г. онъ былъ главнокомандующимъ русскими войсками, стоявшими въ Польшѣ и едва спасся при вспыхнувшемъ возстаніи. (Прим. переводч.).

***) Арлекинъ—названіе одной изъ масокъ итальянскаго національнаго театра, такъ называемой comedia dell'arte. Происхожденіе Арлекина ведетъ въ глубь вѣковъ, къ миѳамъ древняго Рима. Тѣмъ не менѣе многіе производятъ это имя отъ тосканскаго деревенскаго священника Джіованни Арлетто, а другіе склонны думать, что оно ведетъ свое начало отъ забавнаго барабанщика Петра Арлея изъ Прованса. Какъ бы тамъ ни было, шутовская роль Арлекина сдѣлалась чрезвычайно популярной не только въ Италіи, но и во Франціи, и въ Германіи. Въ половинѣ XVIII вѣка знаменитый актеръ Карлино производилъ въ этой роли чрезвычайнѣйшій фуроръ.

(Примѣч. переводч.).

его беретъ и онъ не можетъ болѣе его защищать, бросаетъ его на землю со словами: „На-те, возьмите, вотъ онъ". Онъ предпочелъ влачить свою старость въ позорѣ и пріѣхать въ Петербургъ умереть въ униженіи *).

Изъ всѣхъ фаворитовъ Екатерины Понятовскій былъ единственнымъ, котораго ей нравилось унижать, послѣ того, какъ она его возвысила. Лойяльность и патріотизмъ, которые, казалось, на минуту побѣдили въ сердцѣ короля его благодарность и подчиненіе, были въ глазахъ гордой царицы преступленіемъ. Она была снисходительна въ любви, но неумолима въ политикѣ, потому что гордость была самою сильною ея страстью и любовница въ ней всегда была порабощена императрицей.

Григорій Орловъ **),

фаворъ котораго былъ столь долгимъ и столь блестящимъ и исторія котораго столь существенно связана съ исторіей Екатерины, повидимому, раздѣлялъ съ нею тронъ, куда онъ ее поставилъ ***). Онъ соединялъ всю власть и все почести, которыя послѣ того видѣли украшавшими Потемкина и обременившими Зубова. Онъ имѣлъ много величія и характера, которые первый обнаружилъ. Хотя онъ былъ молодъ и силенъ, братъ его Алексѣй, ****) по силѣ Геркулесъ и тѣлосложенію Голіафъ, былъ его сотоварищемъ въ его спеціальныхъ

---

*) При одной изъ тѣхъ придворныхъ церемоній, въ которыхъ Павлу нравилось чваниться со скиптромъ въ рукѣ, съ короною на головѣ, съ императорскою мантіей на спинѣ, какъ изображаютъ іудейскихъ царей на старыхъ картинахъ, сопровождавшій его Станиславъ, подавленный старостью и усталостью, былъ принужденъ присѣсть въ уголкѣ, тогда какъ Павелъ заставлялъ цѣловать свою руку 300 или 400 придворныхъ рабовъ. Онъ замѣтилъ, что старый король сидѣлъ во время этой высочайшей церемоніи, и послалъ флигель-адъютанта съ приказомъ ему встать.
(Примѣч. автора).

**) Графъ и князь Римской имперіи Григорій Григорьевичъ Орловъ (1735—1783) сыгралъ виднѣйшую роль въ дѣлѣ переворота 1762 г., устранившаго съ престола Петра III и доставившаго его Екатеринѣ. Онъ былъ за это возведенъ въ графское достоинство и назначенъ генералъ-адъютантомъ, генералъ-аншефомъ, генералъ-директоромъ инженерныхъ войскъ и генералъ-фельдцехмейстеромъ. Блестящими государственными дарованіями онъ не отличался, но былъ полезнымъ совѣтникомъ императрицы, всегда чуткимъ къ вопросу дня и гуманнымъ по натурѣ. Во всѣхъ примѣчательныхъ начинаніяхъ перваго періода ея царствованія онъ былъ непремѣннымъ участникомъ. Горячій заступникъ за крестьянъ, онъ на первыхъ же порахъ основалъ вмѣстѣ съ другими сначала патріотическое, потомъ экономическое, наконецъ, вольное экономическое общество, взявъ на себя первоначальные расходы и предсѣдательство, и емуже, одному изъ первыхъ, принадлежитъ мысль объ освобожденіи грековъ, изъ турецкой неволи. Къ 1771 г. онъ уже прискучилъ императрицѣ и она послала его бороться съ чумою въ Москву, быть можетъ, въ надеждѣ, что онъ сдѣлается жертвою эпидеміи. Утративъ милости Екатерины, онъ женился на Зиновьевой и уѣхалъ заграницу. Искусство, науки ихъ жрецы находили въ немъ своего покровителя. Конецъ его былъ печаленъ, какъ объ этомъ разсказано и въ запискахъ Массона. (Примѣч перевод)·

***). Если въ этихъ мемуарахъ не говорится больше о переворотѣ 1762 г., то потому, что Европа достаточно о немъ освѣдомлена изъ исторіи, составленной г-номъ Рюльеромъ, и вполнѣ соотвѣтствующей тому, что въ настоящее время знаетъ и чему вѣритъ весь свѣтъ. Много разъ я слышалъ въ Россіи подробности о немъ отъ людей, бывшихъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. И онѣ были почти тѣми самыми, о какихъ я давно читалъ у Рюльера. (Прим. авт.)

****). Этотъ Алексѣй Орловъ былъ вмѣстѣ съ Пассекомъ и Барятенскимъ однимъ изъ убійцъ Петра III. Онъ прославился потомъ своей экспедиціей въ Архипелагъ и въ особенности битвою при Чесмѣ, отъ которой онъ получилъ свое прозвище Чес-

обязанностяхъ у ненасытной Екатерины, тогда находившейся въ полномъ расцвѣтѣ силы и возраста. Она имѣла отъ Григорія признанаго сына, названнаго Василіемъ Григорьевичемъ Бобринскимъ*), котораго она велѣла воспитывать въ кадетскомъ корпусѣ и воспитателемъ котораго сдѣлался адмиралъ Рибасъ **), въ то время инспекторъ этого корпуса. Двѣ красивыя фрейлены, которыхъ Протасова, главная горничная, воспитала, какъ, своихъ племянницъ, также слывутъ за дочерей Екатерины и Орлова. Именно для этого знаменитаго фаворита она приказала выстроить печальный мраморный дворецъ, гдѣ она съ безстыдствомъ повелѣла высѣчь такую надпись: „Въ знакъ благодарной дружбы". Она заставила также выбить въ его честь большую медаль по случаю путешествія, совершеннаго имъ въ Москву съ цѣлью водворить тамъ порядокъ и изгнать оттуда чуму. Онъ воспроизведенъ здѣсь въ образѣ Курція, ***) низвергающагося въ бездну, съ слѣдующею надписью:

„И Россія также рождаетъ такихъ дѣтей". Но, бросаясь не въ эту****) вотъ пропасть, онъ наилучшимъ образомъ заслужилъ передъ Екатериной. Замокъ Гатчина, въ которомъ обитаетъ теперь Павелъ, еще одинъ памятникъ князя Орлова. Двѣнадцать лѣтъ радостей и величія этого любовника утомили, наконецъ, его государыню, утвердившуюся на тронѣ и, послѣ долгаго спора, имъ завладѣлъ, Потемкинъ, Торжество соперника и непостоянство Екатерины, которую онъ громко назвалъ неблагодарной, произвели на него такое дейстіе, что онъ,

---

менскій. Безчестное похищеніе дочери императрицы Елизаветы, совершенное въ Италіи, дѣвушки, которую Екатерина, безъ сомнѣнія, принесла въ жертву, какъ и Ивана, довершаетъ его портретъ, дѣлая его ненавистнымъ и гнуснымъ вопреки завоеваннымъ лаврамъ. Потомъ увидимъ, какому лишенію подвергъ Павелъ убійцу своего отца. Онъ въ настоящее время изгнанъ въ Германію, гдѣ тщетно добивается роскошью и издержками завоевать уваженіе. Отъ него бѣгутъ, отъ него отвертываются, какъ отъ одного изъ тѣхъ чудовищъ, которое внушаетъ ужасъ. (Примеч. авт.)

---

*) Алексей Григорьевичъ Бобринскій, родившійся 11 апрѣля 1762 г. и умершій въ 1803 г. Въ графское достоинство онъ былъ возведенъ Павломъ и сдѣлался родоначальникомъ теперешнихъ магнатовъ, женившись на боронессѣ Унгеръ Штернбергъ.

Этотъ Бобринскій лицомъ очень похожъ на свою мать, и кто видитъ изображеніе Екатерины на рублѣ, видитъ лнцо ея сына. Онъ отличился безчинствами и безпутствами всякого рода, хотя у него есть умъ и образованіе. Онъ былъ сосланъ въ Японію, но братъ его Павелъ, послѣ воцаренія, вызвалъ его и сдѣлалъ мойоромъ конной гвардіи; черезъ нѣкоторое время впрочемъ онъ лишился его милости.

(Примѣч. переводч.)

**) Дерибасъ Осипъ Михайловичъ. (см. выше).

***) Маркъ Курцій, герой римскаго преданія, согласно съ которымъ онъ пожертвовалъ собою въ 362 г. до Р. Х. для спасенія Рима отъ опасности, грозившей вѣчному городу вслѣдствіе страшной трещины, образовавшейся на форумѣ. Въ полномъ вооруженіи и на конѣ Курцій бросился въ пропасть со словами: „Нѣтъ въ Римѣ блага, кромѣ оружія и храбрости" и трещина закрылась. (Прим перевод).

****). Я видѣлъ очень забавный рисунокъ. Екатерина Великая, стоя одной ногой въ Варшавѣ, а другой на Константинополѣ, накрыла всѣхъ государей Европы своими широкими юбками, какъ шатромъ. А эти государи, поднявши глаза и разинувъ ротъ, удивляются на лучистую звѣзду, образующую центръ. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ свое восклицаніе, соотвѣтственное его положенію и его чувствамъ. Папа восклицаетъ: „Ахъ Іисусе! какая бездна погибели!" Король польскій:—„Это я, да, я содѣйствовалъ ея увеличенію"! и пр. и пр. (Примѣч. автора.)

наконецъ, потерялъ здоровье и разумъ. Гордый, могущественный, блестящій Орловъ умеръ въ ужасномъ безуміи, пачкая лицо своими экскрементами, которыми онъ питался, какъ другой Іезекіель. Многіе утверждають, что Потемкинъ отравилъ его травою, дѣйствіе которой состоитъ въ причиненіи сумасшествія и которую русскіе называютъ „пьяная трава".

Васильчиковъ, *).

котораго провелъ Панинъ во время отсутствія Орлова, заполнялъ промежутки, имѣвшіе мѣсто между двумя гордыми соперниками. Онъ былъ только орудіемъ наслажденій для Екатерины.

Потемкинъ.

Онъ въ одинъ прекрасный день достигъ того, что смѣло завладѣлъ аппартаментами своего предшественника и засвидѣтельствовалъ свою побѣду, сдѣлавшись такимъ образомъ хозяиномъ на полѣ брани, которое у него долгое время оспаривали. Его страстность, его смѣлость, колосальное сложеніе очаровали Екатерину. Онъ былъ единственнымъ изъ ея фаворитовъ, который самъ осмѣлился сдѣлаться ея любовникомъ и пощадилъ ее отъ авансовъ, которые она всегда принуждена была дѣлать: повидимому даже, онъ истинно и романтически былъ влюбленъ. **) Онъ обожалъ свою государыню сначала, какъ любовницу, и нѣжно любилъ впослѣдствіи, какъ свою славу. Эти два великихъ характера казались созданными другъ для друга: они другъ друга любили, они другъ друга еще уважали, переставъ быть любовниками; и политика и честолюбіе ихъ связывали, когда любовь ихъ освободила уже отъ узъ.

Я предоставлю путешественникамъ заботу подробно разсказывать о пышности его праздниковъ, о варварской роскоши его дома, о цѣнности его бриліантовъ, а нѣмецкимъ писакамъ заботу повѣствовать, сколько имѣлъ онъ банковыхъ билетовъ въ переплетахъ вмѣсто книгъ въ своей библіотекѣ и сколько онъ платилъ за вишни, блюдо которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе преподносить своей августѣйшей

---

*) Александръ Владимировичъ Васильчиковъ былъ въ полной мѣрѣ зауряднѣйшимъ человѣкомъ. Женственно-красивый юноша онъ отличался необыкновенно кроткимъ и пассивнымъ нравомъ и полнымъ отвращеніемъ къ государственнымъ дѣламъ; его занятіями были женскія рукадѣлія. (Прим. перевод.)

**). Отъ него существуетъ одна русская пѣснь, которая начинается словами, „Какъ скоро я тебя увидѣлъ" и пр. и которую онъ сочинилъ въ первый періодъ своей страсти. Она дышитъ чувствомъ и заслуживаетъ перевода. Вотъ то, что я помню. Какъ скоро я тебя увидѣлъ, я мыслью только о тебѣ одной. Твои прекрасные глаза меня плѣнили и я трепещу отъ желанія сказать о своей любви. Любовь безразлично покоряетъ всѣ сердца и вмѣстѣ съ цвѣтами она ихъ заковываетъ въ цѣпи. Но, о боги! какая мука любить ту, которой я не смѣю объ этомъ сказать, ту которая никогда не можетъ быть моей! Жестокое небо! Зачѣмъ ты создало ее столь прекрасной? или зачѣмъ ты создало ее столь великой?. Зачѣмъ желаешь ты, чтобы ее, только одну ее я могъ любить? Ее, священное имя которой никогда не сойдетъ съ моихъ устъ, а прелестный образъ изъ моего сердца. (Прим. авт.)

государынѣ всѣ первые дни каждаго года; или сколько стоила уха изъ стерлядей, которая была его любимымъ блюдомъ; или какъ онъ посылалъ курьера за нѣсколько льє для доставки арбуза либо букета своимъ наложницамъ. *) Тѣ, которые пожелаютъ видѣть его характерный портретъ, найдутъ его превосходно нарисованнымъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія Екатерины II.“ Подробности же о политической жизни Потемкина завели бы меня слишкомъ далеко. Одинъ изъ моихъ друзей, кромѣ того, который сопровождалъ его въ его походахъ, занимается этимъ въ данный моментъ и болѣе, чѣмъ я, въ состояніи удовлетворить любопытство объ этомъ необычайномъ человѣкѣ.

Онъ создавалъ или разрушалъ, или все баламутилъ, но он оживотворялъ. Во время его отсутствія говорили только о немъ, въ его присутствіи видѣли только его одного. Вельможи, которые его ненавидѣли и которые играли нѣкоторую роль, когда онъ былъ въ арміи, при видѣ его, казалось, уходили подъ землю и уничтожались передъ нимъ. Принцъ де-Линь, который писалъ ему льстивыя **) письма, говорилъ: „Въ этомъ характерѣ есть гигантское, романтическое и варварское“. И это правда. Его смерть оставила громадную пустоту въ городѣ и эта смерть была такъ же необычайна, какъ его жизнь. Онъ провелъ около года въ Петербургѣ, предаваясь всевозможнымъ удовольствіямъ, даже оргіямъ, забывая о своей славѣ, и выставлялъ свои богатства и силу съ оскорбительнымъ чванствомъ. Онъ принималъ самыхъ знатныхъ вельможъ имперіи, какъ своихъ лакеевъ, едва удостаивалъ замѣчать маленькаго Павла и нѣсколько разъ приходилъ въ аппартаменты Екатерины съ обнаженными ногами, съ растрепанными волосами и въ халатѣ. Старый Репнинъ воспользовался его

---

*). Въ свитѣ Потемкина былъ старшій офицеръ, по фамиліи Бауеръ, котораго онъ посылалъ то въ Парижъ за танцовщикомъ, то въ Астрахань за арбузомъ, то въ Польшу отвезти приказаніе своимъ арендаторамъ, или въ Петербургъ съ донесеніями Екатеринѣ, или въ Крымъ для сбора винограда и пр. и пр. Этотъ офицеръ, проведшій свою жизнь. такимъ образомъ въ разъѣздахъ на почтовыхъ, попросилъ для себя эпитафію на тотъ случай, если онъ сломитъ себѣ шею. Одинъ изъ его друзей написалъ слѣдующую: „Здѣсь Бауеръ.

Лежитъ онъ подъ плитою сей:
Ямщикъ, гони скорѣй!“ (Примѣч. авт.)

**). Въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое принцъ распространилъ изъ тщеславія, онъ сказалъ ему: „Вы дѣлаете своей августѣйшей и любезной государынѣ болѣе любезностей, чѣмъ всѣ придворные Людовика XII вмѣстѣ могли сдѣлать своему королю“. Чортъ возми! я этому очень вѣрю. Хотя Людовикъ XII и сдѣлался виновнымъ во многихъ слабостяхъ, но его никогда на упрекали въ содомскомъ грѣхѣ. Если принять эту фразу въ другомъ смыслѣ, принцъ былъ опять не правъ Извѣстно, что герцогъ де-Хейльадъ воздвигъ на свои средства великолѣпную статую своему господину. Потемкинъ никогда ничего не сдѣлалъ для Екатерины, что подходило бы къ этой вотъ любезности (Примѣч. автора.)

Принцъ де-Линъ, Шарль-Жозефъ (1735 — 1814), происходилъ изъ знатной бельгійской фамиліи. Свою родину онъ въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ для службы въ французскихъ войскахъ, но въ 1752 г. перешелъ въ Австрію и принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ. Онъ принималъ участіе, вакъ командиръ авангарда арміи Лаутона и въ войнѣ за баварское наслѣдство 1778 г. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ 1782 г. съ важными порученіями къ Екатеринѣ и заслужилъ ея благосклонность. Во время осады Очакова онъ находился при Потемкинѣ, къ войскамъ котораго прибылъ въ 1788 г. Де-Линъ былъ извѣстенъ и своими сочиненіями, главныя изъ которыхъ: „Смѣсь военно-литературно-сентиментальныхъ фактовъ“, Посмертныя произведенія „Жизнь принца Евгенія Савойскаго“ (Примѣч. переводч.)

отсутствіемъ изъ арміи, чтобы бить турокъ и принудить ихъ просить мира, и въ два мѣсяца сдѣлалъ больше, чѣмъ Потемкинъ въ три года. Этотъ послѣдній, желая затянуть войну, пробуждается отъ этихъ извѣстій и уѣзжаетъ. *) Но онъ носилъ уже смерть въ своей крови. Прибывши въ Яссы, которыя съ давнихъ поръ были его генеральнымъ штабомъ или, вѣрнѣе, его столицей и его дворомъ, онъ сталъ трезвъ, меланхоличенъ, снѣдаемъ безпокойствомъ, нетерпѣливъ по отношенію къ своей болѣзни. Онъ хотѣлъ поспорить съ нею и побѣдить ее своимъ желѣзнымъ темпераментомъ. Онъ смѣялся надъ своими медиками, ѣлъ солонину и сырую рѣпу. Болѣзнь его усиливается. Онъ хочетъ переправиться въ Очаковъ, свое дорогое завоеваніе. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько верстъ, какъ воздухъ въ каретѣ, повидимому, его душитъ. Разстилаютъ его плащъ на краю дороги, его кладутъ сверху, и онъ испускаетъ духъ на рукахъ своей племянницы Браницкой, которая его сопровождала. Екатерина, при извѣстіи объ его смерти, три раза падала въ обморокъ; нужно было сдѣлать ей кровопусканіе; ее считали умирающей; она обнаруживала почти ту же самую скорбь, какъ и послѣ смерти Ланского. Но она потеряла уже не любовника, это былъ другъ, геній котораго былъ тождественъ съ ея собственнымъ, на котораго она смотрѣла, какъ на опору своего трона и исполнителя своихъ обширныхъ проектовъ. Екатерина, сидѣвшая на захваченномъ силою тронѣ, ненавидимая своимъ сыномъ, была женщина—и робкая. Она привыкла видѣть въ Потемкинѣ покровителя, благосостояніе и слава котораго были такъ тѣсно связаны съ ея собственнымъ. Она показалась сама себѣ вновь на положеніи иностранки, она начала бояться своего сына и въ это-то именно время она оперлась на своего внука Александра, выходившаго изъ дѣтства, и стала его противопоставлять его отцу.

Какой контрастъ, какой урокъ предлагаетъ смерть трехъ самыхъ великихъ лицъ Россіи! Орловъ, который одиннадцать лѣтъ царствовалъ рядомъ съ Екатериною, раздѣлялъ съ нею тронъ и постель, кончаетъ тѣмъ, что питается своими экскрементами и умираетъ въ жалкомъ безуміи. Потемкинъ, могущественный, великолѣпный Потемкинъ, основатель столкихъ городовъ и дворцовъ, завоеватель царствъ, испускаетъ духъ на большой дорогѣ. И сама Екатерина падаетъ съ своего стульчика и отдаетъ духъ на полу, испуская жалобный крикъ.

Богатства Потемкина были преувеличены. Они не приближались къ богатствамъ Меньшивикова **) и въ особенности къ тѣмъ, какія

---

*). Его встрѣча съ Репнинымъ представляла занимательную сцену „какъ, сказалъ онъ ему: будучи ничтожнымъ слушателемъ Мартэна (Репнинъ былъ равностнымъ апостоломъ мартинизьма), осмѣлился ты въ мое отсутствіе предопринять столько вещей. Кто давалъ тебѣ на это приказанія?" Репнинъ возмущенный, наконецъ, этимъ обращеніемъ и расхрабрившійся отъ своихъ успѣховъ, посмѣлъ на этотъ разъ показать передъ нимъ твердость. „Я служилъ своей родинѣ, сказалъ онъ: моя голова не въ твоей власти, а ты діаволъ, котораго я больше не боюсь". Сказавши эти слова, онъ вышелъ, съ бѣшенствомъ захлопнувши дверь передъ Потемкиномъ, слѣдовавшимъ за нимъ съ поднятыми кулаками. Малаго недоставало, что бы два героя Россіи вцѣпились другъ другу въ волоса. (Примѣч. автора).

**) Князь Александръ Даниловичъ Меньшевиковъ (1670 или 1673—1729), знаменитый фаворитъ Петра I и Екатерины I, открывшій собою періодъ временщиковъ. Умеръ въ ссылкѣ въ Березовѣ. (Примѣч. перевод.)

собралъ презрѣнный Биронъ. *) Даже послѣднiй фаворитъ (Зубовъ) владѣетъ болѣе значительными. Потемкинъ, правда черпалъ непосредственно изъ государственныхъ кассъ, но онъ такъ же много расходовалъ на государство и являлся столько же великимъ государемъ Россiи, сколько любовникомъ Екатерины. Зубовъ, какъ и онъ, черпалъ изъ общественныхъ сокровищъ и никогда не истратилъ ни рубля для общества.

Потемкина отъ всѣхъ его коллегъ отличаетъ то, что, потерявши и сердце Екатерины, онъ не потерялъ ея довѣрiя. Когда честолюбiе замѣнило у него любовь, онъ сохранилъ все свое влiянiе и именно онъ доставлялъ новыхъ любовниковъ своей прежней наложницѣ. Всѣ фавориты, которые за нимъ послѣдовали, были ему подчинены.

Завадскiй,

былъ тотъ, котораго онъ представилъ Екатеринѣ для исполненiя физiологическихъ отправленiй, когда они были оба утомлены совмѣстнымъ упражненiемъ въ нихъ. Онъ былъ молодъ, силенъ, хорошо сложенъ. Но склонность, какую къ нему питали, скоро прошла. Онъ былъ секретаремъ. Его немилость не сопровождалась никакимъ шумомъ: онъ остался при кабинетскихъ дѣлахъ и былъ сдѣланъ частнымъ совѣтникомъ. Онъ живетъ еще, богатый вслѣдствiе первыхъ благодѣянiй своей любовницы.

Зоричъ **),

на котораго непостоянная Екатерина бросила потомъ свои взоры, единственный иностранецъ, котораго она осмѣлилась сдѣлать своимъ фаворитомъ во время своего царствованiя. Это былъ сербъ, убѣжавшiй изъ константинопольскаго острога, гдѣ онъ былъ узникомъ. При дворѣ онъ показался, для перваго раза, въ одеждѣ гусара. Онъ ослѣпилъ всѣхъ своею красотою, старыя дамы о немъ говорятъ еще, какъ объ Адонисѣ. Покровительствуемый сначала Потемкинымъ, онъ пожелалъ стряхнуть съ себя иго, разсорился съ нимъ и вызвалъ его на дуэль. Онъ не имѣлъ довольно развитого ума, чтобы плѣнить умъ Екатери-

*) Эрнестъ-Iоганнъ Биронъ (1690—1772) герцогъ курляндскiй, надменный временщикъ временъ Анны Ивановны, игравшiй роль верховнаго владыки Россiи во все время царствованiя этой императрицы и послѣ ея смерти сдѣлавшiйся регентомъ малолѣтняго императора Iоанна VI Антоновича. Время его владычества въ русской исторiи носитъ названiе бироновщины. Свергнутъ онъ Анной Леопольдовной, при которой жилъ въ сылкѣ въ Пелымѣ, при Елизаветѣ переведенъ въ Ярославль, при Екатеринѣ II возстановленъ въ званiи герцога и отпущенъ въ свою Курляндiю, переданную имъ послѣ семилѣтняго правленiя сыну Петру. (Примѣч. переводч).

**) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ—генералъ лейтенантъ. Онъ прiѣхалъ въ Россiю около середины XVIII в., поступилъ на военную службу и былъ адьютантомъ у Потемкина. Въ флигель адьютанты императрицы произведенъ въ 1777 г, а въ концѣ слѣдующаго уволенъ изъ этого званiя и поселился въ Шкловѣ, подаренномъ ему Екатериною. Здѣсь онъ построилъ школу и жилъ такъ широко, что ему не хватало его полумилiоннаго дохода. Основанную имъ школу Павелъ взялъ подъ свою опеку, переименовавъ въ кадетскiй корпусъ. (Примѣч. пер.)

ны, и въ концѣ года она его отослала, осыпавъ до верху благами: онъ получилъ городъ Шкловъ, изъ котораго для него образовали родъ государства, примѣръ единственный въ Россіи. Онъ живетъ здѣсь, какъ принцъ, содержа дворъ и собирая иностранцевъ. Если онъ и обогатился насчетъ расхищенія государства, онъ довольно благородно отдаетъ ему часть обратно: онъ основалъ въ Шкловѣ кадетскій корпусъ, гдѣ по его волѣ и на его средства воспитываетъ двѣсти молодыхъ офицеровъ. Несмотря на эти занятія и игры, на спектакли и удовольствія, на которые онъ разорялся, онъ скучаетъ въ своемъ княжествѣ. Напрасно онъ ходатайствовалъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, о позволеніи вновь появиться въ Петербургѣ: оно не было ему дано. Но Павелъ только-что призвалъ его къ своему двору.

Корсаковъ,

видъ русскаго птиметра, воспитанникъ дворцоваго гвардейскаго корпуса, гдѣ онъ исполнялъ службу унтеръ-офицера и гдѣ Екатерина его замѣтила и допустила до своей постели. Онъ былъ неблагодаренъ или не вѣренъ. Екатерина лично застала его на своей кровати державшимъ въ своихъ объятіяхъ прелестную графиню Брюсъ, ея фрейлину и довѣренное лицо. Она удалилась въ оцѣпененіи и не пожелала видѣть ни своего любовника, ни свою подругу. Другого лишенія она къ нимъ не примѣнила.

Ланской,

гвардеецъ-кавалеристъ, уже заставилъ себя замѣтить *). Вскорѣ онъ былъ самымъ любимымъ изъ любовниковъ и оказался наиболѣе достойнымъ этого. Онъ былъ красивъ, полонъ пріятности и граціи, любитель искусствъ, другъ талантовъ, гуманенъ, благотворителенъ: весь свѣтъ, повидимому, раздѣлялъ въ его пользу предпочтеніе государыни. Онъ пріобрѣлъ качествами своего ума, можетъ быть, столько же вліянія, сколько качества его сердца снискали ему сторонниковъ. Потемкинъ его боялся и, говорятъ, отравилъ его: онъ умеръ въ ужасныхъ судорогахъ. Напрасно Екатерина расточала ему самыя нѣжныя заботы: ея поцѣлуи приняли его послѣдній вздохъ. Она запиралась въ теченіе многихъ дней, которые проводила въ отчаяніи. Она обвиняла небо, желала умереть, перестать царствовать и клялась болѣе не любить. Она, дѣйствительно, любила Ланского: ея скорбь обратилась въ гнѣвъ противъ медика, который не могъ его спасти. Онъ вынужденъ былъ броситься къ ногамъ своей государыни и умолять ее о пощадѣ

---

*) Всѣ офицеры, которые имѣли или думали, что имѣютъ красивую фигуру, старались при всякомъ случаѣ выдвинуться впередъ на выходахъ Екатерины. При дворѣ даже вельможи иногда уступали мѣста красивому человѣку, хорошо зная, что ничто столько не нравилось ихъ августѣйшей государынѣ, какъ шествовать чрезъ свои аппартаменты между двумя рядами красивыхъ малыхъ. Это было мѣсто, котораго домогались, показывая себя, выставляя хорошо сложенные ляжки. И многія фамиліи основывали свои надежды на какомъ либо юномъ родственникѣ, котораго они старались выдвинуть такимъ образомъ. (Примѣч. авт.)

за безсиліе своего искусства. Скромная и огорченная вдова, она носила трауръ по своемъ возлюбленномъ и, новая Артемида, она воздвигла ему гордый мавзолей возлѣ Царскаго села. Такъ провела она больше года прежде, чѣмъ его замѣстить. Но, какъ другая ефесская матрона, она дала ему недостойнаго преемника. Это былъ

Ермоловъ*),

наименѣе любезный и наименѣе красиво сложенный изъ всѣхъ, кого она избирала, но кто утѣшилъ ее, наконецъ, въ потерѣ красиваго, нѣжнаго Ланского. Онъ не понравился однако Потемкину прежде, чѣмъ перестаьъ нравиться Екатеринѣ, и гордый фаворитъ потребовалъ и добился отставки любовника, который не оставался при исполненіи обязанностей двухъ лѣтъ.

Мамоновъ**),

который оспаривалъ у него случай, замѣстилъ его. Мамоновъ былъ любезенъ, имѣлъ совершенный бюстъ, но былъ дурно сложенъ въ нижней части фигуры. Онъ былъ одобренъ и любимъ и оставался въ этомъ положеніи долгое время. Но ему опротивѣли увядшія прелести его шестидесятилѣтней любовницы, онъ влюбился въ юную княжну Щербатову и имѣлъ мужество сознаться въ этомъ, прося позволенія жениться. Екатерина была достаточно великодушна и достаточно горда, чтобы согласиться на его просьбу, не дѣлая ему никакихъ упрековъ. Она поженила его съ своею фрейлиною при дворѣ и отправила въ Москву, осыпавъ имѣніями ***).

---

*) Александръ Петровичъ Ермоловъ (1754—1836) генералъ поручикъ. Личность блѣдная и совершенно заурядная,

**) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (1758—1803) попалъ въ любимцы изъ адъютантовъ Потемкина въ 1756 г. Сначала онъ держался вдали отъ политики, но въ 1787 г. обстоятельства перемѣнились. Вмѣстѣ съ императрицею онъ поѣхалъ въ знаменитое путешествіе по Крыму. Волей неволей здѣсь приходилось ему вращаться въ обществѣ посланниковъ, присутствовать при свиданіи Екатерины съ императоромъ Іосифомъ II и королемъ Станиславомъ-Августомъ, бесѣдовать съ разничными сановниками. Все это способствовало тому, что Мамоновъ сталъ принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ и назначенъ былъ присутствовать въ Совѣтѣ. Любовь къ княжнѣ Щербатовой оторвала его отъ двора. Получивъ 2250 крестьянъ и 100000 рублей въ видѣ единовременнаго дара, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Но уже черезъ годъ онъ заскучалъ и сталъ писать Екатеринѣ слезницы, прося о возвращеніи благосклонности. Отвѣтъ Екатерины лишилъ его всякой надежды. Въ свою очередь и Павелъ, пожаловавъ его графскимъ титуломъ, ко двору не вызвалъ.
(Примѣч. перевод.).

***) Разсказы многихъ объ ударахъ плеткой, которыми она велѣла наградить новобрачныхъ, простыя басни, о которыхъ я не слыхалъ ни слова въ Россіи.
(Примѣч. автора).

Зубовъ.

Мы видѣли въ началѣ этой главы, какъ онъ сдѣлался фаворитомъ. Ему было менѣе двадцати пяти лѣтъ, ей—болѣе шестидесяти *). Она кончила тѣмъ, что обращалась съ нимъ столько же, какъ съ сыномъ, сколько—какъ съ любовникомъ, сама занималась его воспитаніемъ и все болѣе и болѣе привязывалась къ своему творенію, сдѣлавшемуся ея идоломъ. Между тѣмъ ея похотливыя желанія еще не угасли и она на глазахъ всѣхъ вдругъ возобновила тѣ оргіи и вакхическія празднества, которыя она когда-то справляла съ братьями Орловыми. Валеріанъ **), одинъ изъ братьевъ Зубовыхъ, младшій и болѣе сильный, и здоровякъ Петръ Салтыковъ, ихъ другъ, были сотоварищами Платона, чтобы его смѣнять на поприщѣ, столь обширномъ и столь трудномъ для выполненія. Вотъ съ этими тремя молодыми развратниками ***) Екатерина, старушка Екатерина, проводила свои дни въ то время, какъ ея арміи били турокъ, сражались со шведами и опустошали несчастную Польшу; въ то время, какъ ея народъ кричалъ объ нищетѣ и голодѣ и былъ пожираемъ грабителями и тиранами.

Именно въ это время она образовала болѣе интимное общество, состоявшее изъ фаворитовъ, придворныхъ и самыхъ надежныхъ дамъ. Это общество собиралось два или три раза въ недѣлю, подъ именемъ Малаго Эрмитажа. Здѣсь часто бывали въ маскахъ и царствовала самая великая вольность обращенія: здѣсь танцовали, представляли пословицы, составленныя Екатериною, играли въ замысловатыя игры, въ дѣтскія игры и въ колотушки (перчатки). Не было вида веселья,

*) Екатерина была старше на два года, нежели объявляетъ о томъ календарь. Такъ какъ она оказалась старше Петра III-го, то императрица Елизавета, приказывая ей прибыть въ Россію, благосклонно ихъ у нея вычеркнула. А есть старые нѣмецкіе календари, которые доказываютъ, что она родилась въ 1727 г. Это только мнѣніе, которое нѣкоторыми отвергается и которое я не могу оправдать документально. (Примѣч. автора).

**) Валеріанъ Александровичъ Зубовъ (1771—1804) выдвинулся на высокіе посты, почти не служа и получая чины по протекціи и случаю сначала Салтыкова, потомъ брата. Подъ начальствомъ Суворова, онъ участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія, гдѣ былъ раненъ въ ногу, которую пришлось ампутировать. Въ Польшѣ Валеріанъ Зубовъ запятналъ себя „низкимъ безстыднымъ и возмутительнымъ обращеніемъ съ нѣкоторыми поляками и ихъ женами. Въ 1796 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ войсками, отправленными на Кавказъ для завоеванія всей Передней Азіи до Тибета. Война эта была только разорительна для Россіи и прекратилась со смертью Екатерины. Валеріанъ Зубовъ былъ однимъ изъ убійцъ Павла I. (Примѣч. переводч).

***) Названіе развратниковъ въ особенности приличествуетъ Валеріану Зубову и Петру Салтыкову, которые въ скоромъ времени безнаказанно предались всѣмъ видамъ излишества. Они похищали дѣвушекъ на улицахъ, совершали надъ ними насиліе, если находили ихъ красивыми, а если нѣтъ, предоставляли ихъ своимъ слугамъ, которые должны были ими воспользоваться въ ихъ присутствіи. Однимъ изъ увеселеній юнаго Зубова, котораго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ видѣли скромнымъ и застѣнчивымъ, было платить молодымъ парнямъ за то, чтобы они совершали въ его присутствіи грѣхъ Онана. Ясно, какъ онъ воспользовался уроками старой Екатерины. Салтыковъ изнемогъ отъ этого образа жизни и умеръ, сожалѣемый тѣми, кто зналъ его передъ его случаемъ. (Примѣч. автора).

которое бы не было позволено. Левъ Нарышкинъ исполнялъ здѣсь ту же роль, что Роклоръ*) при дворѣ Людовика XIV, и одна записная юродивая, по имени Матрена Даниловна, ему вторила. Это была старая пустомеля, весь умъ которой состоялъ въ томъ, чтобы упражняться въ нелѣпомъ сквернословіи. Такъ какъ она имѣла право, какъ всегда безумные, говорить все и обо всемъ, то и была завалена подарками отъ низкихъ придворныхъ. Иностранные послы, пользовавшіеся благосклонностью, бывали иногда допускаемы въ Малый Эрмитажъ: Сегюръ, Кобенцль, Стедингъ и Нассау **), главнымъ образомъ, получали это отличіе. Но впослѣдствіи Екатерина образовала другое собраніе, болѣе тѣсное и таинственное, которое называли маленькимъ обществомъ. Три фаворита, о которыхъ мы только что говорили, Браницкая, Протасова и нѣсколько довѣренныхъ горничныхъ и лакеевъ были его единственными членами. Тамъ-то и справляла Кибела Сѣвера свои тайныя мистеріи. Подробности объ этихъ забавахъ принадлежатъ книгѣ, болѣе непристойной, чѣмъ эта, и авторъ обязанъ былъ сжечь записи, которыя бы могли ему доставить или напомнить то, что вывело бы наружу болѣе пикантное. Впрочемъ, общество не теряетъ ничего: довольно существуетъ похабныхъ книгъ, и тѣ, кто ихъ читалъ, легко представятъ, что Екатерина была столько же философомъ, какъ и Тереза.

Я могъ бы одинаковымъ образомъ увеличить эту главу прозвищами, титулами и должностями каждаго фаворита. Но это не стоитъ печатанія и не заслуживаетъ даже произнесенія. Довольно извѣстно, что Екатерина, послѣ того какъ заваливала своихъ любимчиковъ всѣми должностями, всѣми титулами и всѣми орденами своей имперіи, писала въ Вѣну, чтобы получить для нихъ послѣдовательно патенты на званіе графа и князя священной римской имперіи. Ордена польскіе и прусскіе испещряли еще и фаворитовъ при фаворитахъ. Потемкинъ и Зубовъ походили на торговцевъ лентами и мелкими металлическими товарами, когда они выставляли всѣ свои украшенія.

Павелъ — больше русскій, нежели его мать: онъ утверждаетъ, что графъ или князь священной греческой имперіи стоитъ дороже, нежели графъ или князь священной римской имперіи. При Екатеринѣ изъ русскаго князя дѣлали нѣмецкаго принца, при Павлѣ нѣмецкаго

---

*) Гастонъ Жанъ-Баптистъ, маркизъ и послѣ герцогъ де Роклоръ (1617—1676), французскій генералъ и губернаторъ въ Гіени. Ему приписываютъ собраніе анекдотовъ и острыхъ словъ, вышедшее подъ заглавіемъ: „Различныя приключенія герцога Роклора“ въ Кельнѣ въ 1727 г. Примѣч. перевод.

**) Карлъ-Генрихъ, Николай-Оттонъ, принцъ Нассау-Зигенъ (1745—1808). Въ юности онъ состоялъ на французской военной службѣ, а во время войны Испаніи съ Англіей перешелъ на испанскую, командуя пловучими батареями при Гибралтарѣ. Въ 1786 г. прибылъ въ южную Россію, сблизился съ Потемкинымъ, находился въ свитѣ Екатерины во время ея путешествія по югу и послѣ разрыва Россіи съ Турціей вступилъ въ русскую службу, неоднократно разбивая турецкій флотъ въ теченіе второй турецкой войны. Раздоръ съ Потемкинымъ, по вопросу объ Очаковѣ, заставилъ Нассау уѣхать съ поля сраженія въ столицу, откуда его послали во Францію и Испанію хлопотать о заключеніи союза между Россіей, Франціей, Австріей и Испаніей. Не успѣвъ выполнить такой миссіи, Нассау вернулся въ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ со шведами. Одержавъ нѣсколько морскихъ побѣдъ надъ шведскимъ флотомъ, онъ въ 1790 г. потерпѣлъ страшное пораженіе при Свенскзундѣ, потерявъ до 46 галеръ, послѣ чего оставилъ русскую службу. (Примѣч. перевод.)

принца возносятъ до достоинства русскаго князя. Я не смѣю рѣшать вопроса.

Не болѣе стану я вдаваться въ подробности и о благодѣяніяхъ и подаркахъ, какіе получили фавориты: я могъ бы сообщить только то, что они получили публично, по праву вознагражденія. Сколь бы громадной ни оказалась сумма *), она не будетъ равноцѣнной тѣмъ тайнымъ дарамъ, какими они были засыпаны. Кто сосчиталъ бы, что накопили Орловы, Потемкины и Зубовы? Не черпали ли они изъ государственныхъ сокровищъ безъ счета и не покупали ли у нихъ и у ихъ креатуръ должности, чины, правосудіе и безнаказанность, даже союзы, и войну и миръ **)?

ГЛАВА IV.

Восшествіе на престолъ Павла.

Поведеніе и планы Екатерины въ отношеніи своего сына. Онъ провозглашенъ. Первые его шаги, какъ императора. Погребальныя почести, возданныя имъ своему отцу и своей матери. Суровыя мѣры относительно гвардіи. Вахтпарадъ. Милости и опалы. Его занятія. Отмѣна круглыхъ шляпъ и русской упряжи. Перемѣны въ военномъ и въ гражданскомъ строѣ. Крестьяне. Солдатоманія. Канцелярія для прошеній. Финансы. Камердинеръ—фаворитъ.

Послѣ убіенія своего мужа, убійства Ивана и захвата престола, самымъ тяжкимъ преступленіемъ Екатерины, быть можетъ, было ея поведеніе относительно своего сына. Жена-убійца, безъ сомнѣнія, не могла быть хорошею матерью, но она обязана была большимъ вниманіемъ къ юному великому князю, во имя котораго тридцать лѣтъ правила Россіей. Онъ предвѣщалъ въ своемъ дѣтствѣ качества, которыя она задушила своимъ дурнымъ обращеніемъ. Онъ имѣлъ умъ, дѣятельный характеръ, расположеніе къ знаніямъ, чувства порядка и справедливости. Все погибло по недостатку развитія. Она нравственно убила своего сына, послѣ того какъ долгое время колебалась, не должна ли она развязаться съ нимъ самымъ дѣломъ. Ея ненависть къ нему единственное доказательство того, что онъ сынъ Петра III ***), и это доказательство большого вѣса. Она не могла его

---

*) У меня былъ довольно точный реестръ: сумма въ немъ въ три раза превосходитъ ту, какую даетъ книга, озаглавленная „Исторія Екатерины II“.

**) Валеріанъ Зубовъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ онъ подѣлилъ съ своимъ братомъ тяжелыя милости Екатерины, ставилъ тридцать тысячъ рублей на одну карту, играя въ фараонъ. И этотъ молодой человѣкъ владѣетъ, по нотаріальной записи, частью громадныхъ помѣстій Курляндскихъ герцоговъ.
(Примѣч. автора).

***) Очень принятое при русскомъ дворѣ мнѣніе таково, что Павелъ сынъ Салтыкова, одного изъ первыхъ фаворитовъ Екатерины. Физически онъ не имѣетъ ни одной черты сходства съ Петромъ III, но еще меньше съ своей матерью. Онъ имѣлъ несчастіе быть отвергнутымъ однимъ и презираемымъ другою. (Примѣч. автора).

выносить, держала вдали отъ себя, окружала шпіонами, притѣсняла, унижала во всемъ, и въ то время, какъ ея фавориты, болѣе молодые, нежели ея сынъ, управляли Россіей и плавали въ богатствахъ, онъ жилъ въ уединеніи, въ ничтожествѣ, нуждаясь въ необходимомъ. Она добилась того, что озлобила его, сдѣлала недовѣрчивымъ, угрюмымъ, страннымъ, подозрительнымъ и жестокимъ. Конечно, нужно, чтобы мать была очень виновной, если она внушаетъ, наконецъ, ненависть и презрѣніе своему дѣтищу. Но какое иное чувство могла ему внушить убійца его отца и захватчица его правъ, которую онъ видѣлъ въ постыдной связи на его глазахъ съ цѣлой серіей фаворитовъ, дѣлавшихся преемственно его угнетателями? Недовольная тѣмъ, что лишила его нѣжности и преимуществъ, которыми онъ долженъ былъ пользоваться, какъ сынъ, она захотѣла еще отнять у него всѣ права и всѣ удовольствія отца. Его жена почти ежегодно пріѣзжала родить въ Царское село и здѣсь оставляла своихъ дѣтей въ чужихъ рукахъ. Они были воспитываемы около Екатерины такъ, чтобы отецъ и мать не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на ихъ воспитаніе, ни малѣйшей власти надъ ихъ поведеніемъ. Въ послѣднее время даже они существовали цѣлые мѣсяцы, не видя ихъ ни одного разу. Вотъ какъ старались изуродовать сердце этихъ дѣтей, которые едва знали своихъ родителей. Здѣсь однако же Павелъ перестаетъ внушать интересъ и начинаетъ пробуждать негодованіе и презрѣніе; здѣсь онъ перестаетъ казаться робкимъ и уважительнымъ сыномъ и начинаетъ быть только трусливымъ и глупымъ отцомъ. Какой человѣкъ будетъ до такой степени ничтоженъ, чтобы не посмѣть требовать своихъ священныхъ отцовскихъ правъ? Какъ не имѣлъ онъ мужества сказать своей матери: „Вы владѣете моей короной—сохраняйте ее, но отдайте мнѣ моихъ дѣтей! оставьте мнѣ по крайней мѣрѣ радость, на которую вы не заритесь у своихъ послѣднихъ рабовъ!“ Ахъ! тотъ, кто не нашелъ въ своемъ сердцѣ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы заговорить такимъ языкомъ и чтобы соотвѣтственно дѣйствовать, не есть почтительный сынъ: это безчувственный или трусливый отецъ, это—рабъ, и, сдѣлавшись господиномъ, онъ, можетъ быть только тираномъ *).

Смерть внезапно постигла Екатерину. Очевидно для тѣхъ, кто зналъ ея дворъ и ненависть, къ несчастью, столь прочно установившуюся между матерью и сыномъ, что она питала желаніе назначить себѣ другого преемника. Ужасъ при мысли о своей кончинѣ и о концѣ своего царствованія, чего она боялась всего болѣе, и смерть Потемкина **) помѣшали ей исполнить этотъ проектъ, пока еще было для этого время, или утвердить его чрезъ завѣщаніе. Юность великаго князя Александра и еще болѣе доброта его ума и его сердца были слѣдующимъ препятствіемъ къ выполненію ея плана. Между тѣмъ

*) Не съ такой трусостью дѣйствовалъ герцогъ Вюртембергскій, братъ теперешней императрицы. Когда Екатерина пожелала завладѣть его детьми, онъ объявилъ, что умретъ прежде, нежели ихъ отдастъ. Довести до отчаянія его не посмѣли, и онъ уѣхалъ съ ними: (Примѣч. автора).

**) Многіе вѣрили, что существовалъ проектъ опереться на Потемкина, чтобы лишить наслѣдства Павла. Александръ былъ бы провозглашенъ царевичемъ въ то самое время, какъ Потемкинъ королемъ Тавриды. (Примѣч. автора).

ея особенная любовь къ этому юному великому князю, достойная, безъ сомнѣнія, болѣе чистаго источника, была очень гласной и ея частные разговоры съ нимъ стали дѣлаться частыми и таинственными. Достигали, можетъ быть, того, чтобы задушить въ немъ голосъ природы, извратить его нравственное чувство и разумъ и нечувствительно принудить его сыграть ненавистную роль противъ отца. Съ тѣхъ поръ, какъ его покинулъ Лагарпъ *), съ тѣхъ поръ, какъ ему дали отдѣльный дворъ и удалили нѣсколькихъ достойныхъ особъ, онъ былъ наиболѣе худо окруженнымъ и самымъ празднымъ изъ принцевъ. Онъ проводилъ свои дни съ своею молодой супругой, съ своими слугами или въ обществѣ своей бабки. Онъ жилъ болѣе изнѣженно и болѣе темно, чѣмъ наслѣдникъ султана внутри гаремовъ Сераля. Этотъ родъ жизни подъ конецъ заглушилъ бы его превосходныя качества. Если бы онъ пожелалъ, если бы даже Екатерина могла сказать одно слово передъ смертью, Павелъ, вѣроятно, не царствовалъ бы. Ненавистнымъ и страшнымъ былъ онъ для всѣхъ, кто его зналъ, и кто бы высказался за него? и на какія права онъ сослался бы **). Если

---

*) Фредерикъ-Цезарь Лагарпъ (1754—1838) швейцарскій генералъ. Начавъ свою карьеру въ Бернѣ въ званіи адвоката, онъ былъ приглашенъ Екатериною для воспитанія великихъ князей Александра и Константина Павловичей въ Петербургъ. Увлеченный идеями французской революціи, отсюда онъ подалъ прошеніе въ Бернъ о необходимости реформъ и созванія штатовъ. Враги постарались довести объ этомъ до свѣдѣнія русскаго двора, выставивъ Лагарпа зачинщикомъ мятежа въ подчиненномъ Берну Ваадтѣ, и воспитатель великихъ князей лишился своего мѣста при нихъ. Онъ направился въ Женеву, потомъ въ Парижъ и въ эпоху образованія гельветической республики былъ членомъ ея директоріи. Въ 1801—802 г. пріѣзжалъ въ Россію, потомъ жилъ во Франціи, отстаивая на Вѣнскомъ конгрессѣ независимость Берна и Ваадта, послѣдніе же дни жизни провелъ на родинѣ. (Примѣч. переводчика).

**) Я знаю хорошо, что Павелъ былъ объявленъ царевичемъ или наслѣдникомъ престола. Но на какое право ссылаться въ государствѣ, которое не знаетъ никакого? На право рожденія? Оно у Павла сомнительно, и согласно съ правомъ первородства на престолъ призванъ бы былъ братъ Ивана III. На націю ли? Нужно ее разспросить. Или на небо? Нужно заставить его заговорить, и оно, повидимому, объясняется почти только послѣ событія.

Павелъ предпринялъ устранить неустройство, царствующее въ наслѣдованіи царей, черезъ актъ, который онъ обнародовалъ при коронованіи и который составилъ съ своею женой въ формѣ завѣщанія 1788 г., слѣдовательно, когда онъ былъ только великимъ княземъ и когда не могъ распоряжаться ничѣмъ. 1788 годъ былъ эпохой величайшаго могущества Потемкина. Ясно, что Павелъ ожидалъ тогда какой-нибудь несчастной катастрофы, почему онъ и сдѣлалъ эти распоряженія. Тогда былъ вопросъ о лишеніи его наслѣдства и о раздѣлѣ имперіи между его старшимъ сыномъ и Потемкинымъ. Въ этомъ актѣ Павелъ, будучи только великимъ княземъ, присвоиваетъ себѣ то же самое право, какое присвоилъ себѣ Петръ I, т. е. право назначать своего преемника. И онъ завѣщаетъ имперію своему старшему сыну и его потомкамъ по мужской линіи, потомъ, съ ихъ пресѣченіемъ, своимъ младшимъ сыновьямъ и ихъ мужскому потомству: при ихъ отсутствіи, потомки по женской линіи должны были наслѣдовать согласно порядку, который установилъ Павелъ, усиливаясь предупредить и регулировать всѣ затрудненія до скончанія вѣковъ.

Сынъ наслѣдуетъ отцу по естественному праву. Но нѣтъ никакого права, чтобы императоръ могъ назначать себѣ преемника и завѣщать государство, какъ поле. Предположимъ однако, что эта власть была, по благодати Божіей, пожалована русскимъ самодержцамъ. Какъ же одинъ изъ нихъ можетъ ихъ лишить ее или ограничить, назначая преемника преемнику? Александръ или Константинъ развѣ не будутъ больше имѣть ту же самую власть, что Павелъ? Развѣ не преступленіе по оскорбленію величества предполагать это? Вотъ затрудненія, въ которыхъ теряются тѣ, кто основывается на заблужденіяхъ и предразсудкахъ и презираетъ неотъемле-

русскіе не имѣютъ никакого прочнаго права, то ихъ самодержцы имѣютъ его въ еще меньшей степени: со времени Петра I, присвоившаго себѣ право назначать своего преемника, царскій престолъ почти всегда былъ занятъ только узурпаторами, которые низвергали одинъ другого съ большимъ варварствомъ и смутою, чѣмъ преемники Оттомановъ. Екатерина I становится императрицей, потому что Меньшиковъ имѣетъ смѣлость ее провозгласить: было такъ, какъ объ этомъ насмѣшливо говорятъ, что пирожникъ провозгласилъ служанку императрицей всея Россіи *). Петръ II царствуетъ по завѣщанію. Анна была избрана совѣтомъ, сенатомъ и арміею. Иванъ дѣлается императоромъ въ силу указа. Елизавета говоритъ въ своемъ манифестѣ, что она восходитъ на престолъ своего отца, потому что этого желаетъ народъ и что ради этого бунтуетъ гвардія; на этомъ основаніи она присуждаетъ младенца-императора къ вѣчному заключенію, и его семья, столь же невинная, какъ онъ, испытываетъ ту же самую участь **). Петръ III царствуетъ по милости Елизаветы. Онъ низло-

---

мыя права націй и природы. Законы, которые они заставляютъ исходить изъ своихъ головъ, не имѣя никакой опоры, кромѣ силы, ихъ обнародывающей, прекращаются вмѣстѣ съ нею. Черезъ сто лѣтъ самодержецъ Россіи не будетъ рыться въ бумажонкахъ Павла, чтобы знать то, что онъ долженъ дѣлать. Но, можетъ быть, прежде этого времени случатся событія, которыя напомнятъ русскимъ о болѣе простыхъ и болѣе ясныхъ идеяхъ.

Впрочемъ очень странно, что парижскіе журналисты, и еще совсѣмъ недавно, сомнѣваются въ подлинности акта Павла, приведеннаго выше. Онъ былъ опубликованъ при его воцареніи, и текстъ его можно прочитать во всѣхъ оффиціальныхъ газетахъ Сѣвера. Онъ включенъ въ сборникъ распоряженій императора, напечатанъ по его приказанію, томъ I, стр. 246, съ слѣдующимъ декретомъ сената:

Указъ его Императорскаго Величества и пр, и пр.

Правительствующій сенатъ, выслушавъ чтеніе подлиннаго и скрѣпленнаго собственноручной подписью Его Императорскаго Величества акта о наслѣдованіи на тронѣ, составленнаго Его Императорскимъ Величествомъ 4 января 1788 г. и прочитаннаго Его Императорскимъ Величествомъ Самимъ, 5 текущаго августа, съ высоты своего престола, послѣ принятія святого миропомазанія и вѣнца, какъ царемъ на наслѣдственномъ тронѣ

опредѣлилъ:

что для ознакомленія съ этимъ высочайшимъ актомъ всего народа онъ долженъ быть напечатанъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ и отосланъ съ указомъ всѣмъ правленіямъ, всѣмъ административнымъ учрежденіямъ и, для сообразованія съ нимъ, всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, точно такъ же какъ святѣйшему правительствующему синоду и въ департаментъ сената въ С.-Петербургѣ.

Вслѣдствіе этого, присоединяются здѣсь экземпляры вышереченнаго акта о наслѣдованіи.

Данъ апрѣля 1797 года.

Слѣдуетъ актъ о наслѣдованіи, который императоръ самъ возложилъ на алтарь послѣ своего коронованія и который достаточно интересенъ для того, чтобы мы привели его дословно въ третьемъ томѣ, потому что онъ долженъ сдѣлаться прагматической санкціей Русской имперіи. (Примѣч. автора).

---

*) И вотъ тѣ, которые столь горды своимъ рожденіемъ! И Марія, не находя Голштинскій и Вюртембергскій дома достаточно высокими, желаетъ, чтобы ея сыновья подписывались Романовыми. (Примѣч. автора).

**) Если можно наслѣдовать тронъ на началахъ справедливости, то братья несчастнаго Ивана, изъ которыхъ одинъ живетъ еще въ какой-то башнѣ въ Ютландіи, суть истинные наслѣдники русскаго престола. Очень постыдно, что король Даніи закрепостилъ такимъ образомъ узника русскихъ узурпаторовъ. Примѣч. автора.

женъ съ трона и задушенъ своей женой Екатериною II, которая нуждаясь въ болѣе великомъ авторитетѣ для совершенія болѣе великихъ преступленій, при своемъ восшествіи на тронъ Россіи, объявляетъ, что самъ Богъ ее призываетъ на него *). Убійца своего мужа, она велитъ еще умертвить императора Ивана и дочь Елизаветы, своей благодѣтельницы. Одно Марокко можетъ представить столь же отвратительныя лѣтописи, полныя крови и варварства, съ тѣмъ однако различіемъ, что здѣсь столь ужасную роль играютъ не дамы **). Сынъ, который вытѣснилъ бы съ мѣста своего отца, не прибавилъ бы многаго къ ужасу, внушаемому этими злодѣяніями деспотизма. Но, къ счастью, внезапная смерть Екатерины, предупредила эти новыя жестокости. Ужасный крикъ, который она испустила при послѣднемъ издыханіи, былъ тѣмъ, что провозгласило Павла Императоромъ и самодержцемъ всея Россіи. Его жена первая упала къ его ногамъ и вмѣстѣ съ дѣтьми изъявила ему подданническую покорность. Онъ поднялъ ее, обнявъ ее и ихъ, и всѣхъ завѣрилъ въ своемъ благоволеніи отческомъ и императорскомъ. Дворъ, начальники департаментовъ и арміи, всѣ тѣ, кто находился на лицо, прибыли потомъ простереться и принести ему присягу, каждый согласно съ своимъ чиномъ и своимъ старшинствомъ. Гвардейскій отрядъ, приведенный подъ стѣны дворца, и офицеры, и солдаты, спѣшно прибывшіе изъ Павловска и Гатчины, клялись въ вѣрности. Начальники различныхъ коллегій перенеслись сюда, чтобы принести ту же самую присягу. Императоръ самъ отправился въ сенатъ, чтобы ее принять. И эта памятная ночь прошла безъ безпорядка и безъ замѣшательства. На слѣдующій день Павелъ повсемѣстно былъ провозглашенъ императоромъ, а его сынъ Александръ—царевичемъ, или предполагаемымъ наслѣдникомъ престола. Такимъ-то образомъ, послѣ тридцати пяти лѣтъ гнета, лишеній, оскорбленій и презрѣнія, сынъ Екатерины, въ возрастѣ сорока трехъ лѣтъ, очутился господиномъ самого себя и всей Россіи. Его первые поступки, которыхъ особенно страшились, казалось, опровергали тѣ свѣдѣнія, какія имѣли объ его характерѣ, жесткомъ и капризномъ. Съ давнихъ поръ онъ страдалъ отъ злоупотребленій и безпорядковъ двора. Онъ прошелъ школу несчастій, горнило, гдѣ очищаются великія души и гдѣ выдыхаются мелкія. Отдаленный созерцатель дѣлъ, оцѣнщикъ плановъ и поведенія своей матери, онъ имѣлъ тридцать лѣтъ досуга, чтобы опредѣлить свое собственное. Такимъ образомъ оказалось, что

---

*) О Боже! как дѣла твои прекрасны! Какъ дорога, которою ведешь ты къ правдѣ, пріятна и вѣрна. Впрочемъ генеалогія Петра I, изъ которой можно судить о порядкѣ и правахъ этого нелѣпаго ряда самодержцевъ, подъ рукою. И все это менѣе, нежели въ одинъ вѣкъ! И въ нашъ вѣкъ! (Примѣч. автора).

**) И это при дворѣ, свидѣтелѣ стольких еще недавнихъ злодѣяній; при дворѣ, который только что видѣлъ, какъ отецъ истязалъ своего сына и жена задушила своего мужа, не считая убіенныхъ императоровъ и отравленныхъ великихъ княгинь; при этомъ дворѣ, говорю я, прикидываются въ столь великомъ ужасѣ отъ кровавыхъ сценъ французской революціи. Это та императрица, упившаяся кровью двухъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ былъ ея мужъ, а другой—дитя, проявила судорожный гнѣвъ и взрывъ святого негодованія, когда она узнала, что французы умертвили короля и держатъ еще его семейство взаперти въ Тамплѣ. По отношенію къ этому несчастному королю по крайней мѣрѣ сохранили нѣкоторую формальность. Но Петръ! но Иванъ, невинный Иванъ! (Примѣч. автора).

онъ имѣлъ въ своемъ карманѣ множество совершенно заготовленныхъ узаконеній, которыя оставалось только развернуть и привести въ исполненіе съ удивитнльной быстротой *).

Очень далекій отъ того, чтобы подражать поведенію, какого держалась его мать по отношенію къ нему, онъ спервоначала окружилъ себя своими сыновьями, ввѣрилъ каждому изъ нихъ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и сдѣлалъ старшаго военнымъ губернаторомъ Петербурга, отвѣтственное мѣсто, привязывавшее молодого великаго князя къ сообществу съ отцомъ. Его первые поступки по отношенію къ императрицѣ, участь и положеніе которой внушали сожалѣніе, изумили и очаровали всѣхъ. Онъ вдругъ измѣнилъ свое обращеніе съ ней, ассигновалъ ей значительные доходы, пропорціонально увеличилъ доходъ своихъ дѣтей и осыпалъ свое семейство ласками и благодѣяніями.

Его поведеніе съ фаворитомъ имѣло столь же совершенный видъ благородства. Онъ казался тронутымъ его отчаяніемъ и благодарнымъ за привязанность, какую тотъ обнаруживалъ къ его матери, утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ въ лестныхъ выраженіяхъ и сказалъ ему, вручая маршальскій жезлъ, носимый дежурнымъ генералъ-флигель-адъютантомъ: „Продолжайте исполнять эти обязанности около тѣла моей матери; я надѣюсь, что вы будете служить мнѣ такъ же вѣрно, какъ служили ей“.

Министры, начальники департаментовъ были также утверждены въ ихъ должностяхъ, а самые вліятельные еще повышены и осыпаны новыми милостями.

Первый указъ, который онъ издалъ, возвѣщалъ о мирныхъ помыслахъ и долженъ былъ въ особенности привлечь къ нему знать: наборъ рекрутъ, недавно установленный Екатериною, который долженъ былъ захватить каждаго сотаго крестьянина, былъ этимъ указомъ отсроченъ и аннулированъ.

Всякій часъ, всякій моментъ возвѣщалъ мудрую перемѣну, справедливую кару, заслуженную милость: дворъ и городъ остолбенѣли отъ изумленія. Если бы не политика, не страхъ, не радость продиктовали первые шаги Павла, онъ показался бы, на два или на три часа, способнымъ подавить злоупотребленія и ввести порядокъ. Начинали думать, что не знали его характера, и что долгая и печальная опека надъ нимъ не всецѣло испортила его. Всѣ видѣли себя счастливо обманувшимися въ своемъ ожиданіи, и поведеніе императора заставило въ этотъ моментъ забыть о поведеніи великаго князя: онъ долженъ былъ скоро о немъ напомнить. Но остановимся еще на минуту на тѣхъ слишкомъ краткихъ надеждахъ, какія онъ подалъ своей имперіи. Два первыхъ политическихъ шага Павла внушили довѣріе, подкупили знать и устранили два ужасныхъ бича, которые Екатерина, умирая, повидимому, завѣщала Россіи,—войну и государственное банкротство. Она рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать непосредственно противъ Франціи, помогая императору и напавъ на Прус-

*) Его приближенные съ давняго времени имѣли свой военный уставъ, который онъ привелъ въ исполненіе въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ, и который сдѣлался въ одно мгновеніе уставомъ для всѣхъ русскихъ армій. (Примѣч. автора).

сію*), вслѣдствіе чего она издала приказаніе о наборѣ ста тысячъ человѣкъ рекрутъ. Такъ какъ государственная касса была истощена, а ассигнаціи умножились до такой степени, что угрожали имѣть судьбу ихъ во Франціи**), она пожелала сразу удвоить ихъ стоимость, давая каждой монетѣ двойную цѣну по сравненію съ дѣйствительной. Павелъ уничтожилъ эти двѣ пагубныхъ мѣры, которыя уже приводили въ исполненіе. Онъ разорвалъ одинаковымъ образомъ договоръ о субсидіяхъ, начатый съ Англіей, не потому, что онъ желалъ, какъ объ этомъ распространилось за границей, признать ненавистную французскую республику, но потому, что его императорская гордость была справедливо возмущена состоять, подобно маленькой державѣ, на жалованьи у Питта, продавая ему русскую кровь. Павелъ былъ бы, навѣрняка, весьма склоненъ заставить ее политься для возстановленія французской монархіи. Но онъ будетъ имѣть благородство отдать ее задаромъ, когда сочтетъ это за надлежащее ***).

Этотъ честный Костюшко, послѣдній изъ поляковъ, какъ Филопеменъ ****) былъ послѣдній изъ грековъ, былъ взятъ, какъ всякому извѣстно, въ качествѣ военноплѣннаго, защищая свою родину и свои естественныя права противъ иностранныхъ угнетателей. Между тѣмъ, вопреки всѣмъ законамъ и общему чувству, онъ былъ задержанъ, какъ государственный преступникъ, хотя съ нимъ всегда обращались лучше *****), чѣмъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ ******), и съ его

*) Этотъ проектъ Екатерины внѣ сомнѣнія. Она желала съ помощью пушекъ загнать короля Пруссіи за берега Рейна. Чтобы заставить его почувствовать безусловную необходимость вернуться къ коалиціи, она разжигала мятежи въ Пруссіи въ Данцигѣ и въ Силезіи. (Примѣч. автора).

**) Онѣ потеряли въ эту эпоху 60% на сто. (Примѣч. автора).

***) Говорятъ однако, что въ настоящее время онъ забираетъ большія субсидіи у Питта, но это въ видѣ англійскихъ товаровъ, и Павелъ учредилъ магазины, гдѣ велитъ продавать ихъ за свой счетъ. Этотъ торгъ короны не новъ. Многіе народцы Сибири платятъ свои налоги натурою, и китайская торговля велась во время царствованія Елизаветы чрезъ правительство. Случалось даже иногда, что за недостаткомъ наличныхъ денегъ, офицерамъ арміи уплачивали товарами изъ магазиновъ короны, какъ то: чаемъ, матеріями и мѣхами. Мѣры Павла неминуемо заставятъ въ скоромъ времени небольшое число наличныхъ денегъ, оставшееся еще въ его государствѣ, перейти въ Англію, и онъ будетъ въ скоромъ времени также платить своей арміи англійскимъ желѣзнымъ товаромъ. (Примѣч. автора.).

****) Филопеменъ—знаменитый политическій дѣятель послѣднихъ годовъ греческой независимости, „послѣдній грекъ“, родившійся въ Мегалополѣ, въ Аркадіи, въ 253 г. до Р. Хр и умершій въ Мессенѣ отъ чаши съ ядомъ, по приговору разбившихъ его враговъ въ 183 г. Боролся главнымъ образомъ съ Спартой и косвенно противъ Рима. Былъ преимущественно стратегомъ. (Примѣч. перевод.).

*****) Онъ былъ въ военномъ казематѣ графа Ангальта. Въ качествѣ стража онъ имѣлъ майора, который ѣлъ съ нимъ. Его могли видѣть. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько комнатъ и занимался чтеніемъ, рисованіемъ и точеніемъ. Полковникъ Т..., къ которому стрѣлки, нашедши его раненымъ въ болотахъ, привели его въ качествѣ плѣнника, еще молодой человѣкъ, одинъ изъ моихъ друзей, полный достоинства и гуманности. Онъ сохранилъ портфель Костюшко, который мы перелистывали вмѣстѣ. Мы нашли тамъ многія записи на итальянскомъ и французскомъ языкахъ, сдѣланныя во время путешествія по Италіи, философскія замѣтки, извлеченія изъ сочиненій, рядъ французскихъ стиховъ, черновые наброски разныхъ мелкихъ сочиненій. Все доказывало, что этотъ портфель принадлежалъ достойному человѣку сознаніями, съ вкусомъ и чувствомъ. Тамъ было также много написанныхъ и запечатанныхъ писемъ, адресованныхъ къ варшавскимъ женщинамъ, на французскомъ и польскомъ языкахъ, и черновики нѣкоторыхъ манифестовъ, какіе онъ опуб-

другими сотварищами по славѣ и по несчастью, которые были заключены болѣе сурово въ крѣпости и въ Шлиссельбургѣ. Павелъ былъ достаточно разсудителенъ, чтобы отпустить всѣхъ ихъ на свободу, и довольно благороденъ, чтобы самому прійти освободить Костюшку Съ интересомъ увидали, что этотъ мужественный человѣкъ, всегда больной отъ ранъ и горестей, велѣлъ отвезти себя во дворецъ, гдѣ онъ былъ проведенъ къ императору и императрицѣ, чтобы засвидѣтельствовать имъ свою благодарность. Онъ былъ невысокъ, худъ, блѣденъ и изнуренъ. Голова его была еще закутана повязками и невозможно было видѣть его лба. Но его лицо, его глаза заставляли еще вспомнить о томъ, что он рискнулъ предпринять съ такими малыми средствами. Онъ отказался отъ крестьянъ, которыхъ Павелъ хотѣлъ дать ему въ Россіи, и принялъ денежную сумму, чтобы уѣхать жить независимымъ въ другомъ мѣстѣ.

Этотъ поступокъ произвелъ самое большое и самое благопріятное впечатлѣніе. Онъ дѣлаетъ, безъ сомнѣнія, честь Павлу, и въ императорѣ принужденъ бываешь удивляться тому, что представляетъ только обыкновенный актъ справедливости. Но, чтобы надлежаще оцѣнить его поведеніе въ данномъ случаѣ, нужно помнить, что Костюшко оскорбилъ не его лично, но очень императрицу Екатерину. Костюшко обязанъ, быть можетъ, свободою только старанію Павла дѣлать все противоположное своей матери.

Погребальныя почести для воздаянія императрицѣ были еще однимъ счастливымъ отвлеченіемъ, которое отсрочило или по крайней мѣрѣ прервало этотъ потокъ новыхъ узаконеній и странныхъ распоряженій, видимо, фонтаномъ бившихъ изъ головы Павла. Но чего не ожидали и на что онъ смотрѣлъ, какъ на сыновній долгъ, это было увидать отъ него желаніе потревожить прахъ своего несчастнаго отца. Имя Петра III, которое не смѣли произносить въ теченіе 35 лѣтъ, внезапно оказалось во главѣ траурнаго и погребальнаго церемоніала, гдѣ предписано было погребальныя службы и почести за одинъ разъ воздать Петру и Екатеринѣ. Можно бы было подумать, читая приказъ, что эти два супруга только что умерли вмѣстѣ. Павелъ отправился въ Александро-Невскую лавру, гдѣ было положено тѣло его отца. Онъ велѣлъ двумъ старымъ монахамъ указать ему эту неизвѣстную могилу и открыть гробницу въ своемъ присутствіи. Онъ уплатилъ печальнымъ останкамъ, какіе представились еще его гла-

---

ликовалъ: все его руки. Мой другъ сохранилъ этотъ портфель, какъ реликвію знаменитаго человѣка, которымъ онъ восхищался, будучи вынужденъ съ нимъ сражаться. Когда онъ былъ выпущенъ на свободу, я породилъ въ моемъ другѣ идею возвратить эти бумаги ихъ владѣльцу. Мнѣ кажется, что онъ это сдѣлалъ. (Примѣч. автора).

******) Графъ Игнатій Потоцкій (1741—1809), воспитанникъ Конарскаго, былъ однимъ изъ энергичныхъ дѣятелей Польши, стремившимся къ реформамъ. Онъ много работалъ во время четырехлѣтняго сейма (1788—1792), стремился къ примиренію съ Пруссіей и былъ однимъ изъ творцовъ конституціи 3 мая. Эмигрировавъ на время въ Дрезденъ въ виду побѣды Торговицкой конфедераціи, онъ послѣ революціи 1794 г. вернулся въ Варшаву и сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ народнаго правительства. Послѣ побѣды русскихъ войскъ былъ взятъ въ плѣнъ и содержался въ Шлиссельбургѣ. Освобожденный Павломъ въ 1796 г. онъ работалъ потомъ въ пользу герцогства Варшавскаго. (Примѣч. перев.).

замъ, дань почтительныхъ и трогательныхъ слезъ. Онъ взялъ одну изъ перчатокъ, которыя еще покрывали кости его отца, и съ плачемъ цѣловалъ ее много разъ. О Павелъ! у тебя есть же сыновнее сердце, ты даже казался по временамъ добрымъ отцомъ: для тебя нужно бы было только другую мать и другое воспитаніе! Гробъ былъ поставленъ посреди церкви и передъ нимъ справляли тѣ же самыя службы, какъ возлѣ гроба Екатерины, который былъ выставленъ на парадной кровати во дворцѣ.

Павелъ велѣлъ тогда розыскать офицеровъ, которые оказались привязанными къ его отцу въ моментъ его страшной катастрофы и которые состарились съ тѣхъ поръ въ опалѣ или въ неизвѣстности при дворѣ. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ*, почтенный старецъ, который съ давняго времени жилъ философомъ, уединившись въ небольшой кружокъ друзей, и который не желалъ даже быть призваннымъ на большой театръ, былъ внезапно возведенъ въ генералъ-аншефы и приглашенъ къ императору, велѣвшему ввести его въ свой кабинетъ. Послѣ самаго милостиваго пріема, онъ сказалъ ему: „Слышали ли вы о томъ, что я дѣлаю для своего отца“?—„Да, государь, отвѣтилъ старый генералъ: Я узналъ объ этомъ съ удивленіемъ“—„Какъ съ удивленіемъ! Развѣ это не долгъ, какой я обязанъ выполнить“?—„Смотрите, продолжалъ онъ, поворачиваясь къ портрету Петра III, который былъ уже помѣщенъ въ кабинетѣ**): „я хочу, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моей благодарности къ его вѣрнымъ друзьямъ“. Говоря эти слова, онъ обнялъ генерала Унгерна и повѣсилъ ему орденъ Свят. Александра Невскаго. Этотъ достойный старецъ, столь много возвышающійся надъ такимъ тщеславіемъ, не могъ устоять передъ этимъ трогательнымъ поступкомъ и вышелъ, проливая слезы.

Павелъ возложилъ на него несеніе караула возлѣ тѣла своего отца, предписавъ ему приготовить для церемоніи тотъ же самый мундиръ, который онъ носилъ въ качествѣ адъютанта Петра Ш. Унгернъ имѣлъ счастье отыскать подобный у одного изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Павелъ пожелалъ видѣть и владѣть самъ этой реликвіей гардероба, которая обезпечила также благосостояніе того, кто ее такъ хорошо сохранилъ***). Многіе другіе офицеры, и между прочимъ одинъ, который, при переворотѣ 1762 года, пожелалъ оказать нѣкоторое со-

---

*) Баронъ Карлъ Карловичъ Унгернъ-Штернбергъ (1730—1799), былъ генералъ адъютантомъ императора Петра III. Позже онъ служилъ подъ начальствомъ Румянцева. (Примѣч. перев.).

**) Всѣ изображенія Петра III были удалены изъ императорскихъ дворцовъ и изъ частныхъ домовъ. Неизвѣстно, гдѣ Павелъ могъ спрятать вотъ этотъ. Счастливъ въ эту эпоху былъ тотъ, кто откопалъ на чердакѣ одинъ изъ этихъ портретовъ, какіе были тамъ сложены. Онъ очень скоро сдѣлался лучшимъ украшеніемъ его комнаты. Петербургскіе живописцы не могли поспѣвать съ копіями, которыя имъ заказывали

***) Генералъ Унгернъ Штернбергъ ливонецъ, старый другъ и сослуживецъ по оружію генерала Мелиссино. Авторъ этихъ мемуаровъ былъ въ его тѣсномъ обществѣ и это выдвигается здѣсь впередъ, чтобы придать болѣе вѣса тому, о чемъ только—что было разсказано. Унгернъ былъ одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, котораго Петръ III наиболѣе уважалъ, и его адъютантъ Это былъ онъ, котораго Петръ III избралъ для сопровожденія въ тайномъ визитѣ, сдѣланномъ имъ въ Шлиссельбургѣ несчастному Ивану, низложенному съ трона и заключенному Елизаветой.

противленіе въ пользу Петра III, были разысканы въ ихъ убѣжищѣ и призваны ко двору, чтобы быть осыпанными милостями.

Эти черты умилительны и приносятъ честь сердцу Павла. Но изъ отвѣта Унгерн'а видно, что онѣ изумили всѣхъ. Ихъ приписали столько же ненависти Павла къ своей матери, сколько любви къ своему отцу. Многіе даже приписывали это поведеніе только политическому притворству: признать столь торжественно своимъ отцомъ того, кто не желалъ признавать его за своего сына. Порицали въ особенности тотъ шумъ, то тщеславіе, которые онъ вложилъ въ приказъ вырыть изъ земли его печальный прахъ, чтобы потомъ предостав ть его публичному поклоненію. Гробъ, который его содержалъ, былъ коронованъ *) и перенесенъ съ великимъ торжествомъ во дворецъ, чтобы быть здѣсь выставленнымъ въ построенномъ для этой цѣли храмѣ рядомъ съ тѣ-

---

Они нашли этого достойнаго сожалѣнія молодого человѣка въ темницѣ, окно которой, закрытое кучей дровъ, стоявшихъ во дворѣ, едва дозволяло проникать полусвѣту. Онъ былъ въ бѣлой, очень грязной одеждѣ и на ногахъ имѣлъ только туфли. Онъ имѣлъ очень свѣтлые и подстриженные въ скобку, какъ у русскаго холопа, волосы. Онъ былъ впрочемъ довольно хорошо сложенъ и цвѣтъ его лица имѣлъ бѣлизну, которая доказывала, что никогда лучъ солнца не освѣщалъ его лба. Онъ имѣлъ тогда двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ и былъ заключенъ съ четырнадцатимѣсячнаго возраста. Но онъ получилъ впечатлѣнія и понятія, которыя еще сохранилъ. Петръ III, тронутый его состояніемъ, задалъ ему нѣсколько вопросовъ и, между другими слѣдуюшіе: „Кто ты?—Я императоръ.—Кто посадилъ тебя въ тюрьму.—Злые люди.—Желалъ ли бы ты вновь сдѣлаться императоромъ?—О, да! почему нѣтъ? у меня были бы прекрасныя одежды и слуги, чтобы мнѣ служить.—Но что сдѣлалъ бы ты, если бы былъ императоромъ?—Я отрубилъ бы головы всѣмъ тѣмъ, кто причинилъ мнѣ зло. Петръ III спросилъ его потомъ, откуда онъ зналъ все то, что сказалъ, и онъ отвѣтилъ, что эта была дѣва съ ангелами, которые ему это разсказали, и онъ началъ нести околесную, разсказывая объ этихъ воображаемыхъ видѣніяхъ. Хотя онъ былъ заключенъ съ дѣтства, онъ не казался испуганнымъ при видѣ императора и его офицеровъ. Онъ разсматривалъ ихъ платье и ихъ оружіе съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, какъ будто бы былъ созданъ смѣлымъ ребенкомъ. Императоръ спросилъ его еще о томъ, чего онъ желаетъ; Онъ отвѣтилъ, на своемъ грубомъ русскомъ языкѣ: побольше воздуху *) Унгернъ оставался нѣкоторое время въ Шлиссельбургѣ, чтобы пріобрѣсти его довѣріе и посмотрѣть, не было ли притворнымъ его очевидное безуміе, и онъ вскорѣ убѣдился, что оно было естественнымъ слѣдствіемъ его образа жизни. Онъ далъ ему отъ императора шелковый халатъ. Иванъ облекся въ него съ восторгомъ радости, бѣгая по комнатѣ и любуясь на себя, какъ дикарь, котораго одѣли въ первый разъ. Такъ какъ всѣ его желанія ограничились просьбой—„побольше воздуху", Петръ III послалъ ему планъ небольшого круглаго дворца, въ серединѣ котораго долженъ былъ находиться садъ, съ приказаніемъ тотчасъ же построить это жилище для Ивана во дворѣ крѣпости. Ужасно, что эта гуманность къ невинному послужила предлогомъ противъ этого несчастнаго Петра. Его обвинили въ постройкѣ тюрьмы, чтобы заключить туда свою жену и сына, и его задушили. Примѣч. автора.

*) Удивительно, что авторъ Жизни Екатерины II, въ другихъ мѣстахъ обнаруживающій здравый смыслъ и умъ, могъ вложить въ уста несчастнаго императора Ивана рѣчь или, скорѣе, заученное и патетическое слово, форма котораго сдѣлала бы честь оратору или поэту. Этотъ принцъ, заключенный съ дѣтства, никогда не разговаривалъ и зналъ едва нѣсколько фразъ на своемъ языкѣ. Историкъ создаетъ настоящую сцену романа или трагедіи, которая заканчивается узнаваніемъ, самымъ лучшимъ образомъ доведеннымъ. И вотъ какъ пишутъ исторію! Иванъ не имѣлъ сотой доли необходимыхъ идей и знаній, чтобы выдержать подобный діалогъ.

---

*) Петръ III не былъ коронованъ и подъ этимъ предлогомъ онъ не былъ поребенъ въ крѣпости съ другими русскими императорами. (Примѣч. авт).

ломъ Екатерины и потомъ отвезеннымъ совмѣстно въ крѣпость. Только въ это время два супруга оставались мирно одинъ рядомъ съ другимъ. Прибывали съ великимъ почтеніемъ цѣловать гробницу одного и холодную, синеватую руку другой; совершали колѣнопреклоненіе и не смѣли удаляться иначе, какъ сходя съ катафалка задомъ вспять. Императрица, которая была дурно набальзамирована, вскорѣ оказалась совершенно разлагавшейся: руки, глаза и нижняя часть лица были желтыми, черными и синими. Она была не узнаваема для тѣхъ, которые видѣли ее только съ приданнымъ лицу, подходящимъ къ случаю выраженіемъ. И вся пышность, которой она еще была окружена, всѣ богатства, которыя покрывали ея трупъ, только умножали ужасъ, имъ внушаемый.

Если Павелъ, возстановляя память своего отца, казалось, покрывалъ безчестіемъ память своей матери, напоминая жестокія сцены, которыя тридцати-пятилѣтнее молчаніе почти заставило позабыть, то по крайней мѣрѣ мщеніе, какому онъ подвергъ нѣкоторыхъ убійцъ Петра III, имѣло нѣчто возвышенное. Знаменитый Алексѣй Орловъ, побѣдитель при Чесмѣ, нѣкогда столь могущественный, выдававшійся своимъ гигантскимъ ростомъ и античнымъ тѣлосложеніемъ, уважаемый, если это возможно, за свою славу и за свою старость, былъ обязанъ сопровождать печальные останки Петра III. Онъ привлекалъ всѣ взоры. Эта справедливая и жестокая повинность должна была разбудить въ немъ угрызенія совѣсти, какія столь долгій успѣхъ, безъ сомнѣнія, усыпилъ. Что касается князя Барятинскаго *), второго палача-исполнителя, онъ не осмѣлился предстать передъ Павломъ, который никогда не могъ выносить его вида: онъ убѣжалъ изъ Петербурга. Пассекъ *), благополучіе котораго не имѣло другой причины, кромѣ того же самаго преступленія, и физіономія котораго столь же жестокая, какъ у Барятинскаго, повидимому, напоминала о немъ, къ счастью, находился въ отлучкѣ отъ двора и умеръ нѣсколько дней спустя.

Вотъ добро, которое сдѣлалъ Павелъ въ первые дни своего царствованія. Я собралъ его во едино, чтобы представить въ общей массѣ, потому что эти лучи разума, справедливости и чувства потерялись въ ворохѣ насилій, странностей и мелочности, которыми они всегда были заслоняемы и о которыхъ я тоже разскажу.

Гвардія, это опасное сословіе, которое низвергло отца и которое съ давнихъ поръ смотрѣло на воцареніе сына, какъ на конецъ своего военнаго существованія, была съ перваго дня смѣлымъ и энергическимъ поступкомъ поставлена внѣ возможности вредить ему, и съ нею обошлись безпощадно Павелъ включилъ въ различные гвардейскіе

---

*) Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій былъ флигель-адъютантомъ при Петрѣ III. Екатерина возвела его въ чинъ генералъ-поручика и назначила посломъ въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ съ 1773 по 1785 г. По пріѣздѣ въ Россію особой роли онъ не игралъ. (Примѣч. перев.).

*) Пассекъ Петръ Богдановичъ былъ генераломъ русской службы и умеръ бездѣтнымъ. Родоначальникомъ теперешнихъ Пассековъ сталъ племянникъ его Василій Васильевичъ Пассекъ. (Примѣч. перев.)

полки свои батальоны, пришедшіе изъ Гатчины*), изъ которыхъ онъ распредѣлялъ офицеровъ во всѣ роты, возвышая ихъ на два или на три чина. Такимъ образомъ простые поручики или армейскіе капитаны сразу оказались капитанами гвардіи — мѣсто, столь важное и почетное доселѣ и которое давало чинъ полковника и даже бригадира. Нѣкоторые изъ этихъ прежнихъ капитановъ, и изъ знатнѣйшихъ фамилій имперіи, даже очутились подъ началомъ офицеровъ-выскочекъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вышли изъ ефрейторовъ или унтеръ офицеровъ своихъ ротъ, чтобы вступить въ батальоны великаго князя. Столь внезапная и смѣлая перемѣна, которая во всякое другое время была бы роковою для ея автора, не имѣла другого слѣдствія кромѣ того, что побудила нѣсколько сотенъ офицеровъ и унтеръ офицеровъ взять отставку: это были почти всѣ тѣ, которые имѣли чѣмъ жить безъ службы или не могли переварить причиненную имъ несправедливость и вынести утомительную и педантичную дисциплину, вводимую посторонними пришельцами**). Многіе изъ этихъ юныхъ офицеровъ не чув-

*) Павелъ ожидалъ эти батальоны съ замѣтными нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. Они шли въ походномъ порядкѣ цѣлую ночь и прибыли утромъ. Ничтожный офицеръ Ратиковъ, который, вмѣсто всякой заслуги, имѣлъ счастье возвѣстить ему объ этомъ столь желанномъ прибытіи, былъ въ то же мгновеніе сдѣланъ кавалеромъ ордена Св. Анны и флигель-адъютантомъ великаго князя. Только тогда, когда Павелъ увидалъ себя въ кругу своей небольшой арміи, онъ началъ дѣйствовать такъ, какъ дѣлалъ это въ Гатчинѣ. (Примѣч. автора).

**) Среди этихъ втершихся офицеровъ, ни одинъ не сдѣлалъ столь быстрой карьеры, какъ Аракчеевъ. Семь лѣтъ тому назадъ великій князь, желая имѣть артиллерійскую бригаду въ своемъ Павловскѣ, попросилъ у генерала Мелиссино офицера, способнаго это сдѣлать. Ему былъ данъ Аракчеевъ, который воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и сдѣлался достойнымъ рекомендаціи по своимъ успѣхамъ, въ особенности по своему пылу и страстному рвенію къ подробностямъ дисциплины: Несмотря на свою неутомимость, строгость и точность на службѣ, онъ лишь черезъ нѣкоторое время могъ укрѣпиться въ расположеніи Павла. Множество прекрасныхъ фейерверковъ, устроенныхъ имъ для праздниковъ въ Павловскѣ съ помощью своего прежняго учителя, и въ особенности то неистовство, которое его терзало по отношенію къ упражненіямъ и вынуждало мучить солдата день и ночь, заслужили наконецъ великія милости великаго князя. При его восшествіи на престолъ Аракчеевъ былъ сдѣланъ майоромъ гвардіи съ чиномъ генерала и назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Онъ получилъ орденъ св. Анны вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами крестьянъ и сдѣлался правою рукою императора. Аракчеевъ, съ которымъ майоръ М. служилъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ унтеръ офицеромъ, былъ дѣйствительно достойнымъ одобренія по своимъ способностямъ, своимъ знаніямъ и усердію, которыя тогда обнаруживалъ. Но онъ отличается возмутительной грубостью, въ которой упражнялся уже на кадетахъ. Никогда лирическій поэтъ не былъ столь властно обуреваемъ своимъ Аполлономъ, какъ этотъ человѣкъ одержимъ своимъ воинственнымъ демономъ. Его ярость и палочные удары уже стоили жизни не одному несчастному солдату, даже на глазахъ Павла. Этотъ палачъ даже опять ввелъ въ русскую службу варварство, котораго здѣсь больше не знали: при упражненіяхъ онъ жестоко оскорбляетъ и бьетъ офицеровъ. Между тѣмъ въ эпоху своего фавора, чтобы придать себѣ видъ человѣка благодарнаго, онъ рекомендовалъ генерала Мелиссино, своего прежняго учителя, съ которымъ передъ этимъ разсорился. Онъ только-что былъ разжалованъ въ милостяхъ, потомъ призванъ и возведенъ въ баронское достоинство. Именно онъ прошелъ на смотру во главѣ корпуса войскъ, отправленныхъ въ Германію.

Исторія другого изъ этихъ офицеровъ заслуживаетъ быть изложенной по своей исключительности. Увидятъ, по какому пути иногда прокладываетъ себѣ дорогу.

Одинъ изъ друзей майора М, прогуливаясь по набережной, нашелъ тамъ молодого человѣка, который имѣлъ видъ недавно высадившагося съ корабля и блуждалъ въ отчаяніи вдоль берега, какъ бы съ намѣреніемъ броситься въ воду. Онъ под-

ствовали однако другой обиды, кромѣ обиды быть обязанными покинуть свои блестящіе мундиры, чтобы заказать себѣ платье по смѣшнымъ и страннымъ образцамъ тѣхъ самыхъ батальоновъ, которые столь долгое время возбуждали ихъ насмѣшки.

Павелъ, огорченный и свирѣпый отъ этого общаго ухода, принесся въ казармы, ласкалъ солдатъ, успокоивалъ офицеровъ и старался ихъ удержать, устраняя отъ всякой гражданской и военной должности всѣхъ тѣхъ, кто въ будущемъ подастъ въ отставку и кто, сверхъ того, посмѣетъ носить мундиръ. Онъ издалъ смѣшной и жестокій приказъ всякому офицеру или унтеръ-офицеру, который подалъ или подаетъ прошеніе объ отставкѣ, въ двадцать четыре часа покинуть столицу и отправиться къ себѣ во свояси. Ни въ голову Павла, ни въ голову составителя этого указа не пришло, что эта фраза была абсурдомъ, потому что многіе изъ этихъ офицеровъ были петербужцами и здѣсь имѣли свои семьи. Они и отправились къ себѣ домой, не покидая столицы и повинуясь только второй части приказа, въ страхѣ за ослушаніе противъ первой. Великій экзекуторъ Архаровъ *) освѣдомилъ объ этомъ противорѣчіи императора, поже-

---

ходитъ къ нему и разспрашиваетъ его. Молодой иностранецъ говоритъ ему, что онъ французъ, но родился въ Россіи, и великій князь былъ его крестнымъ отцомъ; что его отецъ въ дѣтствѣ отправилъ его для воспитанія въ одной изъ семинарій во Франціи, откуда онъ уѣхалъ для возвращенія въ Россію, но что никто не могъ сообщить ему свѣдѣній объ его отцѣ; что онъ безъ денегъ, безъ знакомствъ и ему остается только кинуться въ воду. Другъ Майора его утѣшаетъ, приводитъ къ себѣ и производитъ розыскъ. Онъ узнаетъ, что его отецъ, по имени баронъ Билиштейнъ, былъ, дѣйствительно, наставникомъ великаго князя, но что онъ съ нѣкоторыхъ поръ женился въ Моравіи, гдѣ и умеръ. Майоръ М. и его вліятельные покровители заинтересовываются и стараются пристроить молодого человѣка въ гвардіи въ качествѣ унтеръ офицера. Въ шведскую войну онъ слѣдуетъ за своимъ полкомъ и попадаетъ въ плѣнъ при пораженіи русскихъ галеръ. Годъ спустя онъ приходитъ въ состояніе, болѣе печальное, чѣмъ когда-либо, и такъ какъ, въ довершеніе несчастія, другъ майора и другіе его покровители не находились больше въ Петербургѣ, у него остается только майоръ М. Ежедневно онъ приходитъ къ нему для разсказа о своей нищетѣ. Однажды утромъ онъ находитъ его занятымъ чтеніемъ жизни Жамере Дюваля и его переписки съ Mad-elle Соколовой, впослѣдствіи madame Рибасъ. М. зналъ эту даму за подругу m-lle Нелидовой, возлюбленной великаго князя и ему приходитъ одна мысль. Онъ диктуетъ Билиштейну письмо къ адмиральшѣ Рибасъ, гдѣ онъ говоритъ ей, что, когда онъ случайно прочиталъ одно изъ ея прекрасныхъ писемъ къ Дюваля, это чтеніе вывело его изъ отчаянія, такъ какъ онъ подумалъ, что дама, такъ хорошо выражающая чувства благотворенія и гуманности, имѣетъ ихъ въ своемъ сердцѣ. Вслѣдствіе этого, онъ описываетъ ей свое печальное положеніе и проситъ ее о поддержкѣ, чтобы быть рекомендованнымъ великому князю! Madam Рибасъ велѣла ему прійти, послала его къ Нелидовой, которая представляетъ его великому князю. Онъ получилъ нѣсколько сотъ рублей для своей экипировки и посредствомъ графа Салтыкова перешелъ въ Павловскіе батальоны съ чиномъ поручика. Онъ жилъ потомъ нѣсколько меньшимъ бѣднякомъ и всегда обнаруживалъ большую признательность. При воцареніи великаго князя онъ вступилъ въ гвардію въ качествѣ подполковника. (Примѣч. автора).

---

*) Николай Петровичъ Архаровъ (1742—1814). Свою службу онъ началъ рядовымъ Преображенскаго полка съ 16 лѣтъ и въ особенности выдвинулся въ 1771 г. во время чумы, дѣйствуя въ Москвѣ подъ началомъ Орлова. За его расторопную и распорядительную дѣятельность здѣсь онъ былъ назначенъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, въ какой должности обнаружилъ незаурядныя способности и оставилъ память даже до сегодня. Онъ зналъ все, что дѣлалось въ Бѣлокаменной, съ необыкновенной быстротой открывалъ пропажи и раскрывалъ самыя сокровенныя

лавшаго, чтобы во вниманіе приняли только приказъ объ оставленіи Петербурга. Множество молодыхъ людей были взяты, какъ преступники, изъ ихъ домовъ, увезены за черту города, съ запрещеніемъ доступа туда, и оставлены на дорогѣ безъ теплыхъ одеждъ и безъ крова въ стужу—одну изъ самыхъ лютыхъ. Тѣ, кто былъ изъ отдаленныхъ провинцій, не имѣя въ большинствѣ случаевъ средствъ для обратнаго возвращенія туда, блуждали одинаковымъ образомъ въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ многіе погибли отъ холода и нищеты.

Эти варварскія мѣры распространились на всѣхъ офицеровъ арміи и на должностныхъ генераловъ, которые одинаковымъ образомъ должны были присоединиться къ своимъ полкамъ или подать въ отставку, потому что должности эти были уничтожены. Такимъ неполитичнымъ дебютомъ Павелъ высказалъ притязаніе на начало реформы и пріобрѣтеніе арміи. Но что въ скоромъ времени убѣдило въ томъ, что Павелъ, сдѣлавшись императоромъ, не отказался отъ военныхъ пустяковъ, какіе одни только занимали его, какъ великаго князя, это было созерцаніе его, съ самаго утра вступленія на престолъ, прилагающимъ всѣ свои заботы къ мелкимъ перемѣнамъ въ частностяхъ, какія онъ желалъ ввести въ обмундировку и упражненія солдатъ. Дворецъ въ одинъ моментъ получилъ видъ мѣстности, взятой приступомъ иностранными войсками, настолько солдаты, начавшіе здѣсь выполнять караулъ, отличались по тону, по костюму отъ тѣхъ, которыхъ здѣсь видѣли наканунѣ. Онъ спустился наружу, гдѣ провелъ три или четыре часа, заставляя маневрировать своихъ солдатъ, чтобы научить ихъ вступать въ караулъ по своей манерѣ, и утверждая свой вахтпарадъ, который сдѣлался наиболѣе важнымъ учрежденіемъ и центральнымъ пунктомъ его правленія. Ежедневно съ тѣхъ поръ онъ посвящаетъ этому то же самое время, какой-бы холодъ ни стоялъ. Здѣсь въ простомъ темно-зеленомъ мундирѣ, въ толстыхъ сапогахъ, въ большой шляпѣ, онъ проводитъ дни за упражненіемъ караула; здѣсь онъ даетъ свои приказы, получаетъ рапорты, объявляетъ свои милости, награды и кары, и здѣсь долженъ представляться ему всякій офицеръ. Окруженный своими сыновьями *),

преступленія читая по лицамъ людей и иногда съ одного взгляда рѣшая правоты или виновность подозрѣваемаго. Парижская полиция Людовика XV удивлялась его способамъ дѣйствія, ко времени воцаренія Павла онъ уже успѣлъ побывать московскимъ губернаторомъ тверскимъ и новгородскимъ генералъ-губернаторомъ и добиться чина генералъ-поручика. Павелъ сначала осыпалъ его милостями, возвелъ въ чинъ генералаотъ инфантеріи, возложилъ снятую съ своего плеча андреевскую ленту, пожаловалъ 2000 душъ, сдѣлавъ вторымъ послѣ наслѣдника генералъ-губернаторомъ Петербурга. Но вскорѣ Павелъ выслалъ его въ Тамбовскія помѣстья, съ приказомъ жить здѣсь безвыѣздно. Только въ 1800 г. незадолго до своей кончины императоръ разрѣшилъ ему поселиться въ Москвѣ, гдѣ Архаровъ жилъ по барски, очаровывая москвичей хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. (Примѣч. перевод.).

*) Гогартъ, если бы онъ увидалъ самодержавнаго императора и его младшаго сына окружающими бѣднаго рекрута, поворачивающими его направо и налѣво, заставляющими его маршировать взадъ и впередъ, поднимающими его подбородокъ, затягивающими ему поясъ и поправляющими ему фуражку, во всѣхъ случаяхъ награждая его ударами прикладомъ, имѣлъ бы превосходнѣйшій сюжетъ для карикатуры. Одинъ эмигрантъ, по имени Лами, возымѣлъ забавную идею посвятить Павлу дурной переводъ, сдѣланный съ объясненія къ эстампамъ Гогарта. Я не знаю, наир

топая ногами, чтобы согрѣться, съ открытой и плѣшивой головой, съ курносымъ носомъ, съ одною рукою позади спины, а съ другою—равномѣрно поднимающейся и опускающейся подъ крики: разъ, два, разъ, два, онъ полагаетъ свою славу въ томъ, чтобы не бояться пятнадцати или двадцати градусовъ мороза, обходясь безъ мѣховъ. Въ скоромъ времени ни одинъ военный не осмѣливался болѣе показываться въ шубѣ, и старые генералы, мучимые кашлемъ, подагрою и ревматизмомъ, обязаны были кружиться около Павла, одѣтые, какъ и онъ.

Когда первыя впечатлѣнія страха и радости ослабли въ сердцѣ Павла, онъ пошелъ по стопамъ каръ и опалъ съ такой же быстротою и щедростью, съ какими онъ изливалъ благодѣянія. Многія особы испытали эти двѣ крайности за немного дней. Это правда, что большая часть этихъ каръ казались сначала справедливыми. Но нужно согласиться также, что Павелъ и могъ поражать только виновныхъ: до такой степени тѣ, кто осаждали престолъ, были развращены.

Несмотря на увѣренія, только что данныя имъ Зубову, одинъ изъ первыхъ приказовъ, какіе послѣдовали, былъ тотъ, чтобы наложить печать на его канцелярію и на канцелярію Маркова и со скандаломъ изгнать отъ двора ихъ офицеровъ и ихъ секретарей. Извѣстный Терскій, докладчикъ въ сенатѣ, который публично и съ вопіющей наглостью продавалъ правосудіе тому, кто больше дастъ, былъ сначала награжденъ орденомъ и получилъ земли, которыя, говорили, обѣщала ему покойница за нѣсколько дней до своей смерти. Мгновеніе спустя онъ былъ разжалованъ. Будетъ глупо удивляться этому уваженію Павла къ предполагаемой волѣ своей матери и его старанію побольше обогатить бездѣльника прежде, нежели его изгнать. Должно бы, напротивъ, приказать поднять процессъ противъ этого грабителя имѣній вдовъ и сиротъ и удовлетворить поднятому въ порядкѣ государственномъ публичному преслѣдованію.

Самойловъ, генералъ прокуроръ, котораго онъ также съ почестями утвердилъ въ его должности, давъ ему въ подарокъ четыре тысячи крестьянъ, что приноситъ болѣе двадцати тысячъ рублей годового дохода, былъ нѣсколько дней спустя низложенъ, посаженъ подъ арестъ, а его секретарь въ крѣпость. Наконецъ все было обновлено такимъ же способомъ, за исключеніемъ Безбородко, Николая Салтыкова и Архарова.

Это колеблющееся и неувѣренное поведеніе, которое характеризовало первые шаги Павла, ясно доказываетъ, что его милости слѣдуетъ приписать политикѣ, а послѣдовавшія за ними опалы столько же его страстности, сколько правосудію. Но что смутило всѣхъ тѣхъ, кто ему изумлялся, это было видѣть въ моментъ, когда онъ вступалъ въ лабиринтъ столь запутанныхъ дѣлъ и злоупотребленій, важность которыхъ для государства должна была бы занять его по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, это было, повторяю я, видѣть его съ утра

ность ли это или злой умыселъ, но имя Павла совершенно умѣстно поставлено во главѣ этого сочиненія, которому смѣшное посвященіе составляетъ дополненіе. Павелъ не увидалъ здѣсь насмѣшки, почему и послалъ аббату Лами табакерку (Примѣч. автора).

Вильямъ Гогартъ (1697—1764) знаменитый англійскій рисовальщикъ, граверъ и живописецъ. (Примѣч. перев.).

его восшествія на тронъ предающимся съ тѣмъ же самымъ пыломъ мелочнымъ частностямъ военной службы. Форма шляпы, цвѣтъ плюмажа, высота гренадерской шапки, сапоги, гетры, кокарды *), косички, и портупеи сдѣлались государственными дѣлами, которыя поглощали его удивительную дѣятельность. Онъ былъ окруженъ образцами оружія и мундировъ всѣхъ родовъ. Если Людовикъ XVI былъ государемъ, который лучше всего умѣлъ изготовлять замки, то конечно Павелъ I является государемъ, который лучше всего умѣетъ чистить пуговицы и онъ занимается этимъ съ тѣмъ же прилежаніемъ, какое Потемкинъ нѣкогда вкладывалъ въ очистку щеточкой своихъ брилліантовъ. Наиболѣе великимъ знакомъ заслуги и усердія, какой въ эти первые дни можно было ему предъявить, было явиться къ нему въ новомъ, введенномъ имъ смѣшномъ нарядѣ. Офицеръ, который могъ дать сто рублей портному, чтобы имѣть черезъ нѣсколько часовъ платье по новой формѣ и явиться въ немъ завтра утромъ на Вахтпарадъ, былъ почти увѣренъ получить постъ или крестъ. Многіе не имѣли другой заслуги и не употребляли другихъ средствъ, чтобы пріобрѣсти богатыя милости своего новаго императора **).

Другою странностью, которую увидали съ изумленіемъ, было императорское запрещеніе носить круглыя шляпы или, вѣрнѣе, внезапный приказъ снимать ихъ или разрывать на головѣ тѣхъ, кто ихъ носилъ. Это давало мѣсто оскорбительнымъ сценамъ на улицахъ и особенно вокругъ дворца. Казаки и полицейскіе солдаты бросались на прохожихъ съ цѣлью снять съ нихъ головной уборъ а били тѣхъ, кто, не зная, въ чемъ тутъ было дѣло, хотѣлъ защищаться. Одинъ англійскій купецъ, проѣзжая въ саняхъ, былъ остановленъ такимъ образомъ, и съ него сорвали его шляпу. Думая, что это было воровство, у него совершенное, онъ выскакиваетъ изъ саней, сваливаетъ на землю солдата и зоветъ стражу. Вмѣсто стражи подходитъ офицеръ, который бьетъ англичанина. Онъ защищается и падаетъ. Его связываютъ по рукамъ и по ногамъ и ведутъ въ полицію. Онъ имѣетъ счастье встрѣтить карету англійскаго министра, который ѣдетъ ко двору и проситъ о заступничествѣ ***).

---

*) Русская кокарда была бѣлою. Павелъ приказалъ, чтобы она была черная съ жолтой каемкой на такомъ основаніи, какъ удивило всѣхъ и какое всѣ забавлялись разъяснять. Бѣлый цвѣтъ, говорилъ онъ, усматривается издалека и можетъ послужить точкой прицѣла для врага, тогда какъ черный сливается съ цвѣтомъ шляпы и врагъ, не зная куда цѣлить, будетъ всегда промахиваться мимо солдата. (Примѣч. автора).

**) Ему сказали о генералѣ Мейендорфѣ, какъ о хорошемъ кавалерійскомъ офицерѣ. Онъ послалъ къ нему вѣстового, и Мейендорфъ, торопясь повиноваться, представился на парадѣ въ своемъ прежнемъ мундирѣ. Павелъ въ ярости учинилъ жестокую расправу съ тѣми, кто ему рекомендовалъ этого человѣка, назвалъ его солдатомъ Потемкина и изгналъ въ его помѣстья. (Примѣч. автора).

***) Другой англичанинъ встрѣтился съ полицейскимъ офицеромъ, который взялъ у него его круглую шляпу. Англичанинъ, скрестивши руки и смотря на него сверху внизъ, сказалъ ему съ видомъ состраданія: Мой другъ, какъ я жалѣю, что ты русскій. Этотъ англичанинъ безъ сомнѣнія, лѣтъ десять пробылъ въ Петербургѣ и не получалъ извѣстій изъ своего отечества. (Примѣч. автора).

На жалобы М-г Вайтфорта *) императоръ, догадываясь, что круглая казаніе и что онъ лучше объяснится съ Архаровымъ. На слѣдующій день на улицахъ и въ домахъ было опубликовано, что иностранцы, которые не были на службѣ или не приняли русскаго подданства, не включались болѣе въ запрещеніе. Круглыхъ шляпъ больше не срывали. Но тѣ, кто были встрѣчены въ этомъ несчастномъ головномъ уборѣ, были провожаемы въ полицію, чтобы удостовѣрить, кто они были. Если они оказывались русскими, ихъ забирали въ солдаты, и несчастье французу, который былъ встрѣченъ такимъ образомъ: онъ бывалъ осужденъ, какъ якобинецъ. Вообразятъ, быть можетъ, что эти круглыя шляпы были разсматриваемы, какъ символъ какой-нибудь насмѣшки. Совсѣмъ нѣтъ. Павелъ имѣлъ къ нимъ единственно отвращеніе. Онъ объявилъ имъ войну уже въ Павловскѣ за четыре года передъ тѣмъ. Увидятъ впослѣдствіи, что они сыграли роль также въ моей опалѣ. Павлу донесли, что довѣренный въ дѣлахъ короля сардинскаго, посмѣиваясь надъ этимъ страннымъ гоненіемъ противъ круглыхъ шляпъ, сказалъ, что подобныхъ бездѣлицъ не доставало для частыхъ бесѣдъ о бунтахъ въ Италіи. Повѣренный въ дѣлахъ черезъ Архарова получилъ приказъ покинуть столицу въ двадцать четыре часа. Благодаря отдаленности и положенію короля Сардиніи, онъ не могъ разспрашивать объ основаніяхъ подобнаго оскорбленія; безъ чего круглыя шляпы могли бы сдѣлаться поводомъ къ войнѣ между двумя монархами: права трона и престола, достоинство короны и счастье народа, навѣрное, фигурировали бы въ манифестахъ ***). шляпа, которая является національной шляпой шведовъ, легко могла быть таковой же у англичанъ **), говоритъ, что плохо поняли его при-

Столь же всесовершенно непонятнымъ приказаніемъ было запрещеніе запрягать лошадей и надѣвать сбрую по русскому образцу ****).

---

*) Чарльзъ Вайтфортъ (1754—1825) извѣстный англійскій дипломатъ. Сначала онъ два года былъ полномочнымъ министромъ Англіи въ Польшѣ, потомъ съ 1776 г. переѣхалъ въ томъ же званіи въ Петербургъ и пріобрѣлъ больше вліяніе на Екатерину. При Павлѣ сначала его положеніе было затруднительнымъ вслѣдствіе отказа императора подписать состоявшійся уже договоръ съ Англіей, но Вайтфортъ сумѣлъ добиться своего и заслужилъ такую милость у Павла, что послѣдній ходатайствовалъ у Георга III о пожалованіи Вайтфорту перства. Въ 1800 г. государь однако уже былъ гнѣвенъ на посла и послѣдній по его приказу уѣхалъ изъ Петербурга. Съ 1802 г. по 1803 г. онъ былъ посломъ въ Парижѣ, а съ 1815 по 1817 вицекоролемъ Ирландіи. (Прим. перев.).

**) Это также національная русская шляпа съ небольшимъ приблизительно различіемъ въ формѣ, которое нужно было знать, такъ какъ оно препятствовало оскорбленіямъ. Послѣ того, какъ шляпные магазины въ скоромъ времени исчерпали треугольныя шляпы, тѣ, кто не имѣлъ ни времени, ни средствъ достать ихъ, поправили свои маленькія, щегольскія круглыя шляпы, чтобы имѣть возможность въ безопасности проходить по улицамъ. (Примѣч. автора).

***) Къ счастію, дѣло не случилось съ министрами шведскимъ или прусскимъ. Послѣдній, повидимому, попалъ въ немилость у Павла по мотиву вполнѣ благородному. Шляпа, косичка, ранецъ, гетры и шпага позади спины, которые онъ велѣлъ носить при мундирѣ, все это было, говорилъ онъ, по прусскомт образцу. М. Тауенціенъ, повидимому, протестовалъ противъ невѣрности перевода, представши при дворѣ въ мундирѣ, болѣе умѣренномъ и болѣе элегантномъ. Въ этомъ заключается преступленіе, почему Павелъ потребовалъ его отозванія. (Примѣч. автора).

****) Русскіе имѣютъ свою собственную сбрую и манеру запряжки лошадей. Форейторы садятся всегда на правую лошадь и ихъ заводная лошадь оказывается налѣво. (Примѣч. автора).

Предоставлено было двѣ недѣли, чтобы достать нѣмецкую упряжку, послѣ чего полиціи было предписано отрѣзать постромки у всѣхъ экипажей, которые оказывались запряженными по старому способу. Съ первыхъ же дней этого объявленія многія лица, опасаясь быть оскорбленными, не смѣли больше выѣзжать и еще менѣе показываться въ своихъ каретахъ поблизости отъ дворца. Шорники, пользуясь случаемъ, заставляли платить до трехсотъ рублей за простую сбрую на пару лошадей. Одѣть извозчиковъ или русскихъ кучеровъ по-нѣмецки было другимъ затрудненіемъ. Большая часть не хотѣла разстаться ни съ длинной бородой, ни съ кафтаномъ, ни съ круглой шляпой и еще менѣе подвязывать искусственную косу къ своимъ остриженнымъ волосамъ.

Все это порождало сцены и картинки самыя смѣхотворныя. Императоръ имѣлъ опять досаду быть вынужденнымъ въ концѣ концовъ измѣнить этотъ суровый приказъ на простое приглашеніе мало-по-малу выѣзжать по-нѣмецки, если желаютъ заслужить его милости.

Другая реформа коснулась каретъ.

Великое число блестящихъ экипажей, которые кишѣли на громадныхъ петербургскихъ улицахъ, исчезло въ одно мгновеніе. Офицеры, даже генералы прибывали на парадъ въ небольшихъ саняхъ или пѣшкомъ. Это не освобождало все-таки отъ своихъ опасностей. Одинъ офицеръ, проходя по улицамъ въ тяжелой шубѣ, вручилъ свою шпагу, мѣшавшую ему ходить, слугѣ съ намѣреніемъ взять шпагу обратно и снять шубу, когда онъ приблизится ко дворцу. Онъ имѣлъ несчастье прежде того встрѣтиться съ императоромъ. Офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты, а слуга или солдатъ былъ поставленъ на его мѣсто.

Древній этикетъ состоитъ въ томъ, что, встрѣчаясь съ самодержцемъ Россіи, съ его женой или съ его сыномъ, нужно останавливать свою карету или лошадь, слѣзать съ нихъ и простираться на снѣгу или по грязи*). Это варварское и трудное для выполненія въ большомъ городѣ, гдѣ экипажи проѣзжаютъ въ большомъ числѣ и всегда вскачь, выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ было совершенно уничтожено въ культурное царствованіе Екатерины. Одною изъ первыхъ заботъ Павла было возстановить его во всей строгости. Одинъ офицеръ генеральнаго штаба, который проѣхалъ такъ, что кучеръ на козлахъ его кареты не узналъ возницу государства, ѣхавшаго верхомъ, былъ остановленъ и тотчасъ же отправленъ подъ арестъ **). Та же самая непріятность случилась со многими другими лицами, такъ что встрѣча съ Павломъ, будь то пѣшкомъ, будь въ каретѣ, была тѣмъ, чего страшились всего болѣе. Но то, что случилось съ нѣкоею госпожею Лихаревой, заслуживаетъ быть записаннымъ, чтобы внушить ужасъ, какимъ человѣчество обязано тиранамъ.

---

*) Петръ I приказывалъ давать или самъ давалъ палочные удары тѣмъ, кто передъ нимъ такимъ образомъ простирался. (Примѣч. автора).

**) Когда ему вернули его шпагу, онъ не пожелалъ взять ее обратно, говоря, что это была золотая шпага, полученная отъ императрицы съ привилегіей не имѣть возможности быть отнятой у него. Павелъ велѣлъ ему прійти, самъ вручилъ ему шпагу, говоря, что онъ желалъ показать примѣръ и не имѣетъ, кромѣ того, никакого гнѣва противъ него. Но отдалъ ему приказъ тотчасъ же уѣзжать въ армію. (Примѣч. автора).

Эта дама была въ деревнѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Ея мужъ, бригадиръ Лихаревъ, лежалъ больной, и жена не захотѣла довѣрить никому, кромѣ самой себя, отъѣзда въ городъ на розыски медика и необходимой помощи. Она прибыла въ моментъ всеобщаго потрясенія. Деревенскіе люди не знали новаго императора и еще менѣе знали его новыя узаконенія. Занятая опаснымъ положеніемъ своего мужа, она торопила ихъ какъ можно быстрѣе везти ее къ медику. Къ несчастью, ея карета проѣхала безъ остановки на нѣкоторомъ разстояніи отъ императора, который совершалъ верховую прогулку. Въ ярости онъ тотчасъ посылаетъ адъютанта, велитъ остановить экипажъ, приказываетъ четырехъ слугъ забрать въ солдаты, а дерзкую даму отправить въ заключеніе при полицейской части. Эти приказы были тотчасъ же выполнены.

Несчастная пробыла взаперти четыре дня. Это ужасное обращеніе, состояніе, въ которомъ она оставила мужа, истерзали ея сердце и закружили голову. Она заболѣла горячкой. Ее наконецъ перенесли въ трактиръ, чтобы здѣсь дать ей уходъ, но несчастная навсегда потеряла рязсудокъ. Ея мужъ, покинутый безъ помощи, лишенный своей жены и своихъ слугъ, умеръ въ отчаяніи, такъ и не увидавъ ея.

Этикетъ сталъ столь же всецѣло строгимъ и столь же вполнѣ страшнымъ и во внутреннихъ покояхъ дворца. Несчастье тому, кто, будучи допущенъ къ поцѣлую сухой руки Павла, не производилъ стука о полъ, ударяя его колѣномъ съ тою же силою, съ какою солдатъ производитъ его, ударяя своимъ ружейнымъ прикладомъ. Нужно было также, чтобы чмоканье губъ на рукѣ раздалось во всеуслышанье, чтобы засвидѣтельствовать поцѣлуй, какъ и колѣнопреклоненіе.

Князь Георгій Голицынъ, камергеръ, былъ отправленъ подъ арестъ самимъ Его Московитскимъ Величествомъ и тотчасъ же за то что сдѣлалъ поклонъ и поцѣловалъ руку слишкомъ небрежно *)

Однимъ изъ первыхъ распоряжаній Павла было еще строгое предписаніе торговцамъ стереть съ своихъ вывѣсокъ (французское слово: магазинъ и подставить тамъ русское слово: лавка, приводя за основаніе, что одинъ лишь императоръ могъ имѣть магазины топлива, муки, зерна и пр. пр., что ни одинъ купецъ не долженъ подниматься превыше своего званія, но оставаться въ немъ въ своей лавкѣ.

Нужно бы было снизойти до подробностей слишкомъ снотворныхъ, если бы пожелать доложить о всѣхъ распоряженіяхъ той же силы и той же важности, которыя слѣдовали другъ за другомъ въ

*) Уже, какъ великій князь, Павелъ имѣлъ склонность къ этикету. Будучи въ Монбельярѣ, онъ, скандализовалъ всѣхъ, взявъ вдругъ за руки одного молодого офицера изъ своей свиты, который игралъ въ карты, и вышвырнувъ его за дверь. Онъ сказалъ тѣмъ, которые играли съ офицеромъ: Господа, этотъ молодой фатъ не довольно высокаго чина, чтобы составить такую партію. На придворныхъ балахъ танцорамъ нужно было дѣлать всѣ виды кривляній, чтобы, танцуя, не перестать быть обращеннымъ къ нему передомъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Только враги Павла имѣли право обернуться къ нему спиной, но я не знаю, пожелаютъ ли они воспользоваться имъ при случаѣ. (Примѣч. автора).

теченіе восьми дней *). Что сказать, чего надѣяться отъ человѣка, который, наслѣдуя Екатеринѣ, смотритъ на эти вотъ вещи, какъ на самыя неотложныя для приведенія въ порядокъ?

Часто эти новыя и важныя узаконенія противорѣчили или уничтожали одно другое, и онъ былъ вынужденъ на другой день измѣнять или брать обратно то, что велѣлъ опубликовать наканунѣ. Онъ думалъ управлять обширной имперіей, какъ управлялъ своимъ Павловскомъ, своей столицей, какъ своимъ домомъ, и тридцатью милліонами людей всѣхъ сословій и всѣхъ націй, какъ дюжиной лакеевъ.

Изъ всѣхъ непредвидѣнныхъ и неподготовленныхъ перемѣнъ, какія онъ сдѣлалъ, самыми неполитичными и самыми значительными были тѣ, которыя онъ произвелъ въ арміяхъ. Извѣстно, что нужно было по военному вѣдомству совершить большія реформы и большія улучшенія. Смягчить жребій храбраго русскаго солдата, устроить еще болѣе жалкій жребій офицера, уменьшить мало по-малу число сверхштатныхъ и ввести порядокъ и дисциплину, которые разрушило царствованіе столькихъ женщинъ и столькихъ фаворитовъ, было достаточно широкимъ полемъ для военнаго генія Павла. Увеличить несправедливо расточаемыя милости, умножить и безъ того уже многочисленное званіе майоровъ, измѣнить мундиры, чины, термины и названія—вотъ то, что онъ сумѣлъ сдѣлать. Русская армія, по красотѣ, простотѣ и удобству своей обмундировки, приспособленной къ климату и къ духу страны, представляла образецъ, достойный подражанія **). Широкіе шаровары или панталоны краснаго сукна, концы которыхъ прятались въ сапогахъ изъ мягкой кожи и которые стягивались поясомъ на красной и зеленой курткѣ; небольшая каска, весьма воинственно украшающая голову; подстриженные вокругъ шеи волосы, которые скрывали уши и легко содержались въ чистотѣ—такова была форменная одежда солдата. Онъ былъ одѣтъ въ мгновенье ока, потому что у него были только двѣ вещи изъ платья и ихъ широта позволяла ему подъ ними предохранять себя противъ холода, не нарушая формы. Теперь его заставили смѣнить этотъ ловкій и воинственный нарядъ на старинное нѣмецкое платье, къ которому русскій питаетъ ужасъ. Необходимо, чтобы онъ покрывалъ пудрой и жиромъ свои бѣлокурые волосы, которые онъ любилъ мыть каждое утро; необходимо, чтобы онъ посвящалъ часъ на застегиваніе проклятыхъ черныхъ гетръ, которыя жмутъ ему большой палецъ ноги. Русскій солдатъ громко ворчалъ. Вѣроятно, что фальшивыя косички, которыя ему насильно подвѣсили на затылокъ, причинили столько же

*) Съ того времени онъ запретилъ особеннымъ указомъ носить фраки, жилеты и панталоны. Онъ запретилъ академіи пользоваться терминомъ революція, говоря о теченіи звѣздъ и предписалъ актерамъ употреблять слово позволеніе вмѣсто слова свобода, которое они ставили въ своихъ афишахъ. Онъ запретилъ фабрикантамъ изготовлять всякія ленты и всякія матеріи, какихъ бы то ни было трехъ цвѣтовъ (Примѣч. автора).

**) Такимъ образомъ солдатъ, не безъ нѣкотораго основанія, считалъ себя много выше своихъ сосѣдей. Павелъ имѣлъ глупость отнять у него эту національную гордость, заставляя его рабски подражать нѣмцамъ прошлаго вѣка, которыхъ русскіе считали далеко оставленными позади себя.

Павелъ дѣйствовалъ, какъ педантъ, который, чтобы наказать самонадѣяннаго ученика, слишкомъ скоро научившагося читать, возвращаетъ его къ азамъ.

(Примѣч автора.)

побѣговъ, сколько заплетенные головные узлы Сен-Жермен'а *).

Этотъ старый оригиналъ фельдмаршалъ Суворовъ, получивъ приказаніе ввести всѣ эти новости и небольшія палочки для мѣрки и образца волосяныхъ косичекъ и буклей сказалъ: „Не порохъ—пудренные парики, не пушки—завитушки и косички—не штыки". Эти остроумныя и довольно осмысленныя слова, которыя по русски представляютъ родъ рифмованной пословицы, переходили въ полкахъ изъ устъ въ уста и были истиннымъ основаніемъ, которое побудило Павла вызвать Суворова и дать ему отставку. Этотъ старый воинъ—кумиръ русскаго солдата.

Того же самаго рода перемѣны онъ производилъ и въ гражданскомъ строѣ: онъ не желаетъ улучшать, но измѣнять. Довольно, чтобы какая-нибудь вещь была въ царствованіе его матери, чтобы она не могла существовать въ его царствованіе. Всѣ суды, всѣ губерніи имперіи были передѣланы и преобразованы; та, которая, по своему имени, была посвящена славѣ Екатерины (Екатеринославъ), была уничтожена, и это публичное оскорбленіе памяти своей матери одно только по сердцу Павла **). Пусть посудятъ о смятеніи, о разрушеніяхъ, о

**) До царствованія Павла дезертирство было почти неизвѣстно у русскихъ. Они бѣгутъ въ настоящее время взводами и прибываютъ въ Пруссію, гдѣ изъ нихъ формируютъ цѣлые полки. Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ, почему они дезертировали Какъ сударь!—сказали они: насъ заставляютъ упражняться съ утра до вечера, не давая намъ поѣсть, у насъ отняли нашу одежду и насъ бьютъ нещадно. (Прим. авт.).

*) Нѣтъ мелочей, до которыхъ не снизошелъ бы этотъ мелколюбецъ-императоръ, чтобы показать свою зависть къ памяти своей матери. Лица, которыя были привязаны къ этой государынѣ, носили перстни, гдѣ была выгравирована дата ея смерти. Ея сынъ имѣлъ безстыдство засвидѣтельствовать свое недовольство по этому поводу. Онъ пожелалъ, чтобы носили кольца съ такими словами: „Павелъ меня утѣшаетъ". Они утѣшили столь много, что заставили всѣхъ смѣяться.

Онъ довелъ это сыновнее безстыдство до того, что поразилъ своимъ неодобреніемъ общество богатыхъ русскихъ, которые соединились въ Гамбургѣ, подъ покровительствомъ русскаго посольства, чтобы воздвигнуть поэтическій памятникъ памяти Екатерины. Отношенія, въ которыхъ майоръ М. находился еще въ то время и въ особенности его долгъ двумъ друзьямъ побудили его содѣйствовать этому предпріятію. Судьи гамбургскаго лицея имѣли мужество присудить вторую награду посланной имъ пьесѣ, несмотря на запретныя мысли, просвѣчивавшія въ способѣ, которымъ онъ прославлялъ Екатерину, и въ его молчаніи или его намекахъ на утѣшителя, котораго она оставила ***). Секретарь посольства, извѣщая его объ успѣхѣ, какой имѣло его произведеніе, давалъ знать, что его только лишь послали императору и изъявили подданическій долгъ Его Величеству этимъ памятникомъ, который будетъ великолѣпенъ и будетъ стоить громадныхъ денегъ. Онъ просилъ его въ то же время составить въ честь Павла оду, чтобы поставить ее во главѣ увѣнчанныхъ произведеній. М... начисто отказался отъ этой новой дани, которая была бы низостью съ его стороны, такъ какъ онъ только что былъ оторванъ отъ своей семьи и несправедливо изгнанъ императоромъ Но, не получая медали, которая ему была присуждена, онъ потребовалъ отъ секретаря доставить ее ему или онъ объявитъ публично, въ газетахъ, о столь возмутительномъ поступкѣ. Онъ зналъ, что его произведеніе было распространено при Петербургскомъ дворѣ и что тамъ знали его имя, хотя онъ имѣлъ предосторожность поставить анаграммы. И это не мало содѣйствовало тому, чтобы навлечь проклятіе Павла на гамбургское общество. Но безчестія отъ подобной гласности побоялись: посольство прислало наконецъ медаль съ неловкимъ извиненіемъ за опозданіе болѣе чѣмъ на годъ, сознаваясь, что такъ какъ императоръ не одобрилъ этотъ памятникъ своей матери, то знаменитое обществво испугалось его негодованія. Майоръ М.. самъ сообщилъ мнѣ эти подробности и письма секретаря посольства. (Примѣч. автора).

***) Девизомъ произведенія было: fuit illa et ingens gloria Russorum, и тамъ находились слѣдующіе стихи:

неспаведливыхъ бѣдствіяхъ, которыя подобныя перемѣщенія влекли за собою въ Россіи. Французская революція не совершила ихъ такое множество, чтобы все возродить, какое восшествіе на престолъ Павла, чтобы все испортить. Болѣе двадцати тысячъ дворянъ очутились безъ должности.

Если новое царствованіе мрачно для арміи и бѣдныхъ дворянъ, то оно до сихъ поръ оказывается еще болѣе мрачнымъ для несчастныхъ крестьянъ, которыхъ усиливается заковать въ цѣпи. Если Павелъ могъ взять примѣръ съ Пруссіи, то, безъ сомнѣнія, это былъ примѣръ того обращенія, какое она заставляетъ испытывать поляковъ, подчинивъ ихъ своему господству вѣроломствомъ *). Можно сказать, что прусское правительство даетъ польскимъ рабамъ больше свободы, чѣмъ могъ бы ее обѣщать имъ побѣдитель Костюшко. Король прусскій, далекій отъ подражанія Екатеринѣ или Павлу, который раздаетъ этихъ рабовъ придворнымъ чтобы предоставихь ихъ частной, болѣе невыносимой тираннiи, присоединилъ ихъ къ своимъ помѣстьямъ и они испытываютъ участь безконечно болѣе мягкую, чѣмъ прежде **).

Я слышу голосъ вдругъ трепещущій и стонъ.
Я вижу родъ людской—въ мольбѣ, въ угрозѣ онъ:
„Стой, варвары! кому алтарь воздвигнутъ тамъ.
Смотрите: вотъ борцы, огонь, желѣзо, сталь...
О! кровь моя и слезъ пролившихся хрусталь
Загасятъ въ мигъ при васъ преступный ѳиміамъ.

И еще:
Орелъ полночныхъ странъ, держа въ полетѣ кругъ
На землю грянулъ вдругъ.
Блуждаетъ онъ въ ночи: звѣзды его ужъ нѣтъ. (Прим. авт.)

---

*) Пусть сравнятъ съ указомъ Павла, который повелѣваетъ всѣмъ слоимъ подданнымъ простираться при его видѣ въ пыли, приказаніе, только что данное своимъ министрамъ молодымъ королемъ Прусскимъ, возвратившимся изъ Польши, гдѣ онъ былъ возмущенъ, найдя польскій народъ почти въ такомъ же униженіи, какъ русскій. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого замѣчательнаго приказа, которые я привожу въ переводѣ. См. Ежегодникъ прусской монархіи, январьскую тетрадь 1799 г.

Мои возлюбленные министры Фоссъ и Шреттеръ! Въ теченіе путешествія, которое я только что совершилъ по новымъ прусскимъ провинціямъ, я увидалъ, что низшій классъ моихъ подданныхъ въ этихъ мѣстахъ пребываетъ въ состояніи культуры, много ниже по уровню состоянія другихъ провинцій. Эти несчастные весьма невыгодно отличаются нечистоплотностью своихъ одеждъ и жилищъ, но въ особенности низкопоклонными манерами и преувеличеннымъ униженіемъ.,. Послѣдній изъ моихъ подданныхъ имѣетъ передо мной и передъ закономъ челозеческое достоинство. Подданные изъ этихъ новыхъ провинцій не знаютъ еще этого достоинства, которымъ они обязаны прусскому скиптру, потому что подначальные правительственные чиновники сами не знаютъ своего призванія и злоупотребляютъ своею властью. Обратилось въ пословицу между ними, что поляками должно управлять при помощи кнута, и я много разъ слышалъ жалобы на подобное обращеніе съ моими подданными въ то время, какъ смѣняли моихъ лошадей и пр. и проч.

Вотъ какъ выражается король-человѣкъ, который былъ возмущенъ при видѣ рабскаго народа, ползавшаго у его ногъ. Онъ предписываетъ поднять эту униженную націю, просвѣщая ее, цивилизуя ее, и наказывая злоупотребленія властью. Это прямо противоположно тому, чего желаетъ Павелъ темный. (Примѣч. автора).

**) Всѣ государи, которые желали поднять народъ и унизить вельможъ, чтобы лучше утвердить авторитетъ правительства, всегда трудились надъ возсоединеніемъ въ свои помѣстья земель и правъ помѣщиковъ. Русскіе самодержцы держатся противоположной дороги: она раздаютъ коронныя помѣстья знати, чтобы сдѣлать изъ нея наилучшаго соучастника въ тираніи болѣе чудовищной, чѣмъ та, которая бы л когда-либо при феодализмѣ. Благодаря этой жестокой системѣ, они ставятъ сами себя внѣ возможности даровать когда-нибудь свободу рабамъ. (Примѣч. автора).

Такъ какъ распространился слухъ. что Павелъ ограничитъ власть господъ надъ ихъ рабами и дастъ помѣщичьимъ крестьянамъ тѣ же самыя преимущества, какъ государственнымъ крестьянамъ, то народъ въ столицѣ предавался великимъ надеждамъ. Въ этотъ моментъ одинъ офицеръ отъѣзжалъ къ своему полку, расположенному въ Оренбургѣ. Въ дорогѣ его разспрашивали о новомъ императорѣ и о новыхъ узаконеніяхъ. Онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и о чемъ ему говорили, и, между прочимъ, объ указѣ въ пользу крестьянъ, который долженъ былъ появиться въ скоромъ времени. При этихъ извѣстіяхъ крестьяне тверскіе и новгородскіе пришли въ какое-то шумное движеніе, на которое взглянули, какъ на признаки мятежа. Ихъ господа свирѣпо поступили съ ними. Причина ихъ ошибки открылась. Павелъ послалъ стараго фельдмаршала Репнина съ войсками противъ нѣсколькихъ поселковъ, бѣдные обитатели которыхъ радовались немного шумно тому, что ихъ новый императоръ желаетъ, говорили онъ, смягчить ихъ оковы. Офицеръ, авторъ этой ложной надежды, который распространилъ ее неумышленно, разсказывая при проѣздѣ городскія новости, въ скоромъ времени былъ приведенъ сюда закованный въ желѣзо, какъ преступникъ, зачинщикъ бунта и проповѣдникъ свободы. Кто можетъ узнать объ этомъ безъ дрожи негодованія! петербургскій сенатъ призналъ его достойнымъ смерти, присудилъ его къ лишенію правъ и состоянія, къ бичеванію кнутомъ и къ рудниковымъ работамъ, если онъ переживетъ свою пытку. И все это за то, что онъ сказалъ на нѣсколькихъ почтовыхъ станціяхъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Оренбургъ, что новый императоръ, полный человѣколюбія, ограничитъ власть господъ надъ рабами! Павелъ утвердилъ этотъ нелѣпо-жестокій приговоръ. Вотъ первый уголовный процессъ, о которомъ сдѣлали сообщеніе публикѣ, и, конечно, онъ только въ большей степени оправдываетъ тотъ остатокъ стыда, который до тѣхъ поръ заставлялъ держать въ тайнѣ подобныя государственныя злоумышленія. Сенатъ съ открытымъ челомъ приложилъ печать правосудія и законности къ кровавому акту, который при Екатеринѣ, безъ сомнѣнія, совершился бы, но въ тайнѣ и въ молчаніи, какими облекается преступленіе. Но оставимъ жестокости Павла, чтобы вернуться къ его чудачествамъ.

Наиболѣе выдающееся—это та манія, какую онъ, съ юности своей, засвидѣтельствовалъ къ упражненіямъ и обмундированію солдатъ и какая съ того времени постоянно возрастала. Эта страсть предвѣщаетъ въ государѣ генерала и героя не больше, чѣмъ забота объ одѣваніи и раздѣваніи куклы предвѣщаетъ хорошую мать семейства въ маленькой дѣвочкѣ, которая проводитъ свой день за этими играми. Извѣстно, что Фридрихъ великій, самый искусный воинъ своего времени, имѣлъ съ своего дѣтства непобѣдимое отвращеніе ко всѣмъ этимъ мелочамъ капральства, къ которымъ хотѣлъ принудить его отецъ: это было даже первымъ источникомъ той вражды, какая всегда царила между отцомъ и сыномъ. Юный Фридрихъ могъ только украдкою заниматься исторіей и литературою съ своимъ наставникомъ Ган'омъ. Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на всякую другую книгу, кромѣ псалмовъ Давида и своихъ военныхъ уставовъ, какъ на безполезную и опасную, и когда онъ увидалъ, что юный Фридрихъ, не

ограничиваясь умѣньемъ играть гвардейскій маршъ, пожелалъ замѣнить свой маленькій барабанъ клавесинами, а свою трубу на нѣжную флейту, онъ запретилъ ему также и музыку. Эта отцовская тираннія произвела дѣйствіе, совершенно противоположное тому, на какое отъ нея надѣялись: она придала больше силы подавляемымъ желаніямъ Фридриха. Онъ самообразовался; онъ сдѣлался героемъ. Его отецъ былъ только капралъ *).

Петръ III довелъ солдатоманію также до смѣшного и думалъ, что за образецъ ставитъ себѣ Фридриха. Онъ любилъ солдатъ и оружіе, какъ любятъ собакъ и лошадей. Онъ умѣлъ только упражняться, онъ выѣзжалъ только въ нарядѣ военачальника. Ну, хорошо! этотъ Петръ III, во главѣ полка, столько обработаннаго имъ самимъ, не имѣлъ мужества предстать передъ молодой женщиной., шествовавшей ему навстрѣчу съ нѣсколькими ротами тѣхъ самыхъ гвардейцевъ, которые не знали прусскихъ экзерцицій. Онъ потерялъ, не осмѣлясь ихъ защищать, корону и жизнь, Конечно, нельзя представить примѣра болѣе умѣстнаго, болѣе сильнаго и болѣе недавняго противъ этой солдатоманіи, которая, кажется, гораздо скорѣе исключаетъ мужество и военные таланты, чѣмъ ихъ предполагаетъ. Имѣть грубую куртку, особенно застегнутую на животѣ, носить засаленную шляпу **) и шпагу позади спины—вещь очень легкая для подражанія. Можно даже проводить день на парадѣ, пороть тамъ солдатъ и глумиться надъ офицерами; это будетъ сатирическая каррикатура великаго короля, это значитъ походить на него, какъ вербовщикъ, который усиливается принять его наружность. Но, говоритъ Мольеръ:

Когда кому-нибудь хотимъ мы подражать,
Хорошее одно должны перенимать
И, если кашляетъ нашъ образецъ, стараться
Мы не должны... и кашлять, и плеваться ***).

Вещью много болѣе полезной и почти столь же легкой для подражанія великому королю, такъ какъ она не требуетъ ни таланта, ни генія, но единственно добраго желанія, любви къ справедливости и терпѣнія, было бы получать, какъ онъ, прошенія и письма своихъ подданныхъ, а главное—отвѣчать на нихъ. Нельзя довольно надивиться, съ какимъ постоянствомъ и съ какою точностью этотъ великій человѣкъ всегда выполнялъ это рѣшеніе, которое онъ принялъ съ самаго начала своего царствованія. Было ли такъ, что онъ отказывалъ или утверждалъ, было ли такъ, что онъ находилъ дѣло несправедливымъ или основательнымъ, онъ отвѣчалъ всякому человѣку, который къ нему обращался. Я видѣлъ многіе изъ этихъ отвѣтовъ, изумительныхъ по своей мудрости и своей точности. Между тѣмъ Фридрихъ находилъ время составлять и даже писать кое-что и другое,

---

*) Я зналъ молодыхъ русскихъ, которымъ тѣ же самыя основанія послужили только для развитія генія. Такъ превосходный лукъ выправляется подъ рукой, которая его сгибаетъ. (Примѣч. автора).

**) Павелъ старается носить грязную шляпу. Въ чемъ заслуга этого? Такъ какъ онъ хочетъ, чтобы всякій исполнялъ свой долгъ, почему не заставляетъ онъ чистить и пройтись щеткою по своей шляпѣ своихъ лакеевъ, давая имъ черезъ эту важную службу средство заслужить скорѣе чинъ статскаго совѣтника. (Прим. авт.).

***) Переводъ С. Городецкаго.

кромѣ писемъ. Онъ не вставалъ раньше Павла, но онъ оставался только четверть часа на парадѣ, а часто и не ходилъ туда.

Ничего не было бы достойнѣе русскаго самодержца, какъ установить между собою и своими рабами подобное взаимообщеніе, потому что произвольные акты и общественныя насилія нигдѣ не представляютъ ни столь вопіющаго, ни столь частаго явленія. Доселѣ всякій человѣкъ, который имѣлъ смѣлость представить просьбы прямо къ его Царскому Величеству, даже въ царствованіе Екатерины, былъ заключаемъ въ тюрьму.

Павелъ съ перваго дня своего воцаренія, казалось, уничтожилъ эту жестокость и принялъ нѣсколько бумагъ, которыя ему подали. Онъ велѣлъ даже построить нѣчтно въ родѣ бюро на лѣстницѣ дворца, куда всякій могъ прійти и бросить свои письма. Онъ велѣлъ опубликовать, что онъ всѣ ихъ читаетъ и что, послѣ необходимой провѣрки, дастъ рѣшеніе. Онъ запретилъ вслѣдствіе этого на будущее время приходъ и прерываніе его на Вахтпарадѣ и повелѣлъ арестовывать тѣхъ, кто еще осмѣливались приближаться къ нему съ бумагою въ рукѣ. Между тѣмъ ящикъ бюро наполнился, и Павелъ, найдя тамъ, противъ своего ожиданія, болѣе прошеній, нежели доносовъ, почувствовалъ отвращеніе къ оказанію по нимъ справедливости и испугался ихъ количества. Онъ не понялъ, что они будутъ убавляться, по мѣрѣ того, какъ онъ вложитъ болѣе порядка и быстроты въ отвѣты на нихъ. Все вновь поверглось въ первоначальный хаосъ, и секретари, обремененные пересмотромъ этихъ бумагъ, являются, какъ и прежде, произвольными вершителями дѣлъ и несчастныхъ, которые прибѣгли къ своему господину *).

Финансы имперіи, истощенные расточительностью и еще болѣе мотовствомъ царствованія Екатерины, нуждались въ быстромъ лѣченіи, и Павелъ, казалось, сначала объ этомъ подумалъ. Наполовину отъ надежды, наполовину отъ страха, государственныя бумаги немного поднялись. Нужно было думать, что великій князь всея Россіи, который въ продолженіе тридцати лѣтъ вынужденъ былъ жить на сто тысячъ рублей годового дохода, поневолѣ по крайней мерѣ научился экономіи. Но вскорѣ увидали, что онъ собираетъ сокровища и изливаетъ милости съ тѣмъ же изобиліемъ и съ меньшей еще оглядкой, чѣмъ его мать. Грабительства въ несчастной Польшѣ продолжали обогащать людей, уже слишкомъ богатыхъ **). Нужно знать неизся-

---

*) Павелъ иногда давалъ распоряженія, касающіяся писемъ, которыя онъ получалъ, но никогда не отвѣчалъ на нихъ. Я самъ редактировалъ нѣсколько просьбъ, очень краткихъ, очень ясныхъ и очень справедливыхъ, для нѣсколькихъ притѣсняемыхъ особъ. Они остались безъ отвѣта. Онъ велитъ теперь печатать въ петербургскихъ газетахъ свои отказы на просьбы, какіе онъ получилъ. Такимъ образомъ государь, который долженъ быть въ отношеніи къ своему народу тѣмъ, чѣмъ духовникъ является относительно своего кающагося сына, самъ разглашаетъ тайну семействъ и измѣняетъ довѣрію своихъ подданныхъ. (Примѣч. автора).

**) Я узналъ, что Павелъ, только лишь по случаю своего коронованія, между другими пожалованіями, распредѣлилъ между двадцатью лицами 82000 душъ. Это значитъ, на человѣческомъ языкѣ, что онъ сдѣлалъ подарокъ земельными пространствами, обитаемыми и обработываем[illegible] 82000 рабовъ мужескаго пола, потому что женщина въ Россіи еще не [illegible] душой. Этимъ даромъ самодержецъ уступаетъ частныя права, на какія онъ притязаетъ относителчно этихъ несчастныхъ, и на поля,

каемые источники, откуда черпаетъ русскій самодержецъ, чтобы не быть удивленнымъ громаднымъ дарамъ, какіе онъ дѣлаетъ своимъ придворнымъ, и возмутиться въ то же время тою малостью, какую онъ посвящаетъ обществу, правосудію, справедливымъ вознагражденіямъ и истинной благотворительности*).

Внезапность, съ которою Павелъ овладѣлъ браздами правленія, ужасъ, который внушали извѣстныя его строгость и энергичность, сначала разстроили темныя интриги мошенниковъ и бездѣльниковъ, которые обращали въ свою пользу государственныя сокровища. Это значило бы ихъ удвоить, помѣшавъ ихъ скандальному расхищенію. И слѣдуетъ думать, что, пока все обновляется, воры будутъ принуждены на время отсрочить свои операціи. Но, разъ узнавши повадку Павла, они приноровятъ въ соотвѣтствіи къ ней и свою; они будутъ подводить другіе подкопы и будутъ практиковать иные выходы; грабительство и преступленія по должности преобразуются и превратятся въ систему, какъ раньше. Воровство—порокъ, неотдѣлимый отъ русскаго управленія и коренится въ національномъ характерѣ, въ порчѣ нравовъ, недостаткѣ честности и общественнаго самосознанія**).

Нужно признать, что Павелъ въ нравственномъ отношеніи лучше окруженъ, нежели его мать, и что онъ будетъ болѣе ея виновенъ, если оставитъ царить тѣ же самыя безобразія. Правда, что Екатерина выражала притязаніе руководить своими скотами, а Павелъ, наоборотъ, скорѣе допуститъ руководить надъ собою лакеевъ, нежели государственныхъ мужей. Лицо, которое имѣетъ на его дѣйствія наиболѣе прямого вліянія, какого никогда не будутъ имѣть его министры и даже его любовница,—это комнатный слуга, турокъ по происхожденію, сдѣлавшійся рабомъ съ дѣтства и воспитанный у него. Это тотъ турокъ, по имени Иванъ Павловичъ***), за которымъ генералы и прид-

---

которыя ихъ принуждаютъ силою обработывать, и оставляетъ за собою только суверенитетъ. Ну, вотъ, принимая во вниманіе, что холопская душа или крестьянинъ приноситъ только 7 рублей на чистое серебро сословію или дворянину, которымъ она принадлежитъ (эта цѣна очень скромная), вытекаетъ, что императоръ отдалъ на 364000 рублей чистыхъ и ясныхъ доходовъ съ государственныхъ имѣній, что составляетъ, въ виду природы имущества, неисчислимый капиталъ. Екатерина подобной расточительностью почти исчерпала свои имѣнія, но староства и земли, конфискованныя въ Польшѣ, составляютъ фонды, откуда черпаетъ теперь великодушный Павелъ. Нѣтъ нужды замѣчать, что въ Россіи или Польшѣ населеніе въ 82000 мужчинъ должно занимать огромную провинцію. (Примѣч. автора).

---

*) Всѣ распоряженія, какія Павелъ сумѣлъ принять, чтобы установить родъ равновѣсія между доходомъ и расходомъ, свелись въ концѣ концовъ къ чрезвычайному налогу, который онъ только что наложилъ на всѣ классы своихъ рабовъ. Подушная подать несчастныхъ крѣпостныхъ была удвоена, а дворянство обременено новою податью, которую они должны будутъ опять выплачивать. (Прим. автора).

**) Увы! пиша все это, я не ожидалъ почти увидать тотъ же самый позоръ, торжествующій при республиканскомъ режимѣ, у возрожденной націи. (Прим. автора).

***) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, плѣнный турокъ, служилъ камердинеромъ у Павла и только ему императоръ довѣрялъ бритье своей капризной особы. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ Кутайсовъ достигъ званія оберъ-шталмейстера, въ 1799 г. получилъ баронскій, а черезъ два съ половиною мѣсяца графскій титулъ Россійской имперіи. Умеръ въ 1834 г., сдѣлавшись такимъ образомъ родоначальникомъ графской фамиліи. (Примѣч. перев.).

ворные спѣшатъ теперь ухаживать, какъ за истиннымъ источникомъ особеннаго благорасположенія Павла. Любовь—наиболѣе сильная и наиболѣе извинительная изъ страстей: ея эксцессы и ея злоупотребленія кажутся также наименѣе ненавистными, и никогда не будетъ столь унизительно терпѣть царствованіе фаворитовъ или метрессъ, какъ царствованіе лакеевъ. Сверхъ дурного воспитанія, какое справедливо противъ нихъ предубѣждаетъ, вѣсъ, который государь имъ предоставляетъ, имѣетъ всегда нѣчто низкое и отталкивающее, что напоминаетъ о гардеробѣ *).

ГЛАВА V.

Долженъ ли Павелъ бояться жребія Петра III?

Параллель между Павломъ и его отцомъ. Портретъ настоящей императрицы, великаго князя Александра, великаго князя Константина, Зубова, Н. Салтыкова, Остермана, Самойлова, Безбородко, Маркова, Архарова, Репнина, Суворова, Валеріана Зубова. Черты характера Павла и его главныхъ придворныхъ. Его портретъ. Анекдоты о поведеніи Павла въ бытность его великимъ князем.

Павелъ имѣлъ столько сходства съ своимъ отцомъ въ образѣ жизни, который онъ велъ, какъ великій князь, и въ началѣ своего управленія имперіей, что, замѣняя имена и даты, можно бы было принять исторію одного за исторію другого. Оба они были поставлены внѣ участія въ дѣлахъ и жили, сколько возможно, вдали отъ двора, гдѣ находились скорѣе, какъ государственные узники, чѣмъ какъ наслѣдники трона, и гдѣ показывались время отъ времени, какъ выходцы съ того свѣта или иностранцы. Тетка отца (Елизавета) дѣйствовала рѣшительно такъ же, какъ поступала впослѣдствіи мать сына. Старались только о томъ, чтобы продолжить ихъ дѣтство, навсегда продлить ихъ ничтожность и даже сдѣлать ихъ ненавистными и презираемыми для народа и для вельможъ. Оба имѣли большую

*) Этотъ Иванъ Павловичъ—въ настоящее время статскій совѣтникъ и имѣетъ титулъ превосходительства. Многіе лакеи, гоф и камер лакеи ежедневно достигаютъ наиболѣе высокихъ мѣстъ. Такимъ образомъ крайности сходятся: своевольство московтизма приводитъ къ этому равенству правъ, къ которому оно имѣетъ ужасъ. Но здѣсь оно есть истинное бѣдствіе.

Одинъ знатный русскій вельможа имѣлъ привычку дружески протягивать руку всякому поваренку и всякому полотеру, какихъ онъ встрѣчалъ при дворѣ, называя ихъ: „братъ“ и „батюшка“. Когда кто-то удивился на такую фамильярность, вельможа отвѣтилъ: „Э, господа! это политика: здѣсь вотъ эти люди могутъ завтра сдѣлаться моими сотоварищами“. Таково это русское равенство. Это равенство Тарквинія, который сбиваетъ наиболѣе поднявшіеся головки своихъ маковъ, или равенство султана, который дѣлаетъ своимъ первымъ визиремъ одного изъ своихъ носильщиковъ воды. Это въ порядкѣ вещей: султанъ и носильщикъ воды—турки, князь и истопникъ—русскіе всего чаще равны между собою по знаніямъ и по достоинству. (Примѣч. автора).

подвижность тѣла и великую апатію ума; оба владѣли энергичностью, которая, при отсутствіи цѣли и соотвѣтственной пищи, выродилась въ безчинство: энергичность одного потонула въ кутежахъ, энергичность другого потерялась въ мелочахъ. Рѣшительное отвращеніе къ ученью и размышленью дало имъ обоимъ то исключительное пристрастіе къ дѣтскимъ военнымъ игрушкамъ, котораго Павелъ, быть можетъ, въ меньшей степени былъ бы наслѣдникомъ , если бы могъ быть свидѣтелемъ того шутовского, что оно придало Петру *).

Между тѣмъ его воспитаніе было много болѣе тщательнымъ, нежели воспитаніе его отца. Онъ былъ въ дѣтствѣ своемъ окруженъ достойными людьми и юность его предвѣщала большія способности **).

---

*) Обыкновенно замѣчается странная противоположность между отцами и дѣтьми, имѣющими въ своемъ характерѣ какую-либо выдающуюся черту. Хорошо организованный сынъ часто будетъ имѣть добродѣтель, противоположрую пороку, какой имѣлъ его отецъ, въ особенности если онъ испыталъ его смѣшную сторону или былъ его жертвою. Я могъ бы сослаться здѣсь на частные примѣры, весьма интересные для меня, но примѣръ трехъ или четырехъ прусскихъ монарховъ, послѣдовавшихъ другъ за другомъ, разителенъ. Фридрихъ I былъ столько же замѣчателенъ своимъ великолѣпіемъ и учтивостью, какъ его сынъ мелочной бережливостью и грубостью: великій король избѣжалъ обѣихъ этихъ крайностей. Дѣдъ покровительствовалъ и почиталъ науки изъ тщеславія, сынъ ихъ преслѣдовалъ и старался сдѣлать ненавистными, внукъ ихъ страстно любилъ и насаждалъ ихъ личнымъ примѣромъ. Первый былъ королемъ придворнымъ, второй—королемъ капраломъ, третій—королемъ-героемъ. Этотъ контрастъ между отцомъ и сыномъ не могъ въ теченіе долгаго времени наблюдаться въ Россіи, гдѣ они другъ другу не наслѣдовали. Но онъ только-что обнаружился въ настоящее время поразительнымъ образомъ. Екатерина и Павелъ двѣ крайности, а великій князь Александръ обѣщаетъ въ одинъ счастливый день сдѣлаться серединой, которая ихъ примиритъ. (Примѣч. автора).

**) Людовикъ XIV. Фридрихъ Великій осыпали блаагами и почестями тѣхъ, кто заботились объ ихъ воспитаніи. Старику Эпинусу наставнику Павла, угрожаетъ участь Сенеки и Бурра. Судьба полковника Лагарпа и майора Масона, которые были около его сыновей, была бы еще менѣе мягкой, если бы они попались въ руки Павла. (Примѣч. автора).

Эпинусъ Францъ Ульрихъ-Теодоръ (1724—1802) германскій математикъ астрономъ и физикъ. Сначала онъ состоялъ приватъ-доцентомъ ростокскаго университета, питомцемъ котораго былъ, потомъ съ 1755 по 1757 годъ былъ профессоромъ астрономіи при берлинской академіи наукъ и астрономомъ берлинской обсерваторіи. Въ 1757 г. онъ былъ вызванъ въ с.-петербургскую академію наукъ на должность профессора физики и занималъ ее до 1798 г. Екатерина познакомилась съ Эпинусомъ на торжественномъ академическомъ засѣданіи, гдѣ ученый неоднократно проозносилъ рѣчи. Въ 1765 г. императрица назначила его воспитателемъ къ великому князю Павлу, и онъ, исполняя нерѣдко общегосударственныя порученія почти прекратилъ свою ученую работу. Между прочимъ Эпинусу принадлежалъ планъ по организаціи средняго и низшаго образованія въ Россіи, принятой сферами и ставшій руководящимъ началомъ въ дѣятельности особой комиссіи объ учрежденіи училищъ, организованной въ 1782 г. Ученыя сочиненія Эпинуса довольно многочисленныя, но большая часть ихъ появилася въ свѣтъ до придворного назначенія профессора. Главная работа его по физикѣ, въ свое время создавшая эру въ наукѣ, носитъ латинское названіе Tentament theoriae electricitatis et magnetismi (1759). (Опытъ теоріи электричества и магнетизма) и въ ней разработана теорія электрической индукціи.

Луцій Анней Сенека, по прозванію философъ или Сенека младшій (4 до Р. Х.—65 по Р. Х.) Онъ былъ однимъ изъ блестящихъ и остроумнѣйшихъ мыслителей второй Римской имперіи, примыкая къ стойкамъ и отличаясь отъ нихъ экклектическимъ направленіемъ своей философіи. Не менѣе прославился онъ и какъ великолѣпнейшій стилистъ, сочетавшій въ манерѣ своего изложенія необыкновенную грацію, простоту, гибкость, точность и лексическое богатство рѣчи. Сенека много потерпѣлъ отъ преслѣдованій Калигулы и Мессалины прежде, нежели сдѣлаться вліятельнымъ при Агриппинѣ, призвавшей его на должность учителя одинадцатилѣтняго Нерона. Въ

Слѣдуетъ даже думать, что онъ обязанъ тѣми странностями, которыя усвоилъ себѣ впослѣдствіи только тому образу жизни, какой онъ былъ почти вынужденъ вести. Точно также онъ имѣлъ передъ Петромъ III преимущество многихъ прекрасныхъ знаній и, въ особенности преимущество трезвости и выдержанности нравовъ, тѣмъ болѣе въ немъ похвальныхъ, что онѣ досел̂ѣ были очень рѣдкими у русскаго самодержца. Тому же самому воспитанію и знанію языка и національнаго характера онъ обязанъ еще счастливыми различіями между нимъ и отцомъ. Если онъ сумѣетъ ими воспользоваться, онъ не впадетъ въ тѣ же самыя безразсудства.

Но самымъ разительнымъ изъ всего является ихъ сходство въ поведеніи со своими женами, а самымъ страннымъ—ихъ соотвѣтственность въ ихъ любви. Екатерина и Марія были самыми красивыми женщинами при дворѣ: онѣ совсѣмъ не плѣнили сердце своихъ мужей. Екатерина имѣла честолюбивую душу, развитой умъ, изысканные и любезные нравы. Она внушала муку и отчужденность человѣку, который любилъ только солдатъ, вино и табакъ. Онъ влюбился въ „предметъ", менѣе достойный уваженія и менѣе затруднительный. Графиня Воронцова, некрасивая грубая и глупая, лучше подходила къ его казарменнымъ вкусам и сдѣлалась его любовницею *).

Павелъ, находя въ своей женѣ только правильную красоту, неизмѣнную кротость, неутомимую снисходительность, покорную супругу и нѣжную мать, получилъ къ ней отвращеніе, чтобы привязаться къ mademoiselle Нелидовой, которая, повидимому, имѣла гораздо больше съ нимъ симпатіи—это маленькая дурнушка, которая, кажется, выкупаетъ недостатки своей наружности своимъ умомъ и ловкостью. Но, конечно, нужно походить на Павла, чтобы сдѣлаться предметомъ его любви **).

Отецъ и сынъ, достигнувъ трона, были одинаково ненавидимы и презираемы дворомъ и націей, и оба, казалось, на одно мгновеніе склонила общественное мнѣніе въ свою пользу. Первые шаги Павла, казались скопированными, но въ исправленномъ видѣ, съ первыхъ

царствованіе своего воспитанника Сенека сначала продолжалъ занимать положеніе его совѣтника и руководителя государственнымъ кораблемъ. Но впослѣдствіи Неронъ отъ него отшатнулся и философъ принужденъ былъ безвыходно сидѣть въ своей комнатѣ, сказавшись больнымъ. Даже отъѣздъ въ отдаленное помѣстье ему не былъ разрѣшенъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что обвиненный въ заговорѣ на жизнь императора Сенека, по распоряженію самого Нерона, кончилъ жизнь самоубійствомъ, вскрывъ себѣ жилы на рукѣ.

Секетъ Аорраній Бурръ префектъ преторьянцевъ при Неронѣ былъ вмѣстѣ съ Сенекой фактическимъ правителемъ Рима и руководителемъ римской политики въ первый періодъ царствованія жестокаго сына Агриппина. Чтобы удержаться у власти Бурръ принужденъ былъ потакать всѣмъ слабостямъ Нерона, даже развращать молодого деспота.

Умеръ Бурръ въ 62 году при явномъ охлажденіи къ нему венценоснаго питомца. (Примѣчаніе перевод.).

---

*) Она напивалась вмѣстѣ съ нимъ и ругалась, какъ солдатъ; разговаривая, она косила глазами, дурно пахла и харкала. (Примѣч. автора).

**) Онъ только что сталъ невѣрнымъ. Нелидова, которая жила съ императрицей довольно хорошо, отослана и фавориткой сдѣлалась юная Лопухина.

(Примѣч. автора).

шаговъ Петра. Освобожденіе Костюшко и многихъ узниковъ заставило подумать о вызовѣ изъ ссылки Бирона, Миниха *) и Лестока **), съ тѣмъ различіемъ, что Петръ III не омрачилъ этихъ актовъ милосердія или правосудія смѣшными насиліями или постыдными и немотивированными преслѣдованіями. Оба издали чрезвычайно благопріятные указы для дворянства, но въ различномъ духѣ, который не дѣлаетъ чести Павлу. Отецъ далъ русскимъ дворянамъ естественныя права, какія долженъ имѣть всякій человѣкъ, а сынъ желаетъ только возвратить устарѣлыя отличія, сдѣлавшіяся смѣшными въ наши дни***). Но гдѣ онъ оказался выше, это—въ своемъ поведеніи съ ду-

---

*) Бурхардъ-Христофоръ фонъ Минихъ (1683—1767) фельдмаршалъ и государственный дѣятель. Съ шестнадцатилѣтняго возраста служилъ во французскихъ инженерныхъ войскахъ, откуда перешелъ въ гессенъ-дармштадскій корпусъ, а во время войны за испанское наслѣдство сражался въ гессенъ кастельскомъ корпусѣ, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Въ 1716 г. поступилъ на службу къ Августу II, но, не поладивъ съ его любимцемъ, сталъ искать новой, колеблясь между Петромъ I и Карломъ. Въ 1720 г., передавъ Петру свои сочиненія по фортификаціи, получилъ предложенье занять въ Россіи должность генералъ-инженера и прибылъ въ Петербургъ въ слѣдующемъ 1721 году. Въ 1723 году онъ взялся за выполненіе порученія по продолженію работъ надъ прорытіемъ Ладожскаго канала, завершивъ его уже послѣ смерти преобразователя. При Петрѣ II онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ надъ фортификаціями, при Аннѣ сблизился съ Остерманомъ, Бирономъ и императрицею, былъ сдѣланъ членомъ кабинета по военнымъ и внѣшнимъ дѣламъ, назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по упорядоченію войскъ и изысканію средствъ для ихъ содержанія и въ этомъ званіи сдѣлалъ многое, усиливъ гвардію, давъ ей новый порядокъ, создавъ новые полки, гвардейскіе и армейскіе, отдѣливъ инженерную и артиллерійскую часть, учредивъ кадетскій корпусъ и т. п. и т. п. Во время борьбы за польскій престолъ Минихъ въ 1733 году взялъ Данцигъ, а въ начавшейся затѣмъ турецкой войнѣ, послѣ неудачныхъ первыхъ назначеній, получилъ постъ главнокомандующаго и, не жалѣя солдатъ, сталъ предпринимать походы на Крымъ, разбилъ турокъ при Ставучанахъ, овладѣлъ Очаковымъ, Хотиномъ, намѣреваясь переправиться черезъ Дунай, захватить Константинополь и сдѣлаться господаремъ Молдавіи. Бѣлградскій миръ 1739 г. опрокинулъ эти надежды честолюбца. При Аннѣ Леопольдовнѣ Минихъ сдѣлался самымъ сильнымъ человѣкомъ въ Россіи, потому что именно онъ совершилъ переворотъ въ ея пользу и устранилъ отъ регентства Бирона. Въ свою очередь Елизавета, занявъ престолъ послѣ новаго переворота, отправила Миниха въ ссылку на мѣсто Бирона въ Пеламъ, откуда онъ былъ возвращенъ и возстановленъ во всѣхъ правахъ указомъ Петра III въ 1762 г. Екатерина относилась къ нему со вниманіемъ и назначила его главноначальствующимъ надъ портами рочервинскимъ, ревельскимъ, нарвскимъ, кронштадскимъ и надъ Ладожскимъ каналомъ. Минихъ оставилъ записки. (Примѣч. переводчика).

**) Іоганнъ-Германъ графъ Лестокъ (1692—1767) по происхожденію былъ французомъ. Въ 1713 г. прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ лѣкаря, но въ 1720 г. былъ выслалъ въ Казань за любовныя шашни. При Екатеринѣ первой онъ вновь былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ лейбъ-хирургомъ. Уже въ это время онъ сумѣлъ снискать расположеніе Елизаветы Петровны своей веселостью. Переворотъ въ ея пользу совершился при самомъ дѣятельномъ участіи Лестока, дѣйствовавшаго черезъ французскаго посланника Шетарди, и Лестокъ сталъ сначала однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ императрицѣ. Пристрастіе его къ Франціи и Пруссіи, отъ которыхъ онъ получалъ и деньги и титулы, равно какъ происки противъ канцлера Бестужева погубили его. Сначала онъ лишился вліянія на Елизавету, а въ 1748 году арестованъ, пытанъ въ тайной канцеляріи, приговоренъ къ смерти, но помилованъ и сосланъ въ Угличъ, а оттуда былъ перевезенъ въ Великій Устюгъ. Петръ III освободилъ его, возвративъ чины и конфискованное имущество. ((Примѣч. перевод.)

***) Павелъ намѣревается въ данное время создать въ Россіи геральдическую знать! въ старину здѣсь не знали этого готическаго учрежденія. Царь Ѳеодоръ даже велѣлъ сжечь грамоты, посредствомъ которыхъ нѣкоторыя семейства хотѣли получить преобладаніе. Русскіе достигаютъ уже своего двѣнадцатаго вѣка! Это была

ховенствомъ. Далекій отъ того, чтобы оскорблять русскихъ священниковъ и заставлять ихъ стричь свои священныя бороды, онъ далъ государственные ордена епископамъ, чтобы уподобить ихъ дворянству, и польстилъ населенію и священству, основывая по божественному вдохновенію храмы *). Отсюда вытекаетъ, что Петръ имѣлъ болѣе здоровые разумъ и сердце, но былъ неблагоразуменъ, а Павелъ имѣетъ болѣе лукавства и предразсудковъ и является ханжой.

Но гдѣ его грубоватая политика, повидимому, покинула его, потому что онъ былъ захваченъ своею господствующей страстью, такъ это въ военныхъ его операціяхъ. Внезапная перемѣна всей дисциплины создала ему въ арміяхъ почти столько же враговъ, сколько тамъ было офицеровъ и солдатъ. Преимущество, которое онъ отдаетъ старымъ нѣмцамъ, можетъ стать для него столь же роковымъ, каковымъ оно было для его отца.

Въ чемъ онъ оказывается много ниже самого себя, это въ недовѣріи, въ подозрѣніяхъ, которыя безпрестанно его волнуютъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Петра III было уничтоженіе политической пытки, установленной Елизаветой. А Павелъ ни съ чѣмъ не торопился болѣе, какъ съ организаціей домашняго шпіонажа поощреніемъ доносовъ и вознагражденіемъ доносчиковъ. Слѣпое довѣріе отца погубило его. Но оно имѣло свой источникъ въ добродушіи характера, всегда почтенномъ. Нодовѣріе сына не спасетъ его **): оно исходитъ изъ боязливой души, не пренебрегающей прибѣгать къ помощи мелкихъ и достойныхъ презрѣнія средствъ, которыми пользуются

единственная нація въ Европѣ, которая въ своемъ быстромъ движеніи на пути къ цивилизаціи перепрыгнула черезъ эту глупость. Почему же теперь ее желаютъ возстановить? Чтобы отдалить революцію во французскомъ духѣ! (Примѣч. автора).

---

*) Одинъ часовой солдатъ, который былъ на караулѣ возлѣ одной изъ дверей лѣтняго дворца (старый деревянный замокъ, въ которомъ жила Елизавета), пошелъ къ своему начальнику подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣетъ сообщить ему тайну. Онъ открылъ ему, что во время своихъ караульныхъ часовъ онъ увидалъ свѣтъ въ заброшенныхъ залахъ дворца, что постучали въ дверь, гдѣ онъ находился на караулѣ и назвалъ его по имени. Онъ имѣлъ мужество поомотрѣть тогда черезъ дверныя щели и увидалъ святого Михаила. Этотъ святой приказалъ ему пойти отъ его имени къ императору и сказать ему, чтобы въ этомъ мѣстѣ построили святому церковь. Солдатъ просилъ вслѣдствіе такого случая разсказать о немъ императору или онъ самъ будетъ вынужденъ взять на себя эту вольность, чтобы выполнить свое порученіе. Офицеръ отвергъ ясновидца и призналъ его сумасшедшимъ. Между тѣмъ, онъ разсказалъ объ этомъ приключеніи майору, который нашелъ умѣстнымъ разсказать о немъ Павлу. Солдатъ былъ вызванъ; его заставили повторить видѣніе. Императоръ сказалъ, что св. Михаилу нужно повиноваться, что онъ самъ уже получилъ внушеніе постриить ему церковь и имѣетъ уже планъ ея.—Онъ, дѣйствительно, велѣлъ принести себѣ планъ церкви, который онъ имѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Не подумаешь ли, что читаешь эпизодъ изъ легенды? Этотъ фарсъ только что случился при россійскомъ дворѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 года: авторъ былъ отчасти его свидѣтелемъ. Дворецъ разрушили, начали строить церковь и новый дворецъ, посвященные его святѣйшеству Св. Михаилу Господи помилуй! (восклицаніе, которое обыкновенно дѣлаютъ русскіе, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ при видѣ чего-нибудь необычайнаго; это припѣвъ богослужебный). Чудо объяснилось, когда стало извѣство, что двоюродный братъ солдата былъ камерлакеемъ Павла и что солдатъ, въ награду, сдѣлался имъ также. Слѣдуетъ ожидать увидѣть его въ скоромъ времени статскимъ совѣтникомъ. (Примѣч. автора).

**) Событіе только это подтвердило что мнѣніе (1801 г.). (Примѣч. автора).

тираны послѣдняго разбора, и влекущей своими подозрѣніями къ измѣнѣ ему.

Видя между этими двумя государями столько чертъ соотвѣтствія, можно бы было, быть можетъ, прійти отсюда къ опредѣленному выводу и ожидать той же самой катастрофы. Но она невѣроятна; по крайней мѣрѣ она болѣе отдаленна и должна совершиться различнымъ образомъ. Насколько Петръ и Павелъ имѣютъ общее сходство, настолько же разнятся лица и вещи, которыя ихъ окружаютъ.

Прежде всего, характеръ Маріи, какъ женщины, столько же противоположенъ характеру Екатерины, сколько можетъ быть противоположенъ характеръ нѣжной матери и вѣрной жены характеру злой мачехи и убійцы своего мужа. Доброта души есть главная ея черта. Ея кротость, ея терпѣливость, ея скромность подвергались испытанію самымъ жесткимъ и самымъ капризнымъ обращеніемъ и, можетъ быть, онѣ будутъ торжествовать надъ нимъ до конца. Дни ея одинъ рядъ обязанностей и занятій, соотвѣтствующихъ ея полу и положенію. Воспитаніе своихъ дѣтей, будучи отдѣлена отъ которыхъ она черезчуръ долгое время вздыхала, составляетъ въ данную минуту ея счастье. Ея снисходительность къ своему мужу заставляетъ ее переносить занятія и утомленія, всего менѣе свойственныя ея полу и вкусамъ. Не видали ли ея столько разъ сопровождающей его верхомъ въ печальныхъ поляхъ Гатчины и Павловска? Подавленная усталостью и жарой, иногда вымокшая отъ дождя или засыпанная снѣгомъ, она еще улыбалась ему *). Она, быть можетъ, самая трудолюбивая и са-

---

*) Часто онъ ставилъ великую княгиню на высотѣ, чтобы служить указателемъ пути, либо пунктомъ аттаки его войскамъ; онъ защищалъ къ ней подступы. Я помню, что однажды онъ помѣстилъ ее такимъ образомъ на развалившемся балконѣ одного стараго деревяннаго замка, вокругъ котораго онъ выполнилъ весь свой распорядокъ защиты. Онъ оставилъ часть своихъ войскъ майору Линденеру съ приказаніемъ произвести аттаку по его собственному плану. Этотъ планъ долженъ былъ создать репутацію майору, и Павелъ приготовлялся также къ самому искусному сопротивленію. Между тѣмъ великая княгиня оставалась на башнѣ, гдѣ ее поливалъ сильный дождь. Павелъ бѣгалъ ко всѣмъ пунктамъ, гдѣ онъ ожидалъ врага, и гарцовалъ среди этого дождя такъ же гордо, какъ Карлъ XII подъ пулями мушкетовъ. Но часы текли, дождь удвоился, а врагъ не появлялся. Павелъ, исполненный хорошаго мнѣнія о своемъ пруссакѣ, предполагалъ, что онъ предпринялъ степные обходы позади лѣсовъ, чтобы лучше его захватить въ расплохъ. Вслѣдствіе этого онъ ежеминутно посѣщалъ, измѣнялъ и укрѣплялъ свои аванпосты и посылалъ части производить развѣдки и отправляться въ разъѣздъ. Часто имъ овладѣвало благородное нетерпѣніе, имъ или его конемъ, онъ выѣзжалъ далеко впередъ навстрѣчу врагу, медленность котораго начинала его безпокоить. Его нетерпѣніе смѣнилось вскорѣ досадою и бѣшенствомъ. Линденеръ отправился въ походъ съ утра и дѣлалъ длинный обходъ въ окрестностяхъ деревни и по полю Салтыкова. Но онъ завязъ со своею колонною между изгородями садовъ, а благодаря создавшемуся замѣшательству, не зналъ, въ какомъ мѣстѣ выбраться, и не имѣлъ пространства, чтобы развернуться. Адъютанты, которые ежели нужно, пріѣзжали отъ Павла давать ему приказы и торопить его, довершили дѣло, заставивъ его окончательно потерять голову. Онъ не нашелъ другого средства, кромѣ какъ симулировать страшную схватку въ животѣ, спастись къ себѣ и оставить тамъ свои войска.

Павелъ, яростный отъ того, что напрасно сдѣлалъ столь прекрасныя диспозиціи, далъ шпоры и помчался сосредоточиться въ своемъ бѣшенствѣ во дворецъ, оставивъ свою жену, свою армію и тѣхъ, кого пригласилъ посмотрѣть столь славные маневры, промокшими до костей. Они оставались тамъ съ пяти часовъ утра до

мая занятая дама Россіи. Музыка, живопись, гравированіе, вышивка—вотъ искусства, въ которыхъ она отличается и которыя придаютъ чары печальному одиночеству, въ какомъ она живетъ. Наука и чтеніе для нея менѣе дѣло, чѣмъ отдохновеніе, и домашнія мелочи, равно какъ заботы о благотвореніи довершаютъ счастливое заполненіе ея дней. Высокая, хорошо сложенная и еще свѣжая, она скорѣе прекрасна, чѣмъ красива; она имѣетъ больше величія, чѣмъ граціи, и меньше ума, чѣмъ чувства. Она столь же признательная дочь и нѣжная сестра, сколь вѣрная жена и добрая мать. Она весьма далека отъ того, чтобы забыть свою родину и своихъ родителей, и блескъ, который ее окружаетъ, пространство, которое ее отъ нихъ отдѣляетъ, служатъ лишь къ тому, чтобы сдѣлать еще болѣе живыми ея любовь и ея воспоминанія. Она носитъ всегда свою многочисленную семью въ своемъ сердцѣ: ея переписка съ родными даетъ ей возможность проводить самые пріятные часы; для нея значитъ удвоить свое счастье, если раздѣлить его съ тѣми, кого она любитъ. Она совсѣмъ не ласкала, какъ честолюбивая Екатерина самолюбіе, русскихъ, усвоивая ихъ нравы, ихъ языкъ, ихъ предразсудки. Она не искала уваженія этой націи, притворно стараясь презирать свою, и краснѣть за свое происхожденіе, но заставляетъ себя любить своею добротою и уважать своими добродѣтелями *). Ее можно было бы опять пожалѣть, какъ жену, если бы съ нѣкотораго момента любовь ея прекраснаго семейства не должна бы была удовлетворять ея счастью. Но, Россія, можетъ быть, будетъ когда-нибудь обязана своимъ именно ей. Ея многочадіе ручается за наслѣдованіе болѣе покойное и естественное, и здоровая кровь, которую она

часу пополудни. И такимъ приблизительно образомъ Марія проводила всѣ свои утра съ одной или самое большее съ двумя дѣвушками, изъ которыхъ одна была еще фавориткой и пользовалась всѣми знаками внимания со стороны Павла и его придворныхъ. (Примѣч. автора).

---

*) Нельзя слишкомъ надивиться тому, что человѣкъ склада Мирабо могъ въ своей секретной перепискѣ сообщить столь глупый анекдотъ о русской великой княгинѣ. Молодой человѣкъ, который долженъ быть его разсказчикомъ и героемъ, конечно, никогда не приближался ни къ этой принцессѣ, ни даже къ русскому двору. Нѣтъ ни одного мѣстечка въ этомъ предполагаемомъ приключеніи, которое бы не было только пошлымъ и смѣшнымъ и заслуживало бы какого-нибудь вниманія, если бы его не сообщилъ Мирабо. (Примѣч. автора).

Оноре-Габріель-Рикетти графъ Мирабо (1749—1791) одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ и политическихъ дѣятелей Франціи. Въ Пруссію онъ былъ посланъ въ 1786 г. съ тайнымъ порученіемъ разузнать о впечатлѣніи, произведенномъ на Германію смертью Фридриха Великаго, поразспросить его преемника и подготовить почву для займа. Мирабо сумѣлъ справиться съ задачей великолѣпно и тогда-то именно онъ и послалъ министру Калонну 66 писемъ, изданныхъ въ 1789 г. подъ заглавіемъ: „Секретная исторія Берлина или письма одного французскаго путешественника съ іюля мѣсяца 1786 г. до 19 января 1787 г." Г. Мирабо пріобрѣлъ громадную популярность во Франціи вмѣстѣ съ созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Онъ былъ душою революціи въ самый первый періодъ ея развитія и настоящимъ народнымъ трибуномъ. Конституціоналистъ и монархистъ по убѣжденію Г. Мирабо нажилъ себѣ многихъ враговъ и запятналъ себя не совсѣмъ безкорыстными актами въ сношеніяхъ съ дворомъ. Только смерть помѣшала его паденію. На похоронахъ его былъ весь Парижъ, но, когда открылись его закулисныя дѣянія, тѣло его, погребенное въ Пантеонѣ, было оттуда вынесено въ предмѣстье Сенъ-Марсо, на кладбище казненныхъ.

(Примѣч. перевод.).

перельетъ въ отпрыскъ Гольштейновъ, быть можетъ, смягчить варварство, дарованное ему остатками вѣтви Романовыхъ *).

Видно, по этому очерку, что Павлу нечего страшиться своей жены, хотя бы даже къ ней имѣли еще больше любви, а къ нему ненависти.

Гвардія, народъ тщетно стали бы просить Марію вступить на престолъ: она съ ужасомъ отвергла бы такое приглашеніе. Между тѣмъ Павелъ не имѣлъ по отношенію къ ней приличествующихъ поступковъ, кромѣ времени, когда онъ, кажется, ее боялся **). Тогда съ удивленіемъ увидали этого мужа, дотолѣ столь тяжелаго и столь капризного, перемѣнившимъ манеру держаться съ нею. Онъ ассигновалъ ей прежде всего сумму въ пятьсотъ тысячъ рублей для ея личныхъ расходовъ; „это еще, сказалъ онъ, въ ожиданіи лучшаго ***)“. Онъ поторопился приказаніемъ вернуть madame Бенкендорфъ, которую столь грубо изгналъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ назначилъ Марію начальницею монастыря молодыхъ дѣвицъ (Смольнаго), чтобы дать ей занятія, достойныя ея сердца и ея пола. Однимъ словомъ, онъ казался въ отношеніи къ ней тѣмъ, кѣмъ онъ долженъ бы быть всегда. Это неожиданное оборотничество произвело величайшую сенсацію и чернь воздала его сердцу честь за то, что было не чѣмъ другимъ, какъ слѣдствіемъ его политики и даже его болѣзни. Я желаю, чтобы будущее меня опровергло; но во всякомъ случаѣ извѣстно, что Павелъ въ этомъ отношеніи отличается очень мудро отъ своего отца, который, послѣ своего восшествія на престолъ, продолжалъ обращаться съ своею женою съ тою же самой грубостью ****).

Мы видѣли, что смерть предупредила Екатерину въ иномъ намѣреніи, которое было болѣе прискорбнымъ для Павла, но которое дѣлаютъ тщетнымъ юность и природная доброта его старшаго сына, если однако же не добьются развратить этого молодого принца, внушающаго своей нравственной чистотой и своей физической красотой что-то въ родѣ изумленія. Въ немъ находятъ почти осуществившимся

---

*) То, что я говорю объ этой государынѣ, есть благоговѣйная дань истинѣ. Она хорошо знаетъ, а я знаю еще лучше, что это не можетъ быть данью благодарности. Нужно признаться также, что ея хорошія качества единственно омрачены мелкимъ тщеславіемъ, которое заставляетъ ее думать и дѣйствовать, какъ выскочка. Принцесса Доротея Вюртембергская, сдѣлавшись Маріей Голштейнъ-Романовой, могла бы обойтись безъ этой средневѣковой гордости, потому что ея дѣти, сколько бы они ни были великими князьями, больше ужъ не главенствующіе въ Германіи. (Примѣч. автора).

**) Это время скоро прошло. Я узнаю, что Марія была посажена на двѣнадцать часовъ подъ арестъ за то, что дала одной изъ своихъ женщинъ незначительное приказаніе, которое Павелъ нашелъ плохимъ. Ясно, что императоръ, столь воинственный, употребляетъ только военныя средства даже въ своей спальной комнате. (Примѣч. автора).

***) Какъ великая княгиня, она имѣла только шестьдесятъ тысячъ рублей въ годъ, а была съ этой суммой болѣе великодушной и дѣлала больше добра, чѣмъ сегодня. (Примѣч. автора).

****) Нужно однако согласиться, что Екатерина, любовная интрига которой съ Станиславомъ Понятовскимъ скандализовала весь дворъ, дала своему мужу очень сильныя основанія для дурного съ нею обращенія, а что Марія своимъ поведеніемъ не допускала никакого повода къ нареканію. (Примѣч. автора).

тотъ идеалъ, который насъ восхищаетъ въ Телемакѣ *). Между тѣмъ, хотя его мать, имѣетъ всѣ домашнія добродѣтели Пенелопы, онъ далекъ отъ того, чтобы имѣть отцомъ Уллиса и наставникомъ Ментора. Можно бы было также упрекнуть его въ тѣхъ недостаткахъ, какіе божественный Фенелонъ оставляетъ своему идеальному воспитаннику **). Но это еще, быть можетъ, не столько недостатки, сколько отсутствіе нѣкоторыхъ качествъ, какія еще на развились въ немъ или откололись отъ его сердца, благодаря достойнымъ презрѣнія окружающимъ лицамъ, даннымъ ему. Онъ имѣетъ величіе чувства и неизмѣнную ровность настроенія Екатерины справедливый и проницательный умъ и рѣдкую странность. Но а вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержанность, осмотрительность, которыя не свойственны его возрасту и которыя были бы притворствомъ, если бы не слѣдовало приписывать ихъ мучительному положенію, въ какомъ онъ находился между отцомъ и бабкой, скорѣе, чѣмъ его сердцу, отъ природы открытому и довѣрчивому. Онъ имѣетъ ростъ, красоту, кротость, благотворительность своей матери, но ни одна внѣшняя черта не приближаетъ его къ отцу, котораго онъ долженъ скорѣе бояться, нежели любить. Павелъ, догадываясь о намѣреніяхъ Екатерины въ пользу этого сына, всегда питалъ къ нему отчужденность: онъ не находитъ у него ни своего характера, ни своихъ вкусовъ, потому что Александръ примѣняется къ тому, чего отъ него требуетъ отецъ, очевидно, болѣе изъ послушанія, чѣмъ по склонности. Онъ обожаемъ солдатомъ по причинѣ своей доброты, служитъ предметомъ восхищенія офицера вслѣдствіе своего разума; онъ является посредникомъ между самодержцемъ и несчастными, которые какими-нибудь пустяками вызвали императорскій гнѣвъ и возмездіе.

Этотъ воспитанникъ Лагарпа не былъ бы русскимъ великимъ князомъ, если бы не внушалъ любви и интереса. Природа весьма богато одарила его самыми милыми качествами и положеніе наслѣдника самой обширной державы въ мірѣ не должно дѣлать ихъ безразличными для человѣчества. Небо предназначаетъ его, быть можетъ, сдѣлать тридцать милліоновъ рабовъ болѣе свободными или болѣе достойными совбоды.

Впрочемъ. характеръ у него счастливый, но пассивный. У него не хватаетъ смѣлости и довѣрія, чтобы разыскивать достойнаго человѣка, всегда скромнаго и сдержаннаго; слѣдуетъ опасаться, что самый назойливый или самый наглый, каковой обыкновенно бываетъ самымъ невѣжественнымъ или самымъ злобнымъ, добьется завладѣнія имъ. Дозволяя чуждымъ внушеніямъ заходить слишкомъ, онъ не отдается въ достаточной степени побужденіямъ своего разума и сердца.

Онъ, повидимому, потерялъ охоту къ образованію, потерявъ своихъ учителей и въ особенности полковника Лагарпа, которому

*) Телемакъ, сынъ Одиссея, герой прославленной въ свое время поэмы знаменитаго французскаго писателя Франсуа-Салиньякъ-де ла Мотъ Фенелон'а (1651—1715). (Примѣч. переводчика).

**) „Съ сердцемъ благороднымъ и наклоннымъ къ добру, онъ не казался ни обязательнымъ, ни чувствительнымъ въ дружбѣ, ни щедрымъ, ни благодарнымъ за заботы, какія о немъ принимались, ни внимательнымъ къ распознанію достоинствъ и пр. пр.“. Толемакъ, книга 6-я. (Примѣч. автора).

обязанъ своими знаніями. Слишкомъ ранній бракъ могъ ослабить его энергію, и, несмотря на его счастливыя способности, ему угрожаетъ сдѣлаться когда-нибудь добычей своихъ придворныхъ и даже своихъ лакеевъ, если возрастъ и опытъ не прибавятъ въ свое время твердости его благороднымъ намѣреніямъ.

Пусть Александръ сумѣетъ окружить себя честными и просвѣщенными людьми, пусть онъ вспоминаетъ, когда къ тому будетъ время, свои первыя обѣщанія и свои первыя чувства, какія всегда бываютъ самыми лучшими, и его царствованіе будетъ самымъ прекраснымъ, самымъ истинно-славнымъ, какое только видѣла Россія.

Съ такимъ характеромъ никогда самъ онъ не подумаетъ о томъ ненавистномъ проектѣ, какого не могла внушить ему Екатерина. Между тѣмъ въ продолженіе агоніи этой государыни и въ послѣдующіе дни великій князь былъ удерживаемъ возлѣ своего отца знаками нѣжности, какіе походили на недовѣріе. Едва имѣлъ онъ часъ на дню, чтобы видѣть свою молодую супругу. Императоръ окружилъ его офицерами, которыхъ считалъ надежными, и удалилъ отъ него всѣхъ тѣхъ, кто не были его шпіонами; онъ отнялъ у него его полкъ, чтобы дать другой, и назначилъ его военнымъ губернаторомъ Петербурга, давая ему въ то же время въ качествѣ помощника или стража свирѣпаго Аракчеева. Надѣлъ молодого великаго князя, который состоялъ всего изъ тридцати тысячъ рублей *), былъ доведенъ до двухсотъ тысячъ, и его отецъ, возлагая на него многія мелочи, удерживающія его возлѣ него цѣлый день, хотѣлъ самъ за нимъ надзирать. Можно только похвалить Павла за то, что онъ отстранилъ предметъ своихъ несправедливыхъ подозрѣній съ помощью столь мягкихъ и естественныхъ средствъ, и удивляешься этимъ внезапнымъ свидѣтельствамъ нѣжности къ своимъ дѣтямъ послѣ того, какъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ не чувствовалъ мужества дать малѣйшее ихъ доказательство **).

Чернь, которая всегда судитъ по самымъ ложнымъ видимостямъ, замѣчая въ великомъ князѣ Александрѣ сдержанность и осторожность, каковыя приняла за гордость, пристрастилась сначала къ его младшему брату Константину. Этотъ молодой великій князь не имѣетъ внѣшности, столь любезной и столь плѣнительной, какъ его братъ, но у него больше смѣлости и живости: взбалмошность у него занимаетъ мѣсто ума и шалопайство—любви къ народу. Такъ случилось, что духовенство по сродству прилѣпилось нѣкогда къ несчастному царевичу Алексѣю, съ которымъ Константинъ имѣетъ не одну черту сходства, въ особенности по своему отвращенію къ знаніямъ и по

*) Великая, великодушная Екатерина, великолѣпіе которой удивляло вселенную, которая милліонами раздавала рубли своимъ фаворитамъ, дозволяла своему сыну и своимъ внукамъ нуждаться въ необходимомъ. Тридцать тысячъ рублей въ бумажкахъ для великаго князя всея Россіи! это стоитъ шестьдесятъ тысячъ ливровъ во Франціи. Ихъ давали иногда золотомъ или серебромъ, но тѣ, кто завѣдывали кассой великихъ князей, прилагали заботы къ ажіотажу. Это оставляло около половины суммы въ ихъ рукахъ. (Примѣч. автора).

**) Я узнаю, что Павелъ только что помѣстилъ великаго князя Александра въ канцелярію Безбородко, какъ Фридрихъ великій былъ когда то помѣщенъ своимъ отцомъ въ канцелярію одного министра, чтобы работать тамъ въ качествѣ простого писца. Пускай это съ цѣлью его научить или въ цѣляхъ его унизить и покарать, юный великій князь когда-нибудь наилучше воспользуется этимъ. (Примѣч. автора).

своей грубости. Онъ имѣлъ однако зародыши духовной и сердечной доброты, которыми пренебрегли его первые наставники и которые полковникъ Лагарпъ тщетно усиливался заставить произрасти, искореняя заглушавшія ихъ тернія. Было бы весьма счастливымъ для Константина заставить ихъ ожить и самому ихъ развить, когда онъ будетъ въ болѣе сознательномъ возрастѣ. Несмотря на свою буйность, онъ имѣетъ способности, какія могли бы сдѣлаться со временемъ блестящими качествами, потому что онъ мужественен ъ, щедръ и охотно одолжаетъ своихъ друзей. Его энергичность неутомима, а его откровенность рѣдка въ принцѣ.

Впрочемъ онъ сынъ, достойный сынъ своего отца: тѣ же самыя странности, тѣ же вспышки, та же жестокость, то же буйство. Онъ никогда не будетъ имѣть столько образованія и столько ума, но онъ обѣщаетъ когда нибудь сравняться съ нимъ и даже превзойти его въ искусствѣ заставлять двигаться дюжину бѣдныхъ автоматовъ. Кто бы могъ когда-нибудь вообразить, что молодой семнадцатилѣтній принцъ живой и сильный, который только что женился на юной и красивой женщинѣ, проснется въ первую ночь своей свадьбы въ пять часовъ утра, чтобы спуститься во дворъ своего дворца и заставить, палочными ударами, маневрировать пару солдатъ, данныхъ ему для его охраны. Это сдѣлалъ великій князь Константинъ. Я не знаю, возвѣщаетъ ли эта воинственная ярость хорошаго генерала, но она, навѣрника, доказательство очень плохого супруга *).

Павелъ, который не находилъ въ своей семьѣ никакого основанія страшиться участи своего отца или всякой другой опасной стороны, не имѣлъ равнымъ образомъ ничего для боязни къ вельможамъ. Правда, что каждый изъ нихъ сердечно его ненавидѣлъ и обращалъ въ теченіе десяти лѣтъ въ посмѣшище при дворѣ его матери, но Потемкина больше не было. Ничтожество какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ было удѣломъ всѣхъ тѣхъ, кто приблизился къ трону: никто не имѣлъ ни генія, который необходимъ для совершенія переворота, ни энергіи, которой требуютъ великія преступленія. Екатерина могла съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ графиня Мюральтъ, дать своимъ министрамъ эпитетъ, который та дала своимъ остроумцамъ. Легкаго очерка каждаго изъ этихъ господъ будетъ достаточно. чтобы доказать то, что я говорю.

---

*) За нѣсколько времени передъ его свадьбой ему дали отрядъ солдатъ, чтобы его позабавить. Истерзавъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, этихъ несчастныхъ, онъ забылся до того, что надавалъ ударовъ палкой майору, который ими командовалъ. Этотъ послѣдній имѣлъ мужество пожаловаться графу Салтыкову, который пожелалъ, по своему обыкновенію замять эту жалобу; но Зубовъ донесъ о ней императрицѣ. Она приказала посадить подъ арестъ своего внука и велѣла отнять у него его солдатъ, которыхъ ему возвратили только при его бракѣ.

Можно бы было привести многія другія выходки этого великаго князя, но это значило бы только повторять самыя обыкновенныя шалопайства невоспитаннаго ребенка. Его бабка замѣтила ихъ слишкомъ поздно для того, чтобы ихъ исцѣлить. Въ своемъ дѣтствѣ онъ кусалъ и билъ своихъ учителей: теперь онъ бьетъ офицеровъ на упражненіяхъ и сокрушаетъ зубы бѣднымъ солдатамъ. Когда король шведскій со всѣмъ дворомъ былъ на балу у Самойлова, Константинъ сказалъ ему: „Знаете ли вы, у кого вы находитесь? У величайшаго пердуна въ городѣ". Бабушка велѣла посадить его подъ арестъ. (Примѣч. автора).

Господинъ графъ и князь Зубовъ, послѣднiй фаворитъ по званiю и при обязанностяхъ у старой Екатерины, былъ человѣкъ тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы имѣть генiй и честолюбiе Орлова и Потемкина, хотя онъ подъ конецъ соединилъ въ своемъ лицѣ больше власти и влiянiя, нежели оба этихъ прославленныхъ фаворита. Потемкинъ обязанъ былъ почти всѣмъ своимъ величiемъ самому себѣ, Зубовъ долженъ былъ за свое только дряхлости Екатерины. Онъ, видимо, выигралъ изъ власти, изъ богатствъ, изъ влiянiя и изъ разума то, что Екатерина потеряла въ энергiи, въ силѣ и въ генiи.

Въ послѣднiе годы ея жизни этотъ молодой человѣкъ состоялъ буквально самодержавнымъ императоромъ всея Россiи. Онъ имѣлъ манiю желать или казаться дѣлающимъ все, но, не имѣя никакого навыка въ дѣлахъ, онъ отвѣчалъ тѣмъ, кто спрашивалъ у него инструкцiй: „сдѣлайте, какъ прежде". Ничто не равнялось съ его величiемъ, кромѣ низости тѣхъ, кто передъ нимъ спѣшилъ пресмыкаться, и нужно признать, что низость русскихъ придворныхъ всегда опережала и превосходила безстыдство фаворитовъ Екатерины. Все ползало у ногъ Зубова: онъ одинъ стоялъ и считалъ себя великимъ. Всякое утро многочисленный дворъ осаждалъ его двери, наполнялъ его переднiя. Старые генералы, вельможи имперiи не краснѣли отъ стыда за ласки самымъ ничтожнѣйшимъ его слугамъ. Часто видѣли этихъ слугъ отгоняющими ударами прикладовъ офицеровъ и генераловъ, толпа которыхъ осаждала двери и мѣшала ихъ затворять. Развалясь въ креслѣ, въ самомъ неприличномъ неглиже, съ мизинцемъ въ носу, съ глазами, разсѣянно обращенными къ потолку, этотъ молодой человѣкъ съ холодной и тщеславной физiономiей едва удостоивалъ обращать вниманiе на тѣхъ, кто его окружали. Онъ забавлялс глупостями своей обезьяны, прыгавшей на головѣ его пошлыхъ придворныхъ, или разговаривалъ съ шутомъ, тогда какъ старики, подъ начальствомъ которыхъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ, Долгоруковы, Голицыны, Салтыковы, и все, что было здѣсь знатнаго и низкаго, стоя на ногахъ, въ глубокомъ молчанiи, ожидали, когда онъ опуститъ глаза, чтобы еще простереться передъ нимъ. Имя Екатерины фигурировало въ его словахъ, какъ названiя трона и престола въ манифестахъ королей. Онъ едва оказывалъ наслѣднику имперiи то внѣшнее уваженiе, въ корором не могъ ему отказать при придворныхъ церемонiяхъ. И Павелъ, крутой Павелъ, принужденъ былъ сгибаться передъ мелкимъ гвардейскимъ офицеромъ, который недавно просилъ у него пощады за то, что оскорбилъ одну изъ его собакъ *). Великiй

*) У Павла была собака, которую онъ любилъ. Эта собака, бродя по корридорамъ двора, пожелала стянуть кусокъ мяса, который держалъ одинъ изъ гвардейскихъ трубачей. Солдатъ надавалъ ей треуховъ своимъ инструментомъ. Собака съ воемъ и окровавленная прибѣжала въ аппартаменты Павла, который, узнавъ о приключенiи, пришелъ въ ярость. „Ахъ! вскричалъ онъ: все то, что мнѣ принадлежитъ, все то, что я люблю, является мишенью преслѣдованiя. У меня только одна собака, ее желали убить. Пусть велятъ прiйти караульному офицеру и онъ долженъ быть наказанъ!" Этимъ караульнымъ офицеромъ былъ тогда Зубовъ, который, узнавъ о бѣшенствѣ Павла, бросился къ ногамъ Николея Салтыкова, своего покровителя, чтобы онъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ къ великому князю ходатайствовать о милости. Салтыковъ съ трудомъ получилъ ее, потому что Павелъ былъ убѣжденъ, что собаку

князь Констянтинъ очень прилежно ухаживалъ за нимъ, чтобы получить денегъ или милостей для своихъ протеже: столь постоянное явленіе, что души, наиболѣе наклонныя къ тиранію, въ то же время наилучшимъ образомъ созданы для рабства. Впрочемъ, никто изъ двѣнадцати фаворитовъ не былъ столь мелокъ и тѣломъ и душой, какъ Зубовъ. Онъ могъ имѣть скрытыя качества, оцѣненныя Екатериной, но онъ не обнаруживалъ ни генія, ни доблестей, ни страстей, если только не пожелаютъ считать тщеславія и скупости, которыя его характеризовали. Точно также не оставилъ ли онъ пустоты, исчезнувъ съ мѣста, которое занималъ. Памятниками его царствованія будутъ сокровища, собранныя его фамиліей, и земли, добытыя путемъ вымогательства его отцомъ у владѣльцевъ его области *).

Смерть императрицы въ одно мгновеніе снова погрузила его въ ничтожество, изъ котораго вытянула его любовь: такъ поденка-бабочка рождается и сверкаетъ при солнечномъ лучѣ, но умираетъ и обезцвѣчивается при первомъ дуновеніи вѣтра. Онъ оплакалъ Екатерину, какъ сынъ оплакиваетъ свою мать, и это былъ единственный моментъ, когда онъ казался интереснымъ. Нужно также согласиться, что онъ вновь занялъ въ толпѣ мѣсто, которое ему соотвѣтствовало, раньше, чѣмъ придворные осмѣлились занять свое съ нимъ рядомъ. Они оказались еще болѣе *уничиженными*, чѣмъ онъ униженнымъ. И хотя, съ перваго дня, его пріемныя были пустынны, но еще долгое время спустя, когда онъ появлялся при дворѣ, видно было толпу зѣвакъ, разступавшихся и пресмыкавшихся передъ нимъ, какъ передъ государемъ: такъ трудно подняться рабамъ. Нужно еще отдать ему ту справедливость, что онъ не заселялъ, какъ Меньшиковъ и Биронъ, пустырей Сибири. Но онъ совершилъ акты несправедливости и инквизиторкаго насилія подстрекательствомъ Эстергази и другихъ франзускихъ эмигрантовъ, и несчастья Польши отчасти его дѣло.

Императоръ, который въ первый моментъ своего восшествія на тронъ, обошелся съ нимъ съ удивительнымъ уваженіемъ, который въ лестныхъ выраженіяхъ утвердилъ его въ его должностяхъ, который наградилъ его брата главнымъ русскимъ орденомъ единственно за то, что онъ совершилъ путешествіе въ Гатчину, который самому ему сдѣлалъ подарокъ въ видѣ одного изъ своихъ мундировъ, императоръ, говорю я, измѣривъ своего человѣка, пришелъ къ мысли, что ему нечего его бояться. Внезапно была наложена печать на ого канцелярію, и именно великій князь Константинъ, недавно его придворный, выполнилъ это порученіе полицейскаго офицера со всею быстротой, которая ему врождена **). Его секретари были со скандаломъ сос-

---

его били только изъ ненависти къ нему, и потому что онъ презиралъ гвардейцевъ. Трубачъ утверждалъ, что онъ не зналъ животное—и это показалось новымъ оскорбленіемъ Павлу, который, навѣрное, сурово бы его наказалъ, если бы имѣлъ надъ нимъ власть. (Примѣч. автора).

---

*) Отецъ Зубова былъ сдѣланъ сенаторомъ и, чтобы обогатиться, онъ купилъ или заставилъ уступить себѣ всѣ старые процессы и тотчасъ велѣлъ судить по нимъ или самъ судилъ въ сенатѣ въ свою пользу. (Примѣч, автора).

**) Слѣдуетъ замѣтить, что Зубовъ, имѣвшій всѣ должности, и его секретари, имѣвшіе всѣ дѣла въ своихъ рукахъ, были удалены въ 24 часа, не будучи заставлены дать какой-либо отчетъ и спрошены о какомъ-либо освѣдомленіи. Ниже увидятъ замѣшательство, какое это причинило. (Примѣч. автора).

ланы или прогнаны отъ двора *), его прислужники изгнаны или заключены **), и всѣ офицеры его генеральнаго штаба или его свиты, число которыхъ было болѣе 200. были вынуждены въ одну минуту присоединиться къ своимъ частямъ или подать въ отставку. Чтобы повѣжливѣе изгнать его изъ дворца, ему подарили большой домъ и всѣ его комендантскія права были у него взяты обратно. Онъ самъ подалъ въ отставку отъ тридцати различныхъ должностей только тогда, когда ихъ уже не имѣлъ больше. Императоръ возвелъ Николая Салтыкова въ фельдмаршала и велѣлъ вернуть въ его канцеляріи всѣ военныя дѣла, которыя были отстранены отъ него Зубовымъ. Тогда-то и увидали злоупотребленія и безпорядки, царствовашіе въ его бума-

*) Изъ нихъ болѣе извѣстны два—Альтести и Грибовскій. Первый — уроженецъ Рагузы, котораго русскій посолъ Болкуновъ взялъ въ Константинополѣ изъ торговой конторы, чтобы дать должность въ своей канцеляріи. Когда была объявлена война, онъ отправился хлопотать о мѣстѣ въ Петербургъ и вошелъ къ Зубову, фаворъ котораго усиливался. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и имѣлъ умъ. Вскорѣ онъ сталъ дѣльцомъ у Зубова и даже у Екатерины. Брошюра, которую онъ написалъ на французскомъ языкѣ противъ польскаго короля и революціонеровъ, гдѣ онъ перваго обзываетъ крамольникомъ, а вторыхъ якобинцами, гдѣ онъ собираетъ кучи эпитетовъ, лжи, глупостей и лести, довершила устройство его репутаціи и благополучія. Эта книжонка распространилась, какъ манифестъ. Вскорѣ чины, ордена и рабы стали расточаться для Альтести. Недовольный этими дарами, онъ чрезвычайно обогащался Польскіе конфедераты, правленія, казаки и пр. спѣшили купить за добрые дукаты его услуги и его покровительство. Онъ достигъ рѣдкихъ высоты и безстыдства. Наглость, учиненная имъ графу Головину, который имѣлъ мужество пожаловаться на него, его, наконецъ, погубила. Онъ получилъ приказаніе удалиться въ свои земли, но Зубовъ велѣлъ ему вернуться, и за нѣсколько дней до смерти Екатерины онъ былъ на волоскѣ отъ обратнаго вступленія въ должность. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Павла было предписаніе ему уѣхать въ 24 часа. Альтести имѣетъ таланты, но это неблагодарный человѣкъ. Именно онъ впослѣдствіи содѣйствовалъ разжалованію Болкунова, своего перваго благодѣтеля.

Другой секретарь былъ русскій, по фамиліи Грибовскій. Онъ не имѣлъ ума своего сотоварища, но, можетъ быть, имѣлъ лучшее сердце. Онъ достигъ почти такого же вліянія. Онъ былъ сынъ попа и началъ переписчикомъ въ канцеляріи Потемкина. Менѣе, чѣмъ въ два года, онъ достигъ у Зубова чина полковника, а его роскошь и расходы удивили и скандализировали весь городъ. Самыя красивыя дамы находили его прекраснымъ и самые знатные вельможи его ласкали. Онъ держалъ оркестръ и шутовъ, наложницъ и лошадей. Онъ давалъ весною обѣды, на которыхъ дессертъ былъ изъ фруктовъ, какихъ не видали за столомъ у императрицы. И я находился на одномъ пикникѣ, гдѣ дессертъ, которымъ онъ былъ снабженъ, въ виду времени года, оцѣнивался въ 500 рублей. (Примѣч. перев.).

Андрей Ивановичъ Альтести былъ по повеленію Павла заточенъ въ Кіево-печерскую крѣпость, гдѣ пробылъ 3 года и послѣ уѣхалъ въ Италію. Здѣсь онъ и умеръ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій (1766—1833) воспитывался въ Московскомъ Университетѣ и до поступленія въ канцелярію Потемкина служилъ при Державинѣ, въ Петрозаводскѣ, казначеемъ приказа общественныхъ денегъ, но проворовался, при чемъ дѣло его было замято. Грибовскій не былъ чуждъ литературныхъ вкусовъ. Онъ сотрудничалъ въ журналахъ своего времени, между прочимъ, въ „Зеркалѣ свѣта" 1786—1787 г. Здѣсь, напримѣръ, помѣщено его „Благодареніе Фельдингу (Фильдингу) за Томаса Іонеса" за полной подписью (Зерк. св. 1786 г. ч. II, стр. 229—232). Въ концѣ жизни онъ задумалъ написать характеристику Екатерины II. но оставленныя имъ „Записки" составлены въ зависимости отъ принца де-Линь, хотя и включаютъ нѣкоторыя очень интересныя подробности. (Примѣч. перев.).

**) Между другими Копьевъ, молодой человѣкъ, который заслуживалъ бы лучшаго жребія, если бы его сердце было равноцѣнно съ его умомъ. Его обвинили за то, что онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, котораго встрѣтилъ одѣтымъ въ новый мундиръ Павла: „Добрый день, прекрасная маска"! (Примѣч. автора).

гахъ. Фаворитъ, который велѣлъ за свой страхъ вести въ Персіи войну подъ начальствомъ своего брата*), не соизволилъ отправлять въ военную коллегію обычныя донесенія. То же самое было и по отношенію къ войскамъ, которымъ приказано было итти въ походъ къ Галиціи, такъ что въ моментъ, когда нужно было произвести новое распредѣленіе арміи, не знали, гдѣ была большая часть полковъ, и еще менѣе состояніе, въ которомъ они находились.

Офицеры, которые должны были присоединиться къ своимъ частямъ, не знали, въ какую страну свѣта выѣхать, чтобы ихъ встрѣтить, и тщетно осаждали канцеляріи въ цѣляхъ освѣдомленія объ этомъ**).

Нѣсколько недѣль спустя, Зубовъ получилъ позволеніе или, скорѣе, получилъ приказъ покинуть Россію. Онъ уѣхалъ, какъ всѣ его предшественники, для выставки въ Германіи бриллiантовъ, лентъ и портретовъ Екатерины, но изъ всѣхъ щедротъ его престарѣлой любовницы рубли составляли ту, которой онъ пользовался съ наибольшей скромностью. Въ Германіи, гдѣ не привыкли къ мотовству русскихъ помѣщиковъ и къ тщеславію фаворитовъ Екатерины, удивлялись еще великолѣпію и образу жизни Зубова. Освобожденный отъ принужденія и спеси, которыя онъ корчилъ, онъ, казалось, вернулся къ своему первоначальному характеру и выигралъ въ пріятности то, что потерялъ въ вѣсѣ. Онъ сдѣлалъ, однимъ словомъ, честь воспитанію, которое ему дала Екатерина. Но онъ предался наслажденіямъ съ тѣмъ большимъ пыломъ, что избѣжалъ того принужденія, въ которомъ она его держала. Послѣ того, какъ онъ таскалъ за собою одну переодѣтую лакеемъ дѣвушку, онъ влюбился въ Теплицѣ въ красивую эмигрантку, по имени Ларошъ-Эмонъ. Но онъ вскорѣ познакомился съ юными принцессами курляндскими, бывшими благодари прелестямъ и красотѣ, какими ихъ одарила мать, и благодаря сокровищамъ, какія оставитъ имъ отецъ, самой богатой партіей въ Европѣ. Онъ попытался тогда ухаживать за старымъ герцогомъ, у котораго только что отнялъ его верховныя права и котораго принималъ такъ величественно въ Петербургѣ. Герцогъ засвидѣтельствовалъ ему свое злопамятство и свое презрѣніе. Но Зубовъ, привыкшій не встрѣчать больше препятствій, пожелалъ увезти старшую принцессу открытою силой. То ли герцогъ пожаловался на него императору, то ли Павелъ

---

*) На ужинѣ у императрицы, во время пребыванія шведскаго короля, говорили о новостяхъ, которыя только что привезъ курьеръ. „Это пустяки, сказалъ Зубовъ одному шведу: мой братъ извѣщаетъ насъ, что онъ выигралъ сраженіе и завоевалъ область: нѣтъ „ничего новаго". (Примѣч. автора).

**) Это часто случалось въ Россіи. Но вотъ что изумитъ болѣе. Когда одинъ французскій дворянинъ, по имени Роже, ходатайствовалъ черезъ майора М... у графа Салтыкова дать ему постъ коменданта какого-нибудь отдаленнаго мѣстечка, куда онъ желалъ уединиться, чтобы жить съ своею женою подешевле, министръ отдалъ распоряженіе посмотрѣть, была ли подобная вакансія. Ему сказали, что крѣпость Петропавловскъ въ Оренбургѣ была подходящей, и Роже былъ назначенъ ея комендантомъ.

Онъ уѣхалъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, майоръ М., получилъ письмо, гдѣ Роже ему писалъ: „Я прибылъ въ край, гдѣ должна быть моя крѣпость. Но посудите о моемъ ужасѣ: я узнаю, что, двадцать лѣтъ тому назадъ, она была разрушена".

(Примѣч. автора).

имѣлъ другія основанія, но онъ отправилъ Зубову приказъ вернуться въ Россію, и вѣроятно, что послѣдній фаворитъ Екатерины сыгралъ свою послѣднюю роль.

Графъ Николай Салтыковъ, фельдмаршалъ, военный министръ и главный наставникъ юныхъ великихъ князей . . . .
. . . .

Старый вице-канцлеръ Остерманъ, котораго Павелъ поспѣшилъ сдѣлать канцлеромъ, чтобы избавиться отъ него, удрученный старостью и немощами, показывался при дворѣ только, какъ воспоминаніе прошлаго времени. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы играть при Екатеринѣ роль, какую его отецъ игралъ въ царствованіи Анны, и чтобы заслужить опалу Павла, какъ тотъ навлекъ опалу Елизаветы. У него не было ничего больше, кромѣ имени вице-канцлера и завѣдыванья нѣкоторыми паспортами, какіе его заставляли подписывать. Дипломатическія и иностранныя дѣла были распредѣлены у Зубова между Безбородко и Марковымъ, которые были истинными составителями министерскихъ бумагъ и изъ которыхъ первый въ особенности пользовался громаднымъ вліяніемъ, колебавшимъ даже вліяніе фаворита.

Безбородко и Марковъ были двумя совершенными контрастами.

Одинъ неуклюжій, тяжеловѣсный, небрежный, безпорядочный, спустя рукава, съ походкой слона. Одѣтый въ богатое платье, онъ казался всегда накинувшимъ его при выходѣ съ оргіи, которая оставляла еще на немъ слѣды сонливаго отупѣнія. Другой, изысканный во всемъ до возможности служить оригиналомъ или смѣшнымъ маркизомъ въ какой-нибудь комедіи, натянутый до безвкусія, входилъ въ салонъ и раскланивался только по правиламъ учителя танцевъ. Онъ ходилъ только на мыскахъ ногъ, бралъ табакъ только кончиками пальцевъ и такъ, чтобы выставить на видъ бриллiанты, которыми всегда сверкали его руки. Онъ бесѣдовалъ только на ухо, говорилъ только bons mots, отвѣчалъ только остротами и вкладывалъ въ мысль, которую улавливалъ, ту же самую изысканность и ту же манерность, какъ въ свое платье.

Безбородко, несмотря на свои растлѣнные нравы, дѣятеленъ и вспышками работящъ. Достигнувъ изъ степени канцелярскаго писца до степени перваго министра въ государствѣ*), онъ имѣетъ много навыкз въ дѣлахъ и легкости въ писаніи бумагъ. Но неряшливость и безпорядочность его внѣшности встрѣчаются во всѣхъ учрежденіяхъ, ему довѣренныхъ, и въ особенности въ вѣдомствѣ имперскихъ почтъ.

*) Сначала писецъ въ канцеляріи Румянцева, онъ сдѣлался секретаремъ Екатерины. И вотъ какъ разсказываютъ объ его карьерѣ. Получивъ однажды приказаніе составить извѣстный указъ, онъ забылъ о немъ и появился къ императрицѣ, не написавъ его. Она спросила его о немъ. Безбородко, не растерявшись, вытащилъ изъ своего кармана листъ бѣлой бумаги, по которому сталъ читать, какъ если бъ подлежащій вопросу указъ былъ тамъ въ готовомъ видѣ. Екатерина, довольная редакціей попросила листъ, чтобы его подписать, и была сильно изумлена, не видя ничего, кромѣ чистой бумаги. Эта легкость сочинять сразу, ее поразила и, далекая отъ того, чтобы упрекать секретаря за его небрежность или за плутовство, она сдѣлала его государственнымъ министромъ за то, что зналъ наизусть формулу указа и имѣлъ дерзость ее обморочить. (Примѣч. автора).

которыхъ онъ общій директоръ и которыя легко обозрѣть всякому*). Это было до него наилучшее организованное учрежденіе Россіи: оно будетъ въ скоромъ времени самымъ разстроеннымъ. Его канцелярія—это всепоглощающая бездна, откуда ничто не появляется назадъ. И одно изъ удобствъ его дома, которое наилучше его характеризуетъ, состоитъ въ томъ, что здѣсь существуетъ большое количество выходовъ и потайныхъ лѣстницъ, черезъ которые онъ улизываетъ выходя, или ускользаетъ входя, чтобы избѣжать несчастныхъ, цѣлыми днями ожидающихъ его въ передней**). Нужно бы было имѣть нить Аріадны, чтобы достичь до этого минотавра; его нашли бы безъ сомнѣнія, въ глубинѣ своего лабиринта занятымъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ добычу изъ какой-нибудь юной дѣвушки.

Нравы Маркова не назидательны. Но онъ не бѣгаетъ по Мѣщанскимъ***), какъ Безбородко. Онъ привязанъ къ трагической актрисѣ Юсъ, которая пытается по крайней мѣрѣ сдѣлать уважаемымъ званіе матери, часто даваемое ей ея другомъ****) Впрочемъ я не смотрю, какъ на великое достоинство таланта, какое приписываютъ этимъ двумъ дипломатамъ, на умѣнье экспромтомъ составлять, одного на русскомъ, другого на французскомъ языкѣ, министерскія бумаги. Все, что я читалъ у одного и у другого, въ особенности у Маркова, не имѣло ни стиля, ни ясности, я не скажу—логики: все, что они имѣли сказать, было обыкновенно слишкомъ нелѣпо для того, чтобы съ нею уживаться. Впрочемъ русская дипломатія при Екатеринѣ II не требовала большихъ талантовъ. Она употребляла только два средства, болѣе дѣйствительныя, чѣмъ разумъ и краснорѣчіе: угрозу и деньги, дѣйствіемъ которыхъ всегда бываютъ испугъ и развращеніе. Есть чему удивляться въ томъ предубѣжденіи, какимъ часть Европы и въ особенности Германія, пропитана въ пользу Россіи. Воображаютъ, что петербургскій кабинетъ составленъ изъ людей необыкновенныхъ: вѣнскій кабинетъ преклоняется передъ его вліяніемъ, а берлинскій не можетъ еще стряхнуть страха и уваженія. Конечно, если бы ученые публицисты Германіи вблизи увидали этихъ людей, которые ихъ ослѣпили, они были бы сконфужены тѣмъ, что столь долгое время могли принимать блескъ прогнившаго престола за свѣточъ генія, бумагу за богатства, самохвальство за величіе и самонадѣянность за силу.

---

*) Дѣйствительно, при проѣздѣ черезъ земли главнаго директора почтъ никогда нельзя было имѣть лошадей и пассажиры были принуждены платить огромный выкупъ. (Примѣч. автора).

**) Разсказываютъ, что одинъ проситель, не имѣя возможности его поймать, рѣшился наконецъ проскользнуть въ его карету и ждать его тамъ. Безбородко, изумленный смѣлостью и изобрѣтательностью, выслушалъ этого человѣка и обѣщалъ ему поговорить объ его дѣлѣ съ императрицей. Но человѣкъ не пожелалъ покинуть своего поста и ждалъ въ каретѣ, пока Безбородко спустится изъ дворца, чтобы получить отвѣтъ. Говоритъ, что онъ былъ благопріятнымъ. (Примѣч. автора).

***) Названіе квартала, гдѣ въ большомъ числѣ живутъ публичныя женщины Петербурга. (Примѣч. автора).

****) Императоръ, по утонченной мстительности, запретилъ Юсъ слѣдовать за Марковымъ въ его изгнаніе, говоря, что она принадлежитъ двору, а не ему. Эта трагическая актриса, которая имѣла много талантовъ, достигла того, что сдѣлала изъ французскаго театра аристократію, гдѣ она предсѣдательствовалала. (Прим. авт.).

Безбородко, который всегда носилъ башмаки и букли, подобные тѣмъ же у Павла, и который былъ, сверхъ того, очень богатъ и очень могущественъ, былъ сначала пощаженъ*). Съ Марковымъ, который не имѣлъ этихъ преимуществъ въ той же степени, обошлись жестко и разжаловали съ трескомъ. Это тотъ самый человѣкъ, который былъ посланъ изъ Голландіи въ Парижъ, гдѣ о немъ еще вспоминаютъ подъ именемъ приторнаго Маркова.

Теперешній графъ Самойловъ, генералъ прокуроръ имперіи, не имѣлъ другой заслуги, кромѣ той, что былъ племянникомъ Потемкина и имѣлъ какое-то фальшивое выраженіе въ лицѣ. Онъ былъ, по своимъ способностямъ, ниже обязанностей своей должности, которая дѣлала его главнымъ казначеемъ и начальникомъ сената и всѣхъ судовъ въ имперіи. Его вызвали, помимо его самого, изъ арміи, чтобы заполнить всѣ эти гражданскія должности. Онъ признавался, что не имѣетъ необходимыхъ талантовъ, но это для того самаго, чтобы его избрали, потому что желали человѣка пассивнаго, бывшаго не въ состояніи противорѣчить видамъ Екатерины или ея фаворита. Это у него собиралась та постыдная инквизиція, которую создала Анна подъ именемъ тайной канцеляріи, которую Петръ III счелъ своимъ долгомъ уничтожить, которую Екатерина возстановила въ другой формѣ и которую Павелъ, кажется, размножаетъ теперь достойными членами въ переднихъ частныхъ домовъ. Домъ Самойлова, одинъ изъ самыхъ красивыхъ дворцовъ Петербурга, имѣлъ тайныя темницы, чтобы содержать оговоренныхъ въ ожиданіи того, какъ о нихъ распорядятся подъ сурдинку. Впрочемъ Самойловъ былъ незначителенъ и подобенъ ослу, носящему реликвіи Павелъ, чтобы вознаградить его за его поспѣшность повелѣть черезъ него учинить присягу сенату, далъ ему четыре тысячи крестьянъ подъ предлогомъ, что его мать уже ихъ ему обѣщала. Несколько дней спустя, онъ былъ неожиданно низложенъ и на его мѣсто назначенъ князь Куракинъ **).

Но человѣкомъ, противъ котораго вопіяли о мщеніи кровь и рыданія тысячи жертвъ, тѣмъ, кто долженъ былъ первымъ упасть подъ мечомъ правосудія, если бы Екатерина имѣла справедливаго, твердаго и гуманнаго преемника, былъ Архаровъ, генералъ губернаторъ Петербурга. Этотъ человѣкъ или, скорѣе, этотъ дикій звѣрь сдѣлался извѣстнымъ съ давняго времени по звѣрству, достойному палача Атиллы. Онъ былъ тверскимъ губернаторомъ, гдѣ упражнялся въ разбоѣ, подробности котораго навели бы ужасъ и показались невѣроятными, когда Екатерина, въ концѣ своей жизни, призвала его къ себѣ.

---

*) Онъ былъ сдѣланъ княземъ и заслуживаетъ имъ быть. Онъ все еще первый министръ Павла и это онъ, отъ имени своего господина объявляет войну французской республикѣ, ссылаясь, чтобы ее обосновать, на декреты, которые, думаю, извѣстны только ему. Онъ только-что умеръ. (Примѣч. автора).

**) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, родившійся въ 80-хъ годахъ XVIII в. Послѣ своего назначенія генералъ-прокуроромъ сената при Павлѣ, при Александрѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи, съ 1807 по 1811 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, позднѣе членомъ государственнаго совѣта и канцлеромъ россійскихъ орденовъ Умеръ въ 1829-мъ году. (Примѣч. перевод.).

Это тотъ человѣкъ, котораго она признала достойнымъ быть стражемъ своей короны, когда французская революція, Зубовы, Эстергази и, быть можетъ, угрызенія совѣсти довели ее до того, что окружили ее подозрительностью и ужасами. Онъ въ скоромъ времени на болѣе широкомъ полѣ развернулъ ужасныя качества, какія были бичомъ Московской и Тверской губерніи. Со смертью Екатерины, съ паденіемъ Зубова, съ воцареніемъ Павла, не сомнѣвались въ карѣ этому чудовищу. Многія жертвы его тиранніи бросались къ ногамъ императора и умоляли о справедливости и о мести. Онъ не отвѣтилъ на жалобы о злоупотребленіяхъ властью и преслѣдованіемъ, но онъ приказалъ Архарову заплатить нѣкоторые долги. Этотъ вице-тиранъ былъ слишкомъ полезенъ при режимѣ, который Павелъ вводилъ, чтобы давать какой-нибудь поводъ для описаній. Изъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣли довѣріе матери, онъ былъ, по страшному исключенію въ угоду его талантамъ*), единственнымъ, который получилъ довѣріе сына. Онъ былъ утвержденъ и даже возведенъ въ новыя должности. Между тѣмъ жалобы честныхъ людей и крики народа продолжали держаться противъ него. Говорили, что Павелъ, уѣзжая короноваться въ Москву, нашелъ дорогу вымощенной прошеніями, которыя народонаселеніе представляло противъ этого новаго Сеяна**). Несчастные обитатели Твери и Москвы, весьма напрасно вы прибѣгаете къ своему государю, чтобы просить у него справедливости! Эти просьбы, которыя вы повергаете къ его ногамъ, и эти униженные чела, которыя вы въ грязи простираете передъ нимъ, не могутъ дойти и тронуть его сердце***).

Изъ этихъ портретовъ четырехъ или пяти лицъ, которыя держали въ рукахъ власть, при смерти Екатерины, видно, что Павлу не-

*) Если употреблено выраженіе таланты по отношенію къ Архарову, то не должно воображать однако, что желаютъ указать на Лекуара, или на Сарюина или на кого-нибудь другого, кто имѣлъ бы способность содержать порядокъ и устроенную полицію. Талантъ русскаго инквизитора не что иное, какъ талантъ палача бить и поражать голову, которую намѣтило ему подозрѣніе. Онъ достойный министръ своего владыки и капризъ служитъ ему закономъ, а природная злость достаточнымъ основаніемъ.

**) Луцій Элій Сеянъ префектъ преторіанской гвардіи при римскомъ императорѣ Тиверіи. Онъ пріобрѣлъ неограниченное вліяніе на императора, который публично называлъ его своимъ другомъ и товарищемъ. Сосредоточивъ въ Римѣ всѣ 10 преторіанскихъ когортъ, онъ подкупилъ своихъ подчиненныхъ лестью и обѣщаніями и сталъ стремиться къ высшей власти, устраняя на пути всѣхъ, самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, стоявшихъ ему. Первою жертвою его палъ сынъ Тиверія Друзъ, скончавшійся отъ отравы. Затѣмъ принужденъ былъ покончить самоубійствомъ сенаторъ Кремуцій Кордъ, извѣстный историкъ и личный врагъ Сеяна. Вслѣдъ затѣмъ настала очередь дома Германика и ему удалось добиться паденія Агриппины и ея двухъ сыновей—Нерона и Друза. Когда Тиверій прозрѣлъ и приблизилъ къ себѣ третьяго сына Агриппины, Гая Цезаря, Сеянъ составилъ обширный заговоръ противъ самого императора. Тиверій принялъ свои мѣры, и посланный имъ въ Римъ Макронъ, переманивъ на свою сторону преторіанцевъ, при содѣйствіи консула Меммія Регула и начальника пожарной стражи Грецина, арестовалъ его на засѣданіи сената.

Сеянъ былъ присужденъ къ смерти, задушенъ въ темницѣ, а трупъ его брошенъ въ Тибръ въ 31 г. по Р. Хр. (Примѣч. перев.).

***) Онъ подвергся опалѣ не за преступленія, а за бездѣлицу. (Примѣч авт.).

чего было отъ нихъ опасаться: всѣ они были богаты, никто не былъ молодъ и благосостояніе ихъ было создано. Между тѣмъ нельзя слишкомъ надивиться тому, съ какой поспѣшностью Павелъ поторопился еще осыпать благами государственныхъ вампировъ прежде, нежели ихъ удалить. Его мотивы очевидны: онъ ихъ разжаловалъ тотчасъ, какъ только увѣрился, что нѣтъ мѣста для страха передъ ними. Внезапная смерть его матери помѣшала опредѣлиться всякому другому рѣшенію при дворѣ, а во главѣ армій не было здѣсь ни одного человѣка, способнаго предпринять что-либо. Три главныхъ генерала, которые командовали тогда главными арміями имперіи были такъ же далеки одинъ отъ другого по своимъ нравамъ, видамъ и характеру, какъ по громадному пространству, ихъ раздѣлявшему.

Наиболѣе достойнымъ уваженія былъ князь Николай Репнинъ, имя котораго столь часто звучало въ Европѣ вслѣдъ за именемъ знаменитаго Румянцева *). Онъ былъ, вмѣстѣ съ этимъ старымъ героемъ, единственнымъ изъ знаменитыхъ генераловъ Екатерины, присутствіе и наружность котораго не казалась совершеннымъ контрастомъ его репутаціи. Въ послѣднюю войну съ турками онъ сыгралъ блестящую роль, какъ генералъ, и внушительную, какъ посолъ въ Константинополѣ. Онъ потомъ отличился въ Польшѣ столько же учтивостью, сколько гордостью. Потомъ онъ постыдно согнулся передъ восхожденіемъ звѣзды Потемкина, который обходился съ нимъ, какъ съ добрымъ человѣкомъ прошлаго времени. Онъ затемнилъ еще въ свои старые годы первоначальный блескъ своего характера мистическими глупостями мартинизма и иллюминатства. И неизвѣстно, смиреніе ли набожнаго человѣка, низость ли придворнаго или стоицизмъ героя-патріота заставили его выносить надменность Потемкина и ненависть Екатерины, осыпавшихъ его обидами, всецѣло пользуясь его военными талантами. Онъ навлекъ эту ненависть, высказываясь въ пользу Павла и совѣтуя ему заявить свои права на престолъ, котораго его мать была провозвлашена только опекуномъ и регентомъ. Репнинъ игралъ очень второстепенную роль въ послѣднюю войну противъ турокъ, самъ впрягшись въ колесницу Потемкина изъ боязни, что его не запрягутъ, потому что его маніей было служить, не взирая на то,

---

*) Я не дѣлаю больше упоминанія объ этомъ старомъ воинѣ, котораго неблагодарность Екатерины, обязанной ему своими первыми тріумфами, столько же сдѣлаетъ навсегда знаменитымъ, сколько его собственные подвиги. Онъ былъ самъ умирающимъ при кончинѣ Екатерины и хотя имѣлъ командованіе надъ арміей, но его дряхлость ставила его внѣ дѣятельности. Павелъ носилъ по немъ три дня трауръ и велѣлъ носить его всей арміи. Болѣе двадцати лѣтъ онъ не появлялся при дворѣ и велъ въ уединеніи или въ лагерѣ жизнь, столько же эгоистическую, сколько философскую, потому что онъ менѣе воздавалъ чести званію отца и мужа, чѣмъ генерала. Онъ отдѣлился отъ своей жены и жилъ иностранцемъ въ своей семьѣ, какъ Ляфонтэнъ. Одинъ изъ его сыновей, кончивъ свои науки, поѣхалъ искать его въ армію, чтобы попросить о службѣ. „Кто вы?"—спросилъ у него Румянцевъ.—„Вашъ сынъ"—А, а! я очень радъ: вы выросли.—Послѣ нѣсколькихъ другихъ столь же отеческихъ вопросовъ, молодой человѣкъ спросилъ у него, гдѣ онъ могъ помѣститься и что ему дѣлать. „Видите, сказалъ ему отецъ: вы, вѣроятно, будете въ лагерѣ какимъ-нибудь офицеромъ, сообразно вашимъ знаніямъ".

Фактъ столь же странный, что его сынъ, Сергѣй Румянцевъ, возвратившись изъ своего посольства въ Швецію, просилъ рекомендательнаго письма у Николая Салтыкова, чтобы представиться своему отцу и быть имъ принятымъ. (Примѣч. авт.)

какъ и кѣмъ. Его видѣли въ пріемныхъ фаворитовъ влачащимъ свои лавры и сѣдые волосы, болѣе торопливымъ, чѣмъ юный офицеръ, которому нужно было сдѣлать свое благополучіе. Какъ далеко было Репнину этого времени до Репнина, посла въ Варшавѣ, принимавшаго нѣкогда польского короля въ халатѣ *), или, вѣрнѣе, это былъ все тотъ же человѣкъ, потому что всегда наиболѣе надмененъ тотъ, кто на самомъ дѣлѣ самый низкій!

Между тѣмъ какъ Потемкинъ забывался въ Петербургѣ на празднествахъ и оргіяхъ, старый Репнинъ, котораго онъ оставилъ при арміи на время своего отсутствія, эмансипировался настолько, что позабылъ о полученномъ приказаніи оставаться въ бездѣйствіи. Онъ внезапно перешелъ Дунай и ловкимъ движеніемъ захватилъ врасплохъ и разбилъ большую армію визиря Юсуфа. Это счастливое и смѣлое дѣло заставило позеленѣть увядшіе лавры Репнина.

Дворъ огласился похвалами ему. Сравнивали эту смѣлую и рѣшительную кампанію съ таковыми же Потемкина, довольствовавшагося приказами аттаковать каждую зиму какую-нибудь крѣпость, штурмы которыхъ стоили столько крови, и никогда не имѣвшаго случая самому разбить турецкую армію. Пробужденный изъ своей летаргіи, Потемкинъ отрывается отъ своихъ наслажденій и летитъ въ Молдавію. Его встрѣча съ Рѣпнинымъ была ужасным взрывомъ, который побѣдитель турокъ принялъ съ большею твердостью, чѣмъ отъ него ожидали. Но онъ былъ устраненъ изъ арміи и насильно вынужденъ взять отставку за то, что одержалъ самую рѣшительную побѣду и принудилъ турокъ просить позорнаго мира. Такова была еще восходящая звѣзда Потемкина и нисходящая нэблагодарной Екатерины. По смерти Потемкина, въ скоромъ времени послѣдовавшей, онъ вновь появился въ Петербургѣ и хотѣлъ еще безчестить свою старость и свою славу въ переднихъ Зубова, который, польщенный при видѣ Репнина въ числѣ своихъ ревностныхъ придворныхъ, велѣлъ назначить его генералъ-губернаторомъ Ливоніи. Благодаря печали и ярости, въ которыя рѣзня русскихъ въ Вашравѣ повергла Екатерину, онъ получилъ приказаніе собрать полки своихъ областей и нахлынуть на Польшу. Онъ былъ въ этотъ моментъ единственный генералъ съ солидной репутаціей и самый старый во главѣ арміи. Онъ имѣлъ еще честь видѣть свою государыню вынужденной воспользоваться имъ вопреки себѣ самой. Однако методическій и благоразумный походъ Репнина въ Литву вывелъ изъ терпѣнія мстительность Екатерины: она хотѣла крови, крови всѣхъ обитателей Варшавы—и она спустила, съ другой стороны, этого бѣшенаго Суворова, который проложилъ себѣ до самой Праги дорогу, вымощенную трупами. Репнинъ получилъ тогда самое отмѣнное оскорбленіе, какое когда-либо его пожирало, и

*) Однажды, когда король прибылъ сдѣлать ему визитъ, онъ побѣжалъ надѣть халатъ, чтобы его принять. Послѣ легкаго извиненія и легкаго поклона, онъ повернулся спиною къ зеркалу и положилъ свой палецъ на задней части, предлагая въ теченіе всего визита этотъ задъ и этотъ палецъ вниманію Станислава, который имѣлъ зеркало передъ собою. Почти столь же невѣжливо онъ принялъ въ Ригѣ де-Артуа, притворяясь, что его не узналъ, и оставивъ одного около камина. Онъ былъ оскорбленъ видомъ превосходства, который пожелалъ принять французскій принцъ, и тѣмъ, что онъ не привѣтствовалъ караула, который отдалъ ему военныя почести.

(Примѣч. автора)

онъ переварилъ его такъ же хорошо, какъ и другія. Суворовъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ и командующимъ надъ тѣмъ, отъ кого онъ наканунѣ получалъ приказанія и кѣмъ онъ былъ презираемъ *). Екатерина присоединила даже насмѣшку къ оскорбленію, сдѣлавъ Репнину подарокъ въ видѣ дома, чтобы его утѣшить за нарушеніе справедливости при назначеніи. Цѣлая армія была возмущена: многіе генералы жаловались, графъ Иванъ Салтыковъ**) гордо подалъ въ отставку. Одинъ Репнинъ, Репнинъ, наиболѣе оскорбленный и наиболѣе способный дать это благородно почувствовать, имѣвшій возможность безнаказанно показать, что онъ воспріимчивъ къ обидѣ и чести, стоически или христіански испилъ эту чашу униженія.

Павелъ, при своемъ восшествіи на престолъ, сдѣлалъ наконецъ его фельдмаршаломъ, и послѣднимъ подвигомъ Репнина былъ карательный военный походъ противъ нѣсколькихъ деревень Новгородской губерніи, которыя говорили объ освобожденіи.

Репнинъ, показавшій себя столь же крупнымъ генераломъ, сколь надменнымъ министромъ и гибкимъ придворнымъ, имѣетъ личныя качества, которыя соединяются у немногихъ русскихъ генераловъ. Онъ имѣетъ благородство въ лицѣ, въ манерахъ и въ мелкихъ поступ-

---

*) Суворовъ заставилъ читать себѣ два или три раза, полнымъ голосомъ, первый рапортъ, присланный ему Репнинымъ, дѣлая тысячи шутовскихъ выходокъ, притворяясь глухимъ, чтобы чтецъ возвышалъ голосъ, и удивляясь, что получилъ рапортъ отъ князя Репнина, надъ которымъ онъ такъ жестоко издѣвался. Екатерина всегда была очень деспотична и подчиняла старшинство личному расположенію. По смерти Потемкина, Каменскій, одинъ изъ лучшихъ ея генераловъ, принялъ по праву командованіе надъ арміей и послалъ въ этомъ званіи первый рапортъ.

Онъ говорилъ: „Принявъ командованіе, въ силу моего старшинства", и проч. Екатерина своей рукою написала на поляхъ: Кто вамъ это приказалъ? Онъ говорилъ потомъ о безпорядкѣ, который нашелъ въ полкахъ, и Екатерина вновь замѣтила на поляхъ: „Онъ ничего не осмѣливался говорить при жизни князя". Въ отвѣтъ на свой докладъ Каменскій получилъ приказаніе покинуть армію. (Примѣч. авт.).

Графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Каменскій (1738—1809). Онъ былъ воспитанникомъ шляхетскаго корпуса и по окончаніи его два года служилъ волонтеромъ во французской арміи. Въ семилѣтней войнѣ и въ первой турецкой онъ уже принималъ участіе въ рядахъ русскихъ войскъ. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ генералъ губернаторомъ рязанскимъ и тамбовскимъ. Вторая турецкая война вновь вызвала его на поле сраженій, при чемъ онъ разбилъ турокъ при Гангурѣ въ 1788 г.

Не желая подчиняться волѣ умершаго Потемкина, назначившаго на время своей болѣзни начальникомъ надъ арміей Каховскаго, Каменскій и былъ уволенъ отъ службы. При Павлѣ онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, но въ милостяхъ императора не удержался. Александръ I засталъ его уже генералъ фельдмаршаломъ и въ 1806 г. поручилъ главное командованіе надъ арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ. Каменскій, прибывъ на мѣсто назначенія, черезъ шесть дней уже отбылъ обратно, ссылаясь на болѣзнь и сдавъ свои обязанности Бугсгевдену. Онъ жилъ потомъ въ своемъ орловскомъ помѣстьѣ и здѣсь былъ убитъ однимъ изъ крѣпостныхъ за тяжелый, капризный и деспотическій нравъ. (Примѣч. перев.).

**) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (1730—1805). Въ молодыхъ лѣтахъ принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ. Первая война съ турками также видѣла его въ числѣ своихъ участниковъ. Въ 1784 г. онъ уже былъ назначенъ на постъ владимірскаго и костромского генералъ-губернатора. Въ 1790 г. онъ командовалъ войсками, дѣйствовавшими въ Финляндіи противъ шведовъ, и блистательно окончилъ кампанію. Вышелъ въ отставку Салтыковъ въ 1795 г. изъ-за ссоры съ Румянцевымъ, но черезъ годъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршала, генералъ-инспектора всей кавалеріи и главнокомандующимъ украинской арміей. Съ 1797 г. по 1804 г. былъ военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ. (Примѣч. перев.).

кахъ. Онъ имѣетъ гуманность въ сердцѣ*) и не присвоиваетъ ни той московитской грубости своихъ сотоварищей въ отношенiи къ низшимъ**), ни той грабительской жадности, которая всегда ихъ отличала. Напротивъ, Репнинъ сострадателенъ и великодушенъ, и Литва обязана ему нѣкоторою благодарностью: это онъ и князь Голицынъ спасли ее отъ всесовершеннаго разрушенiя.

Иностранецъ, который слышалъ гремящее имя Суворова и который прiѣзжаетъ въ Россiю, требуетъ увидать этого героя. Ему показываютъ маленькаго старика, съ худощавымъ и сморщеннымъ лицомъ, который проходитъ аппартаменты дворца, прыгая на одной ножкѣ, или пробѣгая и скача по улицамъ, въ сопровожденiи толпы дѣтей, которымъ онъ кидаетъ яблоки, чтобы заставить ихъ драться, и крича самому себѣ: „Я—Суворовъ! я—Суворовъ!"***). Если иностранецъ съ трудомъ узнаетъ въ этомъ старомъ сумасшедшемъ побѣдителя турокъ и поляковъ, ему не трудно будетъ узнать по этимъ свирѣпымъ и угрюмымъ глазамъ и по этимъ пѣнящимся и ужаснымъ устамъ убiйцу обитателей Праги. Суворовъ былъ бы только самый смѣшной шутъ, если бы не показалъ себя самымъ воинственнымъ варваромъ. Это чудовище, которое заключаетъ въ тѣлѣ обезьяны душу собаки и живодера. Атилла, его соотечественникъ и отъ котораго онъ, можетъ быть, происходитъ, не былъ ни столь счастливъ, ни столь жестокъ. Его грубыя и смѣшныя манеры внушили солдатамъ слѣпое довѣрiе, которое замѣняетъ ему военные таланты и которое было истинною причиною его успѣховъ. На него смотрѣли, какъ на счастливаго и отважнаго человѣка, который, воспитавшись въ поляхъ, не зналъ двора и не могъ заслонить фаворитовъ. Послѣ того, какъ отличился въ качествѣ волонтера, онъ достигъ, изъ степени въ степень, званiя генералъ аншефа. У него врожденная свирѣпость, которая у него занимаетъ мѣсто храбрости: онъ льетъ кровь по инстинкту, какъ тигръ. Въ армiи онъ живетъ, какъ простой козакъ. Онъ прiѣзжаетъ къ двору, какъ скиѳъ, не желая занимать другого помѣщенiя, кромѣ повозки, на ко-

---

*) Въ особенности къ солдату. Объѣзжая кавалерiйскiй полкъ на смотру, онъ говорилъ: Я освѣдомляюсь только о людяхъ, потому что о лошадяхъ, какъ полковникъ, который ихъ покупаетъ, я хорошо знаю, что за ними больше заботы. (Примѣч. автор").

**) Его манера держаться со своими офицерами задѣла въ послѣднiй разъ пруссаковъ, которые не знаютъ надменности русскихъ генераловъ. Въ Берлинѣ были удивлены при видѣ прогулки Репнина, ва́жно облаченнаго во всѣ свои ордена, шествующаго одиноко на нѣсколько шаговъ впереди, въ сопровожденiи князя Волконскаго, своего племянника, многихъ адъютантовъ и мартиниста Тимана, своего секретаря. Всякiй разъ, какъ онъ останавливался, чтобы произнести слово, его свита дѣлала остановку, какъ взводъ, и скидавала въ то же время шляпы. Впрочемъ его политическая миссiя не удалась. Этотъ князь, фельдмаршалъ, министръ, нѣкогда торжествовавшiй въ Константинополѣ и господствовавшiй въ Варшавѣ, не устрашилъ и не очаровалъ молодого и мудраго прусскаго короля, котораго Павелъ возложилъ на него принудить вступить въ коалицiю. Репнинъ, выпровоженный изъ Берлина, отправился въ Вѣну, и здѣсь замѣтенъ былъ успѣхъ его переворотнвъ. Но одинъ изъ его секретарей, котораго мнѣ называютъ Оберʻомъ и который, говорятъ, французъ, ускользнулъ съ частью бумагъ и тайнъ посольства. Павелъ былъ въ ярости, разжаловалъ и отставилъ Репнина при его возвращенiи за то, что онъ не достигъ успѣха въ Берлинѣ и пользовался французомъ въ канцелярiи. Но по исключительной милости онъ можетъ носить мундиръ армiи, которой въ теченiе сорока лѣтъ командовалъ со славою. (Примѣч. автора).

***) Такимъ именно образомъ авторъ этихъ мемуаровъ въ первый разъ увиалъ Суворова. (Примѣч. автора).

торой пріѣхалъ. Разсказывать объ его образѣ жизни, это значило бы передавать о сумасбродствахъ. И, конечно, если это не сумасшедшій, изъ его качествъ я ставлю въ первую голову свойство его передразнивать. Но это безуміе варвара, которое не имѣетъ ничего забавнаго.

Онъ не всегда однакоже былъ счастливъ. При осадѣ Очакова, когда турки сдѣлали ложную вылазку, онъ пожелалъ ихъ преслѣдовать, несмотря на приказанія Потемкина, надѣясь вступить въ городъ вмѣстѣ съ бѣглецами. Онъ попалъ подъ огонь митральезъ и его колонна была цѣликомъ разбита. Онъ кинулся на приступъ Измаила, не зная даже крѣпости*). А его подвиги въ Польшѣ—подвиги разбойника. Онъ поторопился прибыть, чтобы удовлетворить мстительность Екатерины и избить остатки арміи, уже побѣжденной Ферзеномъ и лишенной храбраго Костюшки, который составлялъ всю ея силу. Суворовъ, обнимая жителей Варшавы и обѣщая имъ милость на трупахъ двадцати тысячъ гражданъ всякаго возраста и всякаго пола, походитъ на пресытившагося тигра, который играетъ своею добычей ан костяхъ своего убоища.

Его нравы были такъ же своебразны, какъ страненъ его умъ. Онъ ложился въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два утра, бросался въ холодную воду и заставлялъ выливать себѣ на голое тѣло по нѣскольку ведеръ. Онъ обѣдалъ въ восемь часовъ. Его обѣдъ, какъ и его завтракъ, состоялъ изъ водки и нѣсколькихъ грубыхъ солдатскихъ блюдъ: содрогались при приглашеніяхъ къ подобному пиршеству. Часто среди пирушки одинъ изъ его адъютантовъ поднимался, приближался къ нему и запрещалъ ему больше ѣсть. „По чьему приказанію?"—спрашивалъ Суворовъ. „По приказанію самого маршала Суворова",—отвѣчалъ адъютантъ. Суворовъ вставалъ, говоря: „нужно ему повиноваться". Онъ заставлялъ такимъ образомъ приказывать себѣ, отъ своего собственного имени, итти на прогулку или всякую другую вещь.

Во время его пребыванія въ Варшавѣ толпа австрійскихъ или прусскихъ офицеровъ торопилась увидать этого оригинала. Онъ освѣдомлялся прежде, чѣмъ появиться, какіе изъ нихъ были въ большемъ числѣ. Если это были австрійцы, онъ украшался портретомъ Іосифа II, входилъ въ свою пріемную, прыгая со сложенными ногами въ середину круга этихъ офицеровъ и предлагалъ имъ, каждому, цѣловать этотъ портретъ, повторяя: „Вашъ императоръ меня знаетъ и столько же меня любитъ". Если пруссаки были въ большемъ числѣ, онъ обходился орденомъ чернаго орла и дѣлалъ тѣ же самыя кривлянья. При дворѣ его видѣли иногда бѣгающимъ отъ дамы къ дамѣ и цѣлующимъ, дѣлая крестное знаменіе и колѣнопреклоненіе, портретъ Екатерины, который онѣ носили на груди. Екатерина велѣла ему сказать однажды, чтобы онъ велъ себя приличнѣй.

---

*) Онъ извѣщалъ о своихъ успѣхахъ обыкновенно въ двухъ или трехъ словахъ, а часто двумя дурными и смѣшными русскими стихами. Цезарь писалъ сенату: „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ". Суворовъ съ основаніемъ могъ быть кратче на цѣлую треть, потому что онъ всегда побѣждалъ, не видя. Онъ самъ говорилъ: „Каменскій знаетъ войну, но она его не знаетъ; я не знаю ее, но она меня знаетъ, что касается Ивана Салтыкова, то ни онъ ее не знаетъ, ни ей не извѣстенъ". Нѣсколько подобныхъ изреченій и нѣсколько ссылокъ на древнюю исторію, сдѣланныхъ кстати, создали Суворову репутацію. Его сторонники распространяли, что онъ часто запирался, чтобы изучить мертвые язяка и даже еврейскій. Онъ порядочно говоритъ по-французски и по-нѣмецки. (Примѣч. автора).

Онъ набоженъ и суевѣренъ. Онъ обязываетъ начальниковъ произносить вслухъ молитву передъ своими походами и дурно обходиться съ иностранными или ливонскими офицерами, которые не знаютъ русскихъ молитвъ.

Онъ посѣщалъ иногда полевые лазареты, называя себя медикомъ. Онъ принуждалъ тѣхъ, кого находилъ очень больными, принять ревеню и соли; онъ награждалъ ударами лозогъ тѣхъ, кого находилъ только слабыми. Часто онъ выгонялъ всѣхъ изъ лазарета, говоря, что солдатамъ Суворова не позволительно быть больными.

Въ своей арміи онъ запретилъ всѣ маневры, имѣющіе отношеніе къ отступленію, говоря, что въ немъ никогда не будетъ имѣть нужды. Онъ самъ упражнялъ своихъ солдатъ обращаться со штыкомъ и по тремъ различнымъ способамъ. Когда онъ командовалъ: „Маршъ на полякевъ"—солдатъ вонзалъ свой штыкъ разъ; „маршъ на пруссаковъ"—солдатъ долженъ былъ ударить два раза: „маршъ на проклятыхъ французовъ"—солдатъ долженъ былъ нанести два удара, а третій въ землю и тамъ углублять и поворачивать свой штыкъ. Его ненависть противъ французовъ была крайней. Въ нѣкоторыхъ газетахъ видѣли письмо, которое онъ написалъ Шаретт'у*.) Онъ писалъ изъ Варшавы Екатеринѣ и часто заканчивалъ такими словами: „Матушка, прикажи мнѣ итти противъ французовъ!". Онъ дѣйствительно, приближался уже черезъ Галицію во главѣ 40000 человѣкъ къ французскимъ границамъ во время смерти Екатерины.

Часто онъ, голый въ одной сорочкѣ, объѣзжалъ свой лагерь верхомъ на неосѣдланной козацкой лошади, а утромъ вмѣсто того, чтобы приказать бить зорю или сборъ, онъ выходилъ изъ своей палатки и пѣлъ три раза пѣтухомъ: это было для арміи сигналомъ пробужденія, а иногда сигналомъ похода и сраженія.

Среди множества сумасбродствъ, которыя онъ выкидывалъ, или плоскостей, которыя онъ говорилъ, если встрѣчалась выходка своеобразная или поразительная, всѣ ее повторяли или удивлялись ей, какъ молнійной вспышкѣ генія. Этотъ жестокій человѣкъ имѣетъ однако нѣкоторыя добродѣтели: онъ обнаружилъ рѣдкое безкорыстіе и даже великодушіе, то отказываясь отъ подарковъ Екатерины, то распредѣляя ихъ вокругъ себя. Онъ убьетъ несчастнаго, который проситъ у него жизни, но дастъ денегъ тому, кто проситъ у него милостыню, потому что онъ такъ же мало цѣнитъ золото, какъ человѣческую кровь. Его видишь, почти въ одно и то же мгновеніе, скрежещущимъ зубами отъ ярости, какъ безумный, смѣющимся и гримасничающимъ, какъ обезьяна, или жалостно плачущимъ, какъ старая баба

*) Франсуа-Атанасъ Шаретъ де-ла-Контри (1763—1796)—французскій политическій дѣятель консервативнаго направленія. Въ молодости служилъ во флотѣ, но вмѣстѣ съ началомъ революціи эмигрировалъ изъ родной страны. Проигрыши въ карты заставили его вновь вернуться къ себѣ, вь помѣстье, въ Бретань. Въ 1792 г. онъ былъ въ Парижѣ и весьма дѣядельно защищалъ Тюльери отъ разъяренной народной толпы, послѣ побѣды которой вновь бѣжалъ въ свою Бретань. Въ 1793 г. онъ получилъ отъ возставшихъ вандейскихъ крестьянъ предложеніе командовать повстанцами. Шаретъ съ нѣкоторыми колебаніями согласился и обнаружилъ въ качествѣ начальника замѣчательную энергію, мужество, организаторскій талантъ. Крайне жестокій, онъ былъ вмѣстѣ съ своими бандами безпощаденъ къ республиканцами, не беря въ плѣнъ и добивая раненыхъ. Боролся онъ до крайнвсти. Въ 1796 г. имѣя всего 32 человѣка, онъ былъ окруженъ, затѣмъ взятъ въ плѣнъ и, по приговору комиссіи разстрѣлянъ. (Примѣч. перев.).

Таковъ слишкомъ прославленный Суворовъ. Онъ разсорился съ своей женой, не пожелалъ признать сына, котораго имѣлъ, и предпочиталъ ему своихъ племянниковъ, князей Горчаковыхъ. А когда императрица сдѣлала его сына гвардейскимъ офицеромъ, онъ сказалъ: „Императрица желаетъ, чтобы у меня былъ сынъ. Въ добрый часъ! Но я о немъ ничего не знаю". У него была такая же дочь, фрейлина Екатерины, отличавшаяся при дворѣ своимъ идіотизмомъ. Ея отецъ, послѣ отсутствія въ теченіе многихъ лѣтъ, велѣлъ ей прійти въ посторонній домъ для свиданія съ ней. „А, папа, вскричала она: вы очень выросли съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались". По французски, это было бы милымъ каламбуромъ, но по русски, это только грубая наивность, которая всѣхъ заставила смѣяться.

Послѣ взятія Варшавы, онъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы наслаждаться своею славой. И этотъ скиѳъ, который никогда не желалъ жить, кромѣ какъ въ своей повозкѣ, занялъ тогда помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ и облачился въ великолѣпный мундиръ маршала, присланный ему Екатериною. Получивъ это платье, онъ дѣлалъ тысячу гримасъ, ласкалъ его, цѣловалъ, совершалъ надъ нимъ крестное знаменіе и говорилъ, поднимая его: „Ахъ, я не удивляюсь, что не даютъ подобнаго маленькому Николаю Салтыкову: это слишкомъ тяжело для него*).

Ясно, какъ и почему Павелъ отставилъ его при своемъ восшествіи. Ропотъ солдатъ вынудилъ его потомъ снова вызвать его. Говорятъ, онъ намѣренъ воспользоваться имъ, какъ бичомъ, чтобы наказать французовъ.

Валеріанъ Зубовъ, братъ фаворита, командовалъ арміей, которая вела войну въ Персіи**). Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, развратномъ, испорченномъ своимъ фаворомъ, но добромъ, открытомъ и мужественномъ. Онъ потерялъ ногу въ Польшѣ и пошелъ завоевывать Азію на костыляхъ***). Одинъ изъ его курьеровъ прибылъ въ моментъ смерти Екатерины съ донесеніемъ о битвѣ. Павелъ послалъ ему орденскія ленты св. Анны, чтобы раздать своимъ офицерамъ, и каждому изъ полковниковъ арміи въ отдѣльности приказъ отвесть свой полкъ на границы.

Генералъ остался одинъ въ своемъ лагерѣ, не зная, что дѣлать. Онъ послѣдовалъ, наконецъ, за своей арміей и, прибывъ въ Петербургъ, подалъ въ отставку. Онъ живетъ теперь въ Курляндіи, гдѣ владѣетъ почти всѣми помѣстьями прежнихъ герцоговъ.

Генералы такого рода и арміи, отдаленныя и чуждыя тому, что происходило при дворѣ, не могли ничего предпринять. Единственной частью, которой Павелъ могъ, поистинѣ, опасаться, была гвардія. Съ давняго времени эти четыре многочисленныхъ полка, подъ начальствомъ первостепенной знати имперіи, питали боязнь передъ созерцаніемъ царствованія великаго князя и смотрѣли на его весшествіе на

---

*) Николай Салтыковъ былъ однимъ изъ наиболѣе оскорбленныхъ производствомъ Суворова. (Примѣч. автора).

**) Объ этой курьезной и отдаленной экспедиціи будетъ рѣчь въ третьей части этихъ мемуаровъ. (Примѣч. автора).

***) При новой его ранѣ Екатерина послала ему своего собственнаго хирурга, ленту св. Андрея, чинъ генерала-аншефа и 100.000 рублей для расходовъ на перевязки раны. Онъ попросилъ у нея еще 500.000, чтобы уплатить свои долги. (Примѣч. авт.).

престолъ, какъ на конецъ своего существованія. Павелъ даже не скрывалъ своего отвращенія къ нимъ, и самымъ великимъ оскорбленіемъ, какое онъ считалъ, говоря со своими офицерами и даже со своими солдатами въ теченіе своихъ маневровъ въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ, были такія слова: „Ты не годишься никуда, кромѣ службы въ гвардіи". Гвардейцы отвѣчали ему презрѣніемъ, какое онъ имъ оказывалъ, и въ насмѣшку давали его солдатамъ эпитетъ пруссаковъ. Извѣстно, что этимъ преемникамъ стрѣльцовъ нужны были по меньшей мѣрѣ слезы Елизаветы и ласки Екатерины, чтобы ихъ тронуть. И Павелъ считалъ себя въ безопасности только послѣ того, какъ мы это уже видѣли, когда распредѣлилъ свои батальоны между этими страшными полками, въ которыхъ онъ усиливался изгонять прежнихъ офицеровъ и ласкать солдатъ. Но тщетно онъ надѣлялъ ихъ водкой и рублями: эти щедроты подкупили лишь тѣхъ, кто къ нему былъ близокъ, а армія жаловалась и роптала *).

Павелъ, какъ великій князь, ненавидимый и презираемый своею матерью, унижаемый фаворитами, живя въ уединеніи и въ забвеніи въ блестящее и пышное царствованіе, сохраняя добропорядочные и строгіе нравы среди развращенія и безчинствъ двора своей матери **), нуждался въ очень небольшомъ количествѣ добродѣтели и любезности, чтобы быть сожалѣемымъ разсудительными людьми и желаннымъ народу. Его должны были ожидать, какъ освободителя. Между тѣмъ онъ былъ предметомъ всеобщаго страха и отвращенія, какъ бичъ.

Его слуги, его офицеры, его придворные, его фавориты, его, даже страшно сказать, дѣти раздѣляли болѣе или менѣе эти ужасныя чувства. Подозрѣніе, что онъ ихъ внушалъ, озлобляло его и дѣлало, быть можетъ, неспособнымъ ихъ измѣнить, но, при такомъ характерѣ, черты справедливости и доброты, какимъ онъ еще позволяетъ проступать, болѣе поразительны и больше заставляютъ сожалѣть о качествахъ, которыхъ отъ него можно бы было ожидать.

Въ эпоху передъ его воцареніемъ, его фавора страшились: сверхъ того, что онъ часто навлекалъ досаду императрицы и фаворита, этотъ фаворъ по отношенію къ его опалѣ былъ тѣмъ, чѣмъ, по пословицѣ, бываетъ хорошая погода по отношенію къ дождю, то есть онъ былъ ея непогрѣшимымъ провозвѣстникомъ.

Никогда человѣкъ не обнаруживалъ столько капризовъ и непостоянства въ выборѣ своихъ друзей. Сначала онъ съ довѣріемъ и дружеской простотой безъ остатка отдавался тому, кто, казалось, проникъ въ его мысли; потомъ раскаиваясь въ этомъ самоотданіи, онъ вскорѣ смотрѣлъ на этого человѣка, какъ на опаснаго, или какъ на креатуру своей матери либо фаворита, льстившую ему, чтобы выдать.

---

*) Петръ I уничтожилъ стрѣльцовъ, но ихъ духъ ожилъ въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ, которые ихъ замѣстили. Гвардія, составленная изъ отборныхъ людей, офицеры, которыхъ были взяты изъ самыхъ богатыхъ семей, (чтобы быть офицеромъ гвардіи, нужно было доказать, что владѣешь по крайней мѣрѣ сотней крестьянъ или рабовъ), образовала армію приблизительно въ 10.000 человѣкъ, окружавшую тронъ. Вліянія этого корпуса было достаточно, чтобы произвести переворотъ: такимъ образомъ онъ одинъ совершалъ всѣ тѣ, какіе имѣли мѣсто со времени Петра. (Примѣч. автора).

**) Эту справедливость ему слѣдуетъ отдать. И если его страсть къ Нелидовой заставляетъ его погрѣшать противъ жены, она по крайней мѣрѣ не заставляетъ его публично погрѣшать противъ благопристойности и приличія. Впрочемъ ова разжалована.

Причтемъ, сверхъ того, тѣхъ, на кого малѣйшая доброта его жены или дружба г-жи Бенкендорфъ *) заставляли упасть ураганъ его гнѣва, и имперія была полна изгнанной его прислугой, разжалованными его фаворитами и сосланными его офицерами. Всегда тотъ, кто былъ наиболѣе близокъ къ нему, имѣлъ поводъ всего больше жаловаться на него, всегда тотъ, кто получалъ наиболѣе милостей, оказывался впослѣдствіи самымъ несчастнымъ. Послѣ того, какъ было сказано о министрахъ его матери, не будетъ неумѣстнымъ сказать слово о придворныхъ, которые очутились у него въ милости, когда онъ сдѣлался императоромъ, и которые будутъ, навѣрное, нѣкоторое время въ почетѣ. Можно сказать въ его и ихъ похвалу, что большая часть этихъ министровъ достойнѣе, чѣмъ министры стараго двора.

Два князя Куракина **), поочереди дѣлившіе съ Павломъ хорошее и дурное ***), вотъ два человѣка, послѣ камердинера, о которомъ я говорилъ, имѣющіе наиболѣе вліянія и, можетъ быть, наиболѣе его заслуживающіе. Передъ смертью Екатерины, они, хотя богатые и знатные, занимали при дворѣ только второстепенныя должности. Одинъ въ особенности велъ уединенную и философскую жизнь, занимаясь науками и искусствами или воспитаніемъ своихъ дѣтей; онъ былъ всѣми почитаемъ и уважаемъ. Его нравы и образъ жизни были весьма различны отъ нравовъ и образа жизни большей части русскихъ дворянъ, у которыхъ распутство, игра, роскошь и безумства оспариваютъ другъ передъ другомъ время и состояніе. Однимъ словомъ, онъ казался достойнымъ быть во главѣ дѣлъ. Онъ находится у нихъ вмѣстѣ съ братомъ: одинъ вице-канцлеръ имперіи, другой генералъ-прокуроръ, и именно имъ должно приписывать то, что совершается хорошаго.

---

*) Анна-Юліана Бенкендорфъ, урожденная баронесса Шеллингъ фонъ Канштадтъ, мать извѣстнаго при Николаѣ I шефа жандармовъ и начальника собственной его В. канцеляріи графа Александра Христофоровича Бенкендорфъ. (Прим. перевод.).

**) Объ одномъ изъ нихъ Алексѣѣ Борисовичѣ, было уже сказано раньше. Другой братъ, Александръ Борисовичъ (1752—1818) былъ товарищемъ Павла съ дѣтства, воспитываясь вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ онъ учился въ Лейденскомъ университетѣ, много путешествовалъ по Европѣ, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣнѣ, сенаторомъ, при Павлѣ два раза вице-канцлеромъ, при Александрѣ I посломъ въ Вѣнѣ и до 1812 г. въ Парижѣ. Онъ напечаталъ „Воспоминанія о путешествіи въ Голландію и Англію" на французскомъ языкѣ и Описаніе путешестія въ 1786 г. князя А. Б. Курикина внизъ по Сурѣ, отъ Красноярской до Чирковской пристани. (Примѣч. переводчика).

***) Алексѣй Куракинъ часто навлекалъ немилость Павла по причинѣ вниманія и почтенія, которое онъ всегда имѣлъ къ великой княгинѣ. Но нужно очень остерегаться давать названіе ревности настроенію, какое это внушало Павлу. Его характеръ и характеръ его жены не могли дать мѣсто ревности. Настроеніе Павла почерпало свой источникъ въ политическихъ его подозрѣніяхъ, а не въ любви. Однажды, видя свою жену тихонько разговаривающей съ кн. Куракинымъ у камина, Павелъ пришелъ въ ярость. „Вы хотите, madame,—сказалъ онъ ей, пріобрѣсти себѣ друзей и приготовиться сыграть роль Екатерины; но знайте, что во мнѣ вы не найдете Петра III". Эти необдуманныя слова, вырвавшіяся у него въ гнѣвѣ, изумили всѣхъ, и Куракинъ удалился отъ двора. Съ этого времени великая княгиня была еще болѣе несчастна и болѣе стѣснена. Нужно было изъ-за малѣйшей посылки, какую ей хотѣли сдѣлать, обращаться къ ея мужу. Онъ назначалъ тѣхъ, кто должны были предлагать ей руку для прогулки, составлять ея партію вечеромъ и даже разговаривать съ нею въ теченіе вечера. Наконецъ онъ нашелъ болѣе удобнымъ дать ей въ родѣ чичисбея, который ея не покидаетъ. Это князь Несвижскій, который былъ признанъ довольно ничтожнымъ для этого. (Примѣч. автора).

Два молодыхъ камергера, которые, по счастью, состояли у него на службѣ, при прибытіи курьеровъ съ извѣстіемъ о смерти Екатерины, были вдругъ превращены въ генераловъ арміи и сдѣлались его первыми флигель-адъютантами. Одинъ—Растопчинъ, который обязанъ своимъ фаворомъ очень ловкому письму и которому будетъ нужно отказаться отъ трехъ четвертей своего ума и отъ половины самого себя, чтобы его сохранить*). Другой—молодой графъ Шуваловъ, котораго Павелъ только что справедливо удостоилъ милости, послѣ того, какъ долгое время не признавалъ, и которому далъ одно изъ своихъ платьевъ, чтобы служить образцомъ для конной гвардіи, куда онъ назначилъ его майоромъ. Ничто такъ не противорѣчитъ, какъ одинаковый фаворъ этихъ молодыхъ людей, потому что причина фавора одного, повидимому, обусловливаетъ опалу другого. Растопчинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ камеръ-юнкеромъ на службѣ у великаго князя въ Павловскѣ. Его молодые сотоварищи, и между прочимъ графъ Шуваловъ и князь Барятинскій, смотря на эту службѣ, какъ на трудную барщину, потому что одно слово, сказанное великой княгинѣ, или слишкомъ модный костюмъ могли ихъ погубить, избавлялись отъ нея насколько возможно, сказываясь больными или приводя другія основанія. Растопчинъ, наскучивъ въ свою очередь быть безъ отпуска, написалъ колкое письмо маршалу двора, гдѣ онъ осмѣивалъ своихъ сотоварищей по поводу истинныхъ мотивовъ, мѣшавшихъ имъ пріѣзжать въ Павловскъ

Что касается меня, говорилъ онъ, заканчивая, которому не нужно ни лѣчиться отъ венерической болѣзни, ни содержать итальянскую пѣвицу, я буду исполнять съ удовольствіемъ ихъ службу у великаго князя. Эти язвительныя выраженія мѣтили на Шувалова и на Барятинскаго, котораго Павелъ не могъ терпѣть, хотя онъ и былъ его родственникомъ. Маршалъ показалъ это письмо императрицѣ, которая

*) Онъ былъ уже два раза разжалованъ и вновь призванъ. (Прим автора).

Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, графъ (1786—1826). Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ записанъ былъ въ преображенскій гвардейскій полкъ. Въ 1786—88 г. слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ и путешествовалъ по западной Европѣ. Въ 1788 г. участвовалъ въ штурмѣ Очакова. въ 1791 г. ѣздилъ съ Безбородко въ Турцію для переговоровъ о мирѣ. Въ 1792 г. получилъ званіе камеръ-юнкера „въ рангѣ бригадира“. При Павлѣ онъ сдѣлалъ поразительно быструю и блестящую карьеру.

Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ по иностраннымъ дѣламъ, третьимъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, великимъ канцлеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, директоромъ почтоваго департамента, первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, наконецъ членомъ совѣта императора. Въ 1801 по 1810 г. жилъ въ отставкѣ въ Москвѣ, а потомъ былъ назначенъ здѣсь главнокомандующимъ. Въ этой роли застало его французское нашествіе, при чемъ онъ старался одушевлять москвичей патріотическими манифестами и, еще наканунѣ сдачи Москвы, говорилъ о томъ, что французовъ въ нее не пустятъ. Во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ онъ продолжалъ писать свои посланія, а послѣ его бѣгства много содѣйствовалъ устройству древней столицы и ея жителей. Отъ званія главнокомандующаго онъ былъ освобожденъ въ 1814 г. и назначенъ членомъ государственнаго совѣта Въ эти послѣдніе годы онъ проживалъ главнымъ образомъ въ Парижѣ и вновь поселился въ Москвѣ только въ 1823 году. Наполеонъ называлъ Растопчина сумасшедшимъ и поджигателемъ, русскіе говорили о немъ, какъ о двойственномъ человѣкѣ, самъ онъ себя считалъ молодцомъ. На самомъ дѣлѣ Растопчинъ, при умѣ, былъ заядлый консерваторъ, ярый крѣпостникъ, насильникъ и деспотъ, мстителенъ и золъ. Растопчинъ очень много писалъ въ различныхъ жанрахъ. (Примѣч. перевод.).

сначала смѣялась. Но Шуваловъ и Барятинскій *) нашли себя имъ оскорбленными и потребовали у Растопчина объясненій. Дѣло вызвало шумъ: Барятинскій былъ отправленъ въ армію, а Растопчинъ удаленъ отъ двора на годъ. Великій князь, смотря на него съ того времени, какъ на своего поборника, упорно не принималъ услугъ другихъ камеръ-юнкеровъ, пока онъ вновь не былъ призванъ. Такимъ образомъ въ продолженіе года слишкомъ они всегда дѣлали путешествіе изъ Павловска или Гатчины, чтобы встрѣтиться у двери, и тотчасъ опять разлучались.

Среди фаворитовъ императора Плещеевъ **) истинный феноменъ: онъ единственный, который всегда держался на одномъ и томъ же разстояніи. Правда, онъ никогда не былъ въ первомъ ряду, но также никогда не испытывалъ бурь. Это человѣкъ образованный и достойный уваженія, поскольку можетъ быть такимъ придворный. Онъ говоритъ на многихъ языкахъ, обладаетъ географическими и статистическими знаніями и занимается литературою. Онъ могъ бы даже оказать услуги Россіи, если бы между своими добрыми качествами насчитывалъ смѣлость говорить истину. Но его постоянный фаворъ кажется, къ несчастью, моральнымъ доказательствомъ противнаго ***).

Нелидинскій ****), который былъ товарищемъ занятій и дѣтства Павла, былъ извѣстенъ въ Петербургѣ большимъ умомъ и любовными стихотвореніями, гдѣ находятъ грацію и чувство. Императоръ назначилъ его своимъ личнымъ секретаремъ, но, безъ сомнѣнія, съ условіемъ, что онъ свернетъ шею своей музѣ: она слишкомъ много ему послужила, чтобы заслужить столь жестокую смерть. Слѣдуетъ по крайней мѣрѣ желать, чтобы Нелединскій показалъ въ настоящее время наглядно и на практикѣ ту чувствительность, которую обнаружилъ въ своихъ стихахъ.

Именно онъ долженъ давать отчетъ о письмахъ и прошеніяхъ; участь многихъ утѣсненныхъ въ его рукахъ.

---

*) Шуваловъ, о которомъ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, сынъ упоминавшагося выше Андрея Петровича—Петръ Андреевичъ, умерішй въ молодыхъ годахъ (1771—1808). Онъ былъ адъютантомъ у Павла.

Барятинскій—сынъ убійцы Петра III Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ и посолъ въ Мюнхенѣ, отецъ извѣстнаго генералъ-фельдмаршала и кавказскаго намѣстника Александра Ивановича. Въ свое время онъ слылъ знатокомъ сельскаго хозяйства, которымъ онъ усердно занимался. (Примѣч. перевод).

**) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ (1752—1802) генералъ-поручикъ, писатель и переводчикъ. Изъ его сочиненій и переводовъ напечатаны „Обозрѣніе Россійской имперіи“, „Путешествіе англійскаго лорда Балтимура“, „Начертаніе путешестія великаго князя Павла Петровича въ 1771 г.“. Дневныя записки путешествія изъ Архипелажскаго, Россіи принадлежащаго, острова Пароса въ Сирію и къ достопамятнымъ мѣстамъ, въ предѣлахъ Іерусалима находящимся. (Примѣч. перевод.).

***) Онъ только-что, наконецъ, подвергся опалѣ и прежестоко. (Прим. авт.).

****) Князь Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ (1751—1828) сенаторъ. Прославился, какъ поэтъ, своими сентиментальными пѣснями въ народномъ духѣ. Одна изъ нихъ: „Выйду ль я на рѣченьку“ распѣвается и доселѣ. Современники высоко цѣнили дарованіе Нелединскаго. Батюшковъ нааывалъ его русскимъ Анакредономъ и Шолье. Вяземскій говорилъ о томъ, что пѣсни его распѣвали и красавицы высшаго общества и поселянки среди полевыхъ работъ, Макаровъ сравнивалъ его съ соловьемъ, замѣчая: „маленькій человѣкъ, а весь сотканъ изъ любви“. Нелединскій былъ скроменъ, и когда императрица Марія Ѳедоровна поручила ему написать стихи на придворное торжество по случаю бракосочетанія великой княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, Нелединскій передалъ это порученіе юному Пушкину, тогда еще лецеисту. (Примѣч. перев.).

Николай прибылъ въ Россію въ качествѣ гувернера молодыхъ графовъ Разумовскихъ *), которые ему впослѣдствіи покровительствовали. Рекомендованный потомъ madame Преторіусъ, его родственницей, горничною герцогини вюртембергской, онъ былъ помѣщенъ къ великой княгинѣ въ качествѣ секретаря. Онъ былъ возведенъ въ бароны Германіи, во время путешествія великаго князя, и, при его воцареніи, сдѣлался статскимъ совѣтникомъ, директоромъ кабинета императора **), кавалеромъ ордена святой Анны и получилъ нѣсколько сотенъ душъ цѣною развращенія своей ***). Онъ изъ Страсбурга и извѣстенъ въ Германіи нѣсколькими подражаніями Аріосто ****) и нѣсколькими красивыми, хотя многословными стихотвореніями. Онъ принужденъ былъ также пожертвовать своею музою на алтарь фортуны, куда она сама привела неблагодарнаго. Я не знаю дѣлаетъ ли его счастливѣе политическая гордая осанка, какую онъ счелъ обязаннымъ принять, но она не даетъ ему такого вида.

Г. Донауровъ *****), передъ тѣмъ библіотекарь принца вюртембергскаго, а потомъ флегель-адъютантъ Павла сдѣлался также важною особою. Но я воздерживаюсь подробнѣе говорить о тѣхъ, кого не зналъ довольно, чтобы постановить какой-нибудь приговоръ объ ихъ достоинствѣ. Я отмѣчу единственно, что въ спискахъ милостей и повышеній, какія императоръ сдѣлалъ потомъ, я нахожу великое число лицъ, которыхъ удѣломъ должны бы были быть презрѣніе и публичное возмездіе.

*) Сыновей графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго гетмана Малороссіи и президента Академіи наукъ. Ихъ было пять. Наиболѣе извѣстными впослѣдствіи стали Алексѣй Кирилловичъ (1748—1822), свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ (1752—1836) и Григорій (ум. 1837), положившій начало потомству австрійскихъ подданныхъ. (Примѣч. перев.).

**) То, что называютъ въ Россіи кабинетомъ, не есть политическій совѣтъ. Это комната, гдѣ находятся личныя сокровища, драгоцѣнности и рѣдкости государя. (Примѣч. автора).

***) Онъ имѣлъ уже землю въ Финляндіи, области, уступленныя Швеціей, гдѣ крестьяне не совершенно подчинены тому же самому обычаю рабства, какъ русскіе. И Николаи часто жаловался, говоря, что эти нищіе почти ничего не приносятъ и притязаютъ быть свободными. Онъ только что получилъ крестьянъ въ Польшѣ. Онъ будетъ имѣть возможность, по своему произволу, ихъ разлучать, ихъ продавать или заставлять ихъ работать, какъ своихъ домашнихъ животныхъ, для украшенія своихъ садовъ. Пусть судятъ по этой чертѣ о томъ, чѣмъ сдѣлался въ Россіи этотъ страсбуржецъ, которому столь многіе писателишки льстятъ, какъ меценату. Если онъ прочтетъ это, онъ безъ сомнѣнія, будетъ удивленъ той умѣренности, съ какой здѣсь говорятъ о немъ, кто показалъ себя лицомъ къ лицу съ женщиной, которую долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ уважать въ ея несчастіи, почти столь же грубымъ, какъ его господинъ. (Примѣч. автора).

****) Людовикъ Аріосто—знаменитый итальянскій поэтъ эпохи Возрожденія (1474—1533). Онъ былъ сыномъ коменданта крѣпости въ Реджіо, воспитывался въ Феррарской школѣ и потомъ занимался юридическими науками. Однако истинной его страстью съ раннихъ лѣтъ была поэзія и когда отецъ предоставилъ ему, наконецъ, свободу въ выборѣ занятій, двадцати двухлетній Аріосто уѣхалъ въ Римъ для изученія древнихъ языковъ и изящной словесности. Въ скоромъ времени онъ уже сдѣлался извѣстенъ своими латинскими стихотвореніями и особенно драмами и обратилъ вниманіе двора. Кардиналъ Ипполитъ д'Эсте, братъ герцога Альфонса I, принялъ его къ себѣ на службу. Въ это-то время Аріосто и написалъ знаменитѣйшее изъ своихъ произведеній: „Неистовый Орландъ", раздѣленное на 46 пѣсенъ и потребовавшее отъ поэта 10 лѣтъ работы (1505—1515). Въ теченіе остальной жизни, занимась составленіемъ комедій, онъ постоянно возвращался къ новому пересмотру своего Орландо, выдержавшаго при немъ 17 изданій. (Примѣч. переводчика).

*****) Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, секретарь Павла I.

Ясно тѣмъ не менѣе, что окружающіе Павла морально выше, нежели окружавшіе его мать *). Онъ окруженъ людьми образованными и даже достойными. Я говорю, онъ окруженъ, а, можетъ быть, нужно бы было сказать: былъ окруженъ, потому что его непостоян-

*) Вотъ шутка, показывающая то мнѣніе, какое имѣли о большей части людей въ милости и въ почетѣ при дворѣ Екатерины. Она составлена въ обществѣ, гдѣ праздновали. Крещеніе по французскому обычаю и гдѣ королю бобовъ предложили вновь опредѣлить на должности придворныхъ, сообразно сь ихъ талантами и способностью.

Зубовъ никогда ничѣмъ не служилъ государству и ничѣмъ не служитъ болѣе Екатеринѣ съ тѣхъ поръ, какъ женоложницы, Браницкая и Протасова, исполняютъ свои обязанности. Ему дадутъ нѣсколько дозъ рвотнаго, чтобы заставить возвратить беззаконно взятое, и отправятъ на Бальдонскія воды возстановить свое здоровье.

Грфъ Николай Салтыковъ, президентъ военной коллегіи и воспитатель великихъ князей, назначенъ президентомъ медицинской коллегіи и діакономъ придворной часовни. Ему оставятъ даже гардеробъ великихъ князей подъ условіемъ, чтобы онъ заточилъ свою жену въ монастырь или отправилъ въ дома для малолѣтнихъ.

Графъ Безбородко, первый совѣтникъ государства и пр. будетъ назначенъ придворнымъ поваромъ, если только не предпочтетъ сдѣлаться директоромъ госпиталя для женщинъ съ венерическими болѣзнями, гдя находятся всѣ его подруги.

Вице-канцлеръ Остерманъ отправленъ въ Сен-Дени, чтобы замѣстить шпагу Карла Великаго, которая была длинна и плоска, какъ онъ.

Князь Барятинскій, маршалъ двора, будетъ назначенъ главнымъ палачомъ. Желаютъ установить родъ смерти болѣе мягкій, чѣмъ смерть отъ кнута, и онъ будетъ имѣть должность тайнаго давителя и душителя тѣхъ, отъ кого пожелаютъ отдѣлаться. будь то императоръ или его сынъ, съ условіемъ однако, не позволять имъ кричать, какъ онъ сдѣкалъ это около тридцати лѣтъ назадъ.

Маршалъ Суворовъ будетъ назначенъ привилегированнымъ живодеромъ человѣческаго мяса. Арміи позволятъ ѣсть его въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ болѣе ничего кромѣ труповъ.

Будетъ назначена комиссія изъ учителей, чтобы испытать, умѣетъ ли графъ Юсуповъ немножечко читать. и, въ этомъ случаѣ, его сдѣлаютъ суфлеромъ на спектакляхъ, глѣ онъ теперь директоръ.

Марковъ будетъ посланъ миниистромъ въ Парижъ, гдѣ онъ уже имѣлъ столь большой успѣхъ. Надѣются, что онъ будетъ способенъ примирить Россію съ французской республикой, потому что онъ былъ бичомъ русскихъ и польскихъ якобинцевъ, противъ которыхъ она также сдѣлала постановленіе.

Самойловъ, генералъ-прокуроръ, будетъ назначенъ въ конную гвардію, потому что, въ концѣ концовъ, онъ довольно красивый человѣкъ и потому что для этого нужно ничего больше.

Кутузовъ, директоръ кадетскаго. корпуса на мѣстѣ добраго графа Ангальта, будетъ обязанъ поставить памятникъ своему предшественнику. котораго усиливается высмѣять и о которомъ ежедневно заставляетъ сожалѣть. Впрочемъ его поведеніе лучшій панегирикъ памяти добраго Ангальта.

Старому генералу Мелиссино оставятъ артиллерійскій корпусъ, потому что онъ единственный генералъ отъ артиллеріи, который знаетъ свое дѣло, но на условіи, что онъ не будетъ распоряжаться денежными суммами и не пойдетъ влачить свои сѣдины въ переднія придворныхъ слугъ. Ему рекомендуютъ также влагать поменьше искусства въ свое поведеніе и поменьше дыма въ свои фейерверки.

Madame Ливенъ, гувернантка великихъ княженъ, сохранитъ свой постъ, хотя и имѣетъ нѣсколько видъ амазонки. Но грядетъ время, когда будетъ хорошо придавать немножко солдатскій видъ и даже великимъ княжнамъ.

Графиня Шувалова, оберъ-гофместерина великой княгини Елизаветы, также будетъ утверждена, но ей предпишутъ не позволять, чтобы за столомъ этой юной принцессы имѣли право говорить одни лишь дураки, если только они не дѣлаютъ этого съ здравымъ смысломъ, какъ во времена Эзопа.

Князь Репнинъ за то, что однажды, когда князь Потемкинъ попросилъ стаканъ воды, открылъ дверь, чтобы самому повторить лакеямъ это важное приказаніе, получитъ дипломъ главнаго лакея фаворитовъ, и эта должность для него будетъ тождественна съ должностью фельдмаршала. Между тѣмъ съ него сорвутъ лавровый

ство оказываетъ вліяніе на все, что его окружаетъ, и онъ не оставляетъ достоинству времени развратиться при дворѣ *).

Государь, котораго Павелъ, кажется, избралъ протоп мъ для своего царствованія и своихъ дѣйствій, это — Фридрихъ Вильгельмъ, отецъ великаго короля Пруссіи **). Та же самая жестокость, та же непреклонность, та же строгость нравовъ, та же страсть къ солдатамъ находятся въ русскомъ самодержцѣ. Впрочемъ я думаю, что очертилъ характеръ Павла, разсказывая о томъ, что онъ сдѣлалъ; если нѣтъ, то признаюсь, что работа эта выше моихъ силъ. Извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ описывать дитя, физіономія котораго еще не опредѣлилась. То же самое и съ капризнымъ человѣкомъ. Можно сказать только для большей снисходительности, что французская революція, подобная тому небесному свѣту, который повергъ когда-то его патрона Саула или Павла, поразила его мозгъ и разстроила умъ. Она взволновала уже голову его матери, гораздо болѣе крѣпкую, чѣмъ его. Что касается его наружности, было бы несправедливо упрекать его за нее. Вспоминается, что населеніе Парижа, собираясь вокругъ молодого еще Павла, восклицало: „Боже! какъ онъ некрасивъ!" и что онъ имѣлъ здравый смыслъ смѣяться надъ этимъ ***). Онъ не сталъ красивѣе съ тѣхъ поръ, какъ старъ, лысъ и въ морщинахъ. Странность, которую онъ предпочитаетъ въ платьѣ, грубость, какую онъ имѣетъ въ своихъ манерахъ, много увеличиваютъ его безобразіе. За исключеніемъ калмыковъ и киргизовъ, Павелъ самый некрасивый человѣкъ въ своей имперіи. Мало довольный самъ своею наружностью, онъ призналъ неумѣстнымъ отчеканивать ее на новыхъ монетахъ ****).

вѣнокъ, который онъ носилъ на своихъ сѣдыхъ волосахъ, потому что онъ допустилъ безъ единаго слова, чтобы шутъ наступилъ ему на мозоль и чтобы подарокъ небольшого дома показался ему искупленіемъ и утѣшеніемъ за эту обиду.

Г. Завадовскому, директору и расхитителю банка, дадутъ приказаніе отправиться въ Сибирь ловить соболей, чтобы приготовить мѣха для Ея Величества, потому что она вскорѣ не будетъ имѣть больше средствъ жить иначе. Она не можетъ уже снабжать ими свое семейство, а извѣстно, что Завадовскій лучшій охотникъ, чѣмъ финансистъ, и пр. и пр. (Примѣч. автора).

---

*) Это случилось. Князья Куракины и большая часть тѣхъ, кого я назвалъ подверглись опалѣ въ моментъ, когда я пишу. (Примѣч. автора).

**) Съ этимъ онъ несогласенъ, потому что говорилъ однажды: „Я хочу быть Фридрихомъ II на зарѣ дней, и Людовикомъ XIV къ вечеру". Прекрасно! прекрасно! Для васъ это будетъ бездѣлицей. (Примѣч. автора).

***) Онъ очень перемѣнился или, вѣрнѣе, онъ смѣетъ теперь показывать себя тѣмъ, чѣмъ, можетъ быть, уже былъ. Несчастный солдатъ въ ужасѣ отъ мученій, какія онъ терпѣлъ подъ палкою, по приказу Павла, за небольшое упущеніе по службѣ, воскликнулъ въ своемъ отчаяніи: „Ахъ! проклятая плѣшивая голова! ахъ! проклятая плѣшивая голова!". Раздосадованный самодержецъ приказалъ, чтобы его забили подъ кнутомъ, и издалъ распоряженіе, которымъ онъ запрещаетъ, подъ угрозой той же кары, пользоваться эпитетомъ плѣшивый въ рѣчи о головѣ, и эпитетомъ курносый въ рѣчи о носѣ. Онъ, очевидно, прочелъ, что одинъ святой пророкъ заставилъ медвѣдей сожрать сорокъ двухъ дѣтей за то, что они его такимъ образомъ оскорбили; а голова Павла, безъ сомнѣнія, равноцѣнна съ головой Елисея. (Примѣч. автора).

*) Новыя монеты не имѣютъ его изображенія, но только его вензель съ слѣдующими словами священнаго писанія, которыя здѣсь не предлагаютъ никакого смысла: „Не для насъ, не для насъ, но для имени твоего" Очевидно, что это какой-то девизъ мартинизма или обскурантизма, которыхъ Павелъ является защитникомъ. Кажется даже, что онъ хочетъ слить этотъ орденъ съ Мальтійскимъ, грасмейсте-

Вотъ нѣкоторые штрихи, которые довершатъ портретъ Павла изъ его собственныхъ дѣйствій и докажутъ, что въ бытность великимъ княземъ онъ предвѣщалъ то, чѣмъ его видишь въ бытность императоромъ.

Возлѣ Павловскаго дворца была терраса, откуда онъ могъ видѣть всѣхъ часовыхъ, какихъ онъ для забавы разставилъ повсюду, гдѣ имѣлись мѣста для будки. На этой закрытой террасѣ онъ проводилъ часть своихъ дней; взоромъ, вооруженнымъ стеклами, онъ наблюдалъ все, что происходило вокругъ него. Часто онъ посылалъ лакея къ тому или къ иному часовому застегнуть или растегнуть, болѣе или менѣе, пуговицу, носить ружье болѣе высоко или болѣе низко, прохаживаться вокругъ своей будки крупнымъ или мелкимъ шагомъ. Иногда онъ шелъ самъ, за четверть лье, отнести эти важныя распоряженія, билъ солдата или совалъ ему рубль въ карманъ, судя потому, насколько былъ имъ доволенъ.

Этотъ Павловскъ былъ открытой деревней; здѣсь были сторожевые, которые записывали всѣхъ входящихъ и уходящихъ. Нужно было сообщать, куда отбывали, откуда прибывали и чего желали. Всякій вечеръ дѣлалось посѣщеніе въ каждый домъ, чтобы освѣдомиться, нѣтъ ли тамъ иностранцевъ. Арестовывали всякаго, у кого была круглая шляпа, или кто водилъ собаку. Павловскъ, который любили часто посѣщать вслѣдствіе его красиваго мѣстоположенія, сдѣлался въ скоромъ времени пустыннымъ: ходили окольными путями, чтобы не проходить по нему, и бѣгали отъ Павла, возможно подальше, когда его замѣчали, что удвоивало его досаду и подозрѣнія. Онъ часто приказывалъ преслѣдовать и разспрашивать тѣхъ, кто пытались такимъ образомъ уклониться отъ него.

Онъ велѣлъ однажды посадить подъ арестъ всѣхъ офицеровъ своего батальона, потому что они плохо сдѣлали привѣтствіе эспонтонами *), проходя на упражненіяхъ, и велѣлъ имъ выходить въ теченіе восьми дней и дефелировать передъ нимъ всякій день, отсылая послѣ этой церемоніи на гауптвахту до тѣхъ поръ, пока заставилъ дѣлать привѣтствіе по своей фантазіи.

Однажды, во время упражненій, по его приказу, кирасирскаго его полка, лошадь сбросила одного офицера. Павелъ въ ярости прискакалъ:—„Подымайся, несчастный!“—„Государь, я не могу; я сломалъ ногу“.—Павелъ плюнулъ на него и уѣхалъ съ проклятіями.

Однажды, когда онъ нечаянно и украдкой проходилъ передъ одной изъ своихъ гауптвахтъ, офицеръ, не зная его, не велѣлъ выйти своимъ людямъ. Онъ возвратился немедленно, далъ пощечину офицеру, приказалъ его разоружить и посадить подъ арестъ.

Однажды онъ ѣхалъ изъ Царскаго Села въ Гатчину; дорога проходитъ посреди болотистаго лѣса. Вдругъ, вспомнивъ что-то, Павелъ приказываетъ кучеру возвратиться немедленно. Кучеръ—„Черезъ ми-

---

ромъ котораго, къ удивленію Европы, онъ только-что себя объявилъ въ тотъ же самый моментъ, когда онъ заключилъ союзъ съ турками. О мои друзья, удержитесь отъ смѣха! Но, увы! Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi (за проступки царей терпятъ народы. Horacius). (Примѣч. автора).

*) Родъ полупики.

нуту, государь! дорога здѣсь слишкомъ узка. Павелъ—„Какъ, негодяй! ты не хочешь повернуть тотчасъ же“. Кучеръ вмѣсто отвѣта спѣшитъ доѣхать до мѣста, гдѣ вещь была возможна. Между тѣмъ Павелъ бросается къ дверцамъ кареты, призываетъ своего берейтора, приказываетъ ему наказать и арестовать мятежнаго кучера. Берейторъ увѣряетъ его, что въ этотъ моментъ только-что собираются повернуть. Павелъ съ пѣной у рта отъ бѣшенства бросается на берейтора: „Ты пройдоха, какъ и онъ, говоритъ онъ: пусть онъ опрокидываетъ, пусть ломаетъ мнѣ шею, но пусть онъ слушается и поворачиваетъ тотчасъ же, какъ я ему приказываю это“. Во время этого припадка кучеръ нашелъ средство повернуть, но Павелъ велѣлъ его отодрать тутъ же, на мѣстѣ.

Во время одной прогулки лошадь его споткнулась. Онъ приказалъ Маркову, своему конюшему, оставить ее умереть съ голоду. На восьмой день Марковъ сдѣлалъ ему докладъ, что она издохла, и Павелъ сказалъ: „Хорошо“! Послѣ его вступленія на престолъ одна изъ его лошадей опять споткнулась подъ нимъ на улицахъ Петербурга. Онъ тотчасъ-же спрыгнулъ, приказалъ берейторамъ держать что-то въ родѣ совѣта и лошадь была приговорена къ полученію пятидесяти ударовъ дубиной. Павелъ велѣлъ дать ихъ ей въ присутствіи всего народа и самъ отсчитывалъ ихъ, говоря: „Это за то, что провинилась передъ императоромъ“.

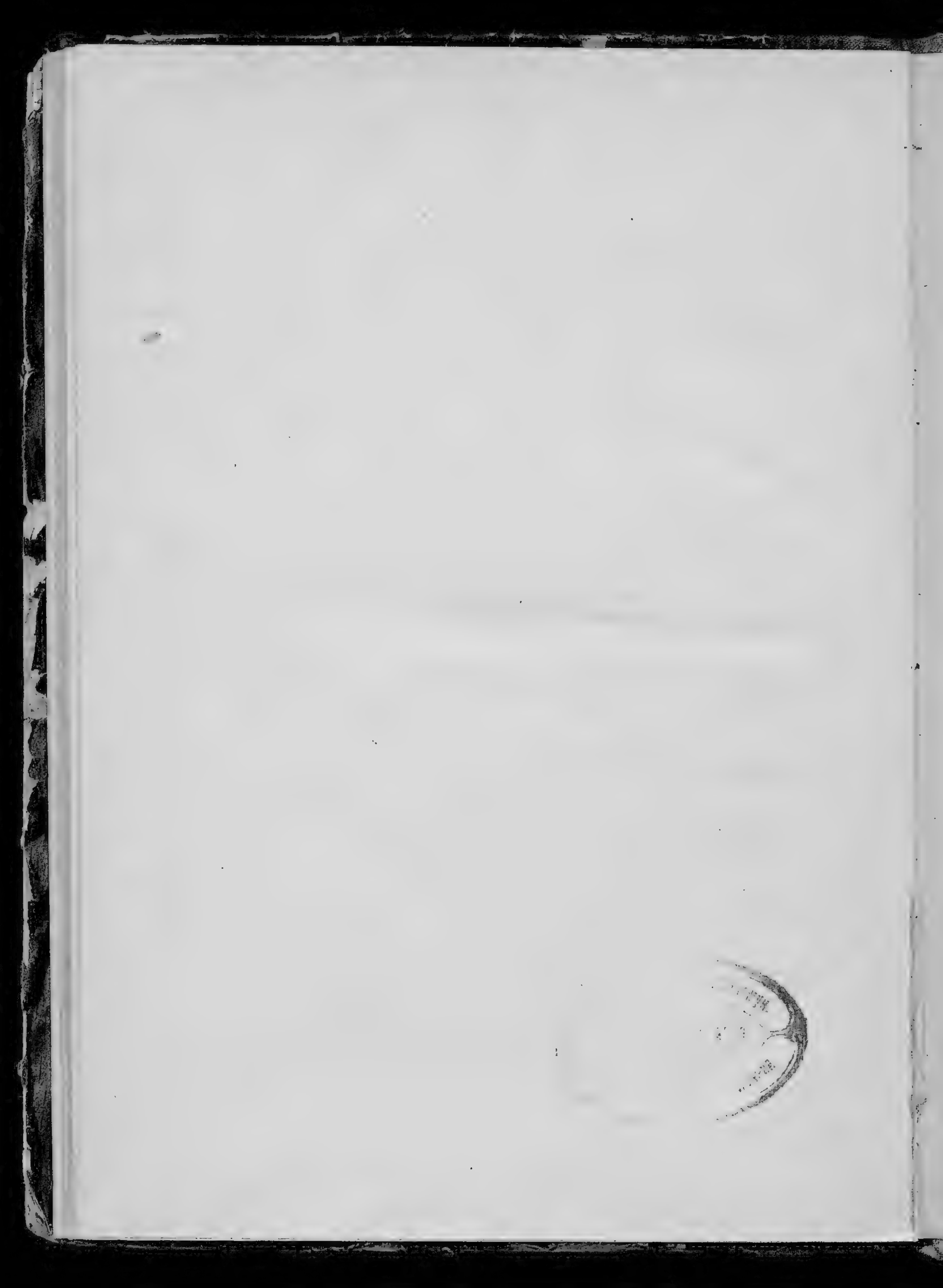
Павелъ уже, какъ великій князь, былъ столь щепетильнымъ соблюдателемъ формальности въ упражненіяхъ, что, замѣтивъ однажды весною, какъ лукъ Купидона напрягалъ и поднималъ узкіе штаны нѣкоторыхъ изъ его солдатъ, онъ всѣмъ имъ приказалъ расположить его на одной и той же ляжкѣ, какъ они носили ружье на одномъ и томъ же плечѣ.

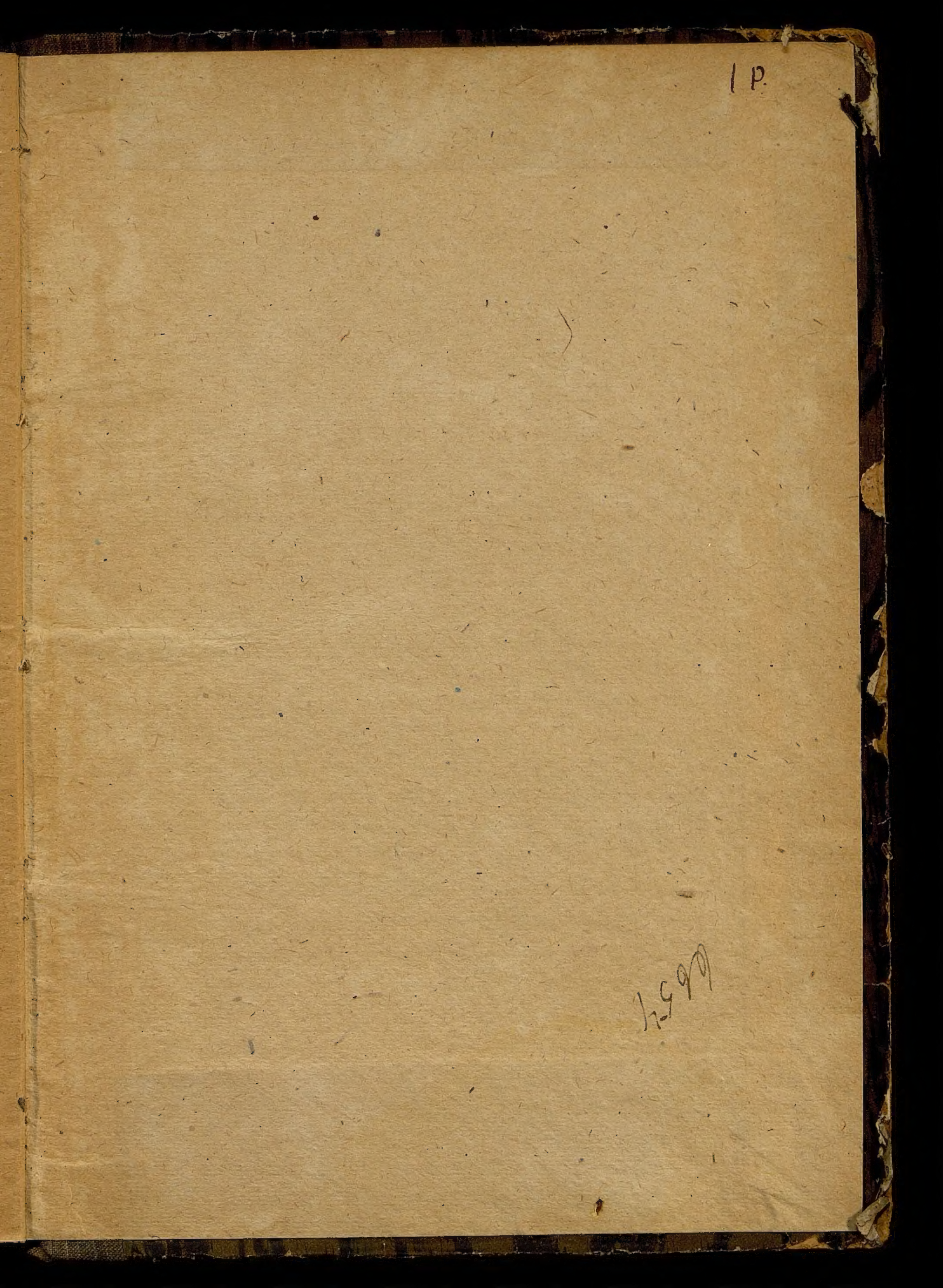
Навѣрное, примутъ это за грязную шутку. Но одинъ изъ присутствовавшихъ офицеровъ увѣрилъ меня въ этомъ, и всякій, кто немножко зналъ Павла, повѣритъ этому столь же легко, какъ и я.

Однажды онъ встрѣтилъ въ садахъ человѣка въ круглой шляпѣ, который хотѣлъ его избѣгнуть. Онъ велѣлъ привести его къ себѣ, и оказалось, что это былъ часовой мастеръ, шедшій починить его часы. Послѣ того, какъ онъ произнесъ ему длинную рѣчь о неприличіи круглыхъ шляпъ, онъ попросилъ нѣсколько булавокъ у своей жены и самъ поправилъ поля небольшой шляпы, изъ которой сдѣлалъ смѣшной головной уборъ, нахлобучивъ его вновь на голову его владѣльца.

Среди этого множества странностей онъ обнаруживалъ черты гуманности: пенсіи, какия онъ давалъ несчастнымъ, госпитали, которые онъ основывалъ для своихъ солдатъ, раздача мяса, какую онъ дѣлалъ для своихъ бѣдныхъ офицеровъ, и многія черты благотворительности и справедливости свидѣтельствуютъ, что онъ былъ еще болѣе капризенъ, чѣмъ золъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 P.

